

КРАЙ ГОРОДОВ

Петербургский литературный альманах
2012 №63

Евгений Петров

Улица, улица, Улица родная...

1. 1 сентября

Сегодня мне нужно идти в новую школу. Новую не в том смысле, что вновь построенная, а просто по окончании четвертого класса всех нас раскидали по разным школам. Так я и попал в это высоченное, по сравнению со старой уютной двухэтажной школой, четырехэтажное здание. Друзья все, нет, не все – Валерка перебежал в эту же школу, оказались неизвестно где. Валерка тоже, хоть и не решил вместе со мной, но попали мы в разные классы.

Ужасно не хотелось идти в мрачное серое здание моей, теперь уже моей, школы. То ли дело старая, желто-белая, в глубине яблонь нового сада...

Но делать нечего: надо идти... Встали мне в руку огромный, совершенно бесполезный, букет, прямо как мелкому – первокласснику.

– Иди, получай знания, – папа подтолкнул меня в спину, в качестве наказания.

Тяжело вздохнув, я вышел на затиную ярким осенним солнцем улицу.

Густая, еще зеленая трава на газоне, а может, и на окантованной кленами и тополями полянке, весело зашевелилась под легким ветерком, словно приглася меня поиграть, побегать.

– Некогда мне, – отмахнулся я, ощущая непривычную пустоту внутри и, повернув направо, как можно бодрее зашагал по направлению к школе.

Тополя, расчертившие темными полосами ослепляющий асфальт, привлекливо шелестели листьями.

– Иди–и сме–е-ее. Это всего лишь–шь ещ–ше один уч–чебный год–д–д...

– Справлюсь, – махнул я им в ответ букетом...

...И тут нос к носу столкнулся с Валеркой, спешащим мне навстречу с таким же дурацким букетом.

– Юрка, ты куда? – глаза его раскрылись по семь копеек, – шкода-то в другой стороне...

Я озадаченно на него посмотрел. Недоуменно pokrулil голову: действительно, я шел по привычной за четыре года дорожке к старой школе.

– Тыфу ты! – я развернулся и зашагал рядом с Валеркой, размашивая букетом. Почему-то я не додумался выбросить его.

– Ай–ай–ай, – укоризненно погрозили нам клены, осыпав «вертолетиками».

Школьный двор. Перекрытая массивной чугунной оградой на кирпичной основе, небольшая площадка была заполнена школьниками почти как автобус в часы пик.

В этой толчее я с превеликим трудом отыскал свой будущий класс. Классная руководитель – габаритная тетка, учитель английского языка, с труднопроизносимым именем: Эльвира Леонидовна, или, как ее называли между собой ребята – Леонардовна, промолгласо предстала меня и еще двоих ребят, оказавшихся тоже новичками в этом классе: толстенького, почти круглого теленовопосового Пашку Мельведева, действительно выглядевшего как мляведь, и высокого худого Мишку Крекера, чья светлая голова возвышалась над остальными одноклассниками как башня. «Истинный ариец», – мелькнула в голове фраза из прошедшего недавно фильма про Штрипца.

Потом организованной гурьбой мы все повлигли в класс.

Рядом со мной за партой оказалась несколько высокономерная девочка с длиннопощей косой, за которую неудержимо захотелось дернуть, чтобы не задавалась... Иринка – ее имя. Мне тут же вспомнилась другая Иринка – из старой школы, тоже соседка по парте. Наша с ней дружба только-только начала завязываться в конце прошлого года. Вдруг вновь захотелось ее увидеть, но теперь это было совершенно невозможно: летом вместе с родителями она переехала в другой город. Я украдкой взглянул... Иринка коротко поклонилась на меня, хмыкнула и задрала свой вздернутый нос еще выше. Вот задавака! У меня аж ладони вспотели, и руки к ее косе чуть не потянулись...

Но девчонок бить нельзя – это правило я запомнил еще с детства и старался его не нарушать.

Леонардовна что-то пыталась боржомить по-нерусски. Читала из книжонки какие-то расказики. Я абсолютно ничего не понимал, и от нечего делать принялся с интересом рассматривать новых одноклассников. Большинство из них, насколько я видел, так же, как и я, занимались кто чем может. Леонардовна дочитала очередной рас-

сказ и раскатисто расхохоталась. Кое-кто выдвинул из себя вежливый смешок...

Прозвенел спасительный звонок.

Хлопки парт наполнили класс. Ребята рванулись к выходу. В коридоре меня окружили пацаны-одноклассники.

– Стукнемся? – подскочил ко мне вихристый паренек, насколько я запомнил, его зовут Макс.

Мелькнул кулак. Скуду скользком ожгло. Я неуклюже отодвинулся в сторону, невольно выбросил вперед руку. Мой удар попал в живот Макса.

«Ну, – думало, – щас всем scopом наваяться – новичка «учить», – внутри меня аж похолодело.

К моему удивлению, меня лишь хлопнули по плечу: «Молодец».

– Надо было ему в рожу дать, – равнодушно бросил крепкий, но несколько вяжавый парень, – я – Деха... – сказал, и пошел прочь странной шаркающей походкой, шатаясь из стороны в сторону.

– Как там тебя? Юрка? – между тем выпрямился Макс, – Деха прав... Что же ты, в морду двинуть не можешь?

– В морду?... – протянул я с деланной задумчивостью, – А зачем? Вдруг покачечу... – сказал я это скорее для большей значимости. Не любил я драться. Что толку кулаками махать? Все вопросы можно и так решить...

– Смешно... – протянул Макс. Ребята отошли от меня, занимаясь своими делами, делаясь летними воспоминаниями. Конечно, ведь они знакомы не первый день, и даже не первый год. У них уже давно сложились кампаниями. Я же пока не вписывался ни в одну из них. Может, как-нибудь потом... А пока я оставался в одиночестве... В ожидании звонка я бродил по просторному коридору.

– Ну как? – неожиданный хлопок по плечу заставил меня вздрогнуть и непроизвольно сжаться.

Я резко обернулся. Переделой мной, улыбаясь во весь рот, стоял

мой Валерка. Лучший друг. Мы с ним...

— Все пучком, — отозвался я, укралкой поглядыв скулу.

— Ну, давай! Встретимся после уроков! — и умчался куда-то со своими одноклассниками.

Я затравленно оглядываюсь вокруг... Стало еще более одиноко... Снова, ужасно вовремя, прозвучал звонок.

Мой любимый урок — математика. Математичка в новой школе мне сразу понравилась. Полоньякая добродушная женщина Зоя Александровна, оказавшаяся к тому же завучем, толково и доходчиво объяснила, чего от нас ждет. Я с головой погрузился в шарующий мир чисел. Увлечено я решил пример за примером, пока удивленно не заметил, что все задания паратрафа кончились... Математичка весела мне легко давалась...

— А я уже все решила... — мелодичный глубокий голос за спиной заставил меня обернуться.

Мигловидная девочка, Наташа Неволгина, тянула руку. Чем-то она мне сразу понравилась...

В оставшиеся два урока я нет-нет, да оборачивался посмотреть на нее. Что в ней было особенного? Обычная девчонка. Серо-зеленые глаза, несколько веснушек на щеках, прямой нос, две косы. Вроде, ничего такого... но снова и снова хотелось смотреть на нее...

Вечером, идя с Валеркой домой, я все вспоминал Наташу, почти не слушая, о чем восторженно вещал мой друг...

Так закончился первый школьный день...

2. ФОНТАН

Утром ко мне забежал Валерка. Время до школы еще было: мы учились во вторую смену.

— Пошли, погуляем!

— А то...

Мы выскочили на улицу. Стоял жаркий сентябрьский день. Ярко светило солнце. Не скажешь, что лето уже давно кончилось и наступили осенние школьные будни.

Мягко шелестели листьями, кое-где уже пожелтевшими, деревья. В неведомой дали чирикали запоздалые птицы. То ли забыли, что уже не лето, то ли радовались теплоте солнечному деньку. Кто их разберет. В голову-то к ним все равно не залезешь. Злорово было идти по нагретому асфальту. Мы с Валеркой мерили шаг, старательно переступая через длинные черные тени, время от времени перечекиваяющие наш путь.

Я машинально крутил в руках недавно тшательно вырезанную из доски саблю. Мы собирались поиграть во что-нибудь. А сабля в данном деле далеко не последнее дело — всегда пригодится.

— А пойдем купаться, — неожиданно предложил Валерка.

Я взглянул на припекающее солнце. Внезапно захотелось брызнуться в прохладную воду, воспользоваться последними теплыми деньками, вспомнить прошлое лето. До такой степени захотелось, что я даже ощутил, как потружжась в ласковую воду Камы.

Однако ближайшее место для купания находилось за зданием цирка. Причем нужно было пройти по круглому склону, пересечь многочисленные железнодорожные пути, пролезать в дыру в заборе. И только потом можно подойти к реке. Я представил этот не очень приятный путь, и мурашки побежали по коже. К тому же на берегу, как раз в месте купания, постоянно ошивалась местная шпана. Общаться с этой компанией не хотелось совершенно. Я еще плохо умел плавать и отчаянно боялся, что эти пацаны меня засмеют.

— Что-то не хочется тапиться к Каме, — сказал я как можно более небрежно и независимо, — давай лучше тут поиграем...

— Тут так тут, — сразу согласился Валерка, — а во что?

Этот вопрос застал меня врасплох.

— На месте решим.

— На каком?

— Как обычно — на пустыре.

Глаза Валерки почему-то поскучнели. Мой друг несколько отстал от меня, что-то обдумывая.

— Ну, ты чего?

— Знаешь, я придумал, — поведал выдур Валерка.

— Чего еще? — насторожился я.

От Валеркиных выдумок можно было ожидать всякого. То мы с ним в сугробы с сараев прыгали, чудом не полав на приколпанные в снегу вылы, как ни странно, но остржем вверх. Кто их там так поставил? То при игре в Робина Гуда друг в друга из лука стреляли. Валерке тогда стрела с накопником из гвоздя в язык попала. Зачем он язык наружу высовывал? То... Да мало ли чего было.

— Пойдем купаться, но не на Каму.

— А куда?

— Во двор больницы, — он с удовольствием посмотрел на мой ошарашенный вид, — там у них фонтан есть с теплой водой...

— А туда можно? — я выдурт вспомнил этот фонтан, окруженный огромной, выше человеческого роста, решеткой.

— Почему нет?

— Зря, что ли, его решеткой отгородили.

— Да, нормально все. Наши там часто купаются.

— Что, через решетку перелезай? — я с недоверием смотрел на Валерку.

— Там в ней дырка есть...

Фонтан — это, конечно, злорово. Он не должен быть глубоким и мое неумение плавать не будет заметно. На душе даже как-то полегало.

— А там есть где плавать-то, — я даже Валерке стеснялся признаться в своем недостатке.

— Найдется! Побежали!

И мы рванули к фонтану...

Только взрослые ходят по тротуарам. Это непреложная истина. Мы с Валеркой, вполне естественно, этого правила не придерживались. Мягкая, кое-где начинающая желтеть, трава газона легко сминаясь под ногами. Земля гудко отдавалась на каждый шаг. Мы

стремительно неслись по утренним улицам, старательно огибая деревья, которые нет-нет да заступали нам дорогу. Каждый раз при таком событии я ударял морщинистый ствол саблей и неизменно восклицал:

— Получи!

Стараясь не отставать от меня, Валерка подхватил с земли доволь-но прямую ветку, старательно отстил от лишней веточки и листьяев, превратив в своеобразное оружие.

— Давай поиграем в заповоржцев, — на бегу обернулся он ко мне.

Валерка недавно прочитал несколько книг о казаках, таких, как «Тарас Бульба», «Азов» и другие, и все стремился подражать их героям...

У меня с этим все было не-сколько сложнее. О казаках я знал только из книг Г. Сенкевича и фильмов, снятых по их мотивам; например, «Потоп», «Пан Володыевский». Не очень-то привлекательно выглядели там заповоржцы...

Но игра — есть игра. Там все можно представить так, как хочется. Там даже самый страшный злодей может оказаться приятным человеком...

— Ну, заповоржцы так заповоржцы, — равнодушно отозвался я, в глубине души расчитывая, что Валерка в связи с такой игрой откажется от купания, — только вот они в основном верхом... не плавают...

— Все нормально, — отозвался мой друг, — с реками они тоже часто завязаны.

— Завязаны?

— Частенько они и по рекам перемещались. У них даже корабли — «чайки» были.

— Как скажешь...

...Наконец, вырели приземистое здание поликлиники, покрытое белдно-желтой облупившейся краской, которое мы и называли больницей.

Тут наши движения непроизвольно сделались более осторожными. Мы крадучись пропиккли во двор больницы. Вот и фонтан...

Высокая, в виде закрученных пестей, решётка много выше нашего роста, окружала фонтан.

— Куда тут? — я растерянно огляделся.

Взгляд мой упал на неболизкую табличку со строгим надписью, криво прикреплённую ржавой проволокой на одном из прутьев решетки:

КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО! ВОДА ТЕХНИЧЕСКАЯ!

— Смотри... — я толкнул Валерку под бок и показал надпись.

— Фитня, — отмахнулся мой друг и, подойдя к неболизкому холмику, принялся быстро раздвигать.

— Но...

— Брось, — Валерка в одних трусах двинулся вдоль решетки, высккивая лазейку, — ага, вот она! Он легко проскользнул между прутьями и бросился в воду с небольшого поребрика.

— Давай сюда! Что ты там мнешься?

«Дадно, попробую и я»

Я скинул одежду, машинально чуть не сняв и трусы.

— Ты чего? — недоумённо окликнул Валерка.

«Тыфу ты»

Я подернул трусы и двинулся в сторону лаза, прописнулся, острожно опустил ноги в воду, оказавшуюся неожиданно тёплой и с тяжёлым сердцем оттолкнулся от бетонной стенки, погружаясь в фонтанный бассейн...

С ужасом заметил, что ноги не достают дна. В фонтане оказалось гораздо глубже, чем я мог предполагать. Внезапно захотелось выбраться обратно.

— Плыви сюда, — позвал Валерка.

Вода в том месте, где он стоял, едва прикрывала его плечи. Видимо, там был какой-то выступ. Это приободрило меня: на камне я смог бы немного отстояться, прежде чем направиться обратно. Купаться уже совсем захотелось.

Я плюхнулся в воду, направляясь к другу...

Снова попытался встать на дно... его не было... и я с головой скрылся под водой. Внутри меня все сжалось от ужаса...

«Тону!»

— Держись, — Валерка протянул мне руку, собираясь вытащить меня на камень рядом с собой.

Я лихорадочно впился в Валеркину ладонь и попытался полтнуться. Однако произошло обратное: друг мой соскользнул с камня и...

... Некоторое время мы барахтались в тёплой воде фонтана, то и дело то скрываясь под водой, то выныривая на поверхность...

— Спасите! — завопил я в пустыннй двор, — Тону!!!

Валерка уже окончательно скрылся из вида. Ноги мои опущались его странно обмятшее тело. Но помочь ему я ничем не мог.

— Помогите!

На наше счастье к решётке фонтана приблизился какой-то парень лет двадцати.

— Помогите!

— Держи, папан, — он протянул мне руку и вытащил на сушу.

— Там... еще... Валерка, — еле слышно проговорил я, дрожа натгивая одежду прямо на мокрое тело. «Чтоб я еще пришел сюда...» Мой спаситель быстро разделился и нырнул в фонтан.

Через несколько томительных мгновений безжизненное тело Валерки показалось на поверхности. Тут я смог перевести дыхание.

Изо рта Валерки хлынули потоки воды. Несколько движений искусственного дыхания... Я напряженно, застывшим взором, следил за действиями спасателя...

Наконец мой друг закашлялся и осмысленно посмотрел в мою сторону.

Губы его шевельнулись.

— Что произошло? — его вырвало.

— М-мы тонули...

— Да? — он с трудом приподнялся и сел.

— Ну, утопленники, как вы? — парень улыбнулся и принялся отведать.

— В-все... п-пцеем, — отозвался Валерка, щелкая зубами.

— Справитесь сами?

— Конечно...

Мы, подерживая друг друга, медленно двинулись домой...

3. «Тесто»

Прошло несколько дней. Фонтанные события несколько позабылись. Но все равно я с настороженностью проходил мимо. Стоило увидеть падающие серебристые струи окутанной паром воды, как явно ощущалось под ногами мягкое податливое тело Валерки. Аж все-то передепривало. Тогда-то я и дал себе зарок — не ходить по той улице. Для меня огньне ее не существовало.

Кроме всего прочего, после этих событий подхватил я простуду и вынужден был торчать дома. С одной стороны здорово: в школу ходить не надо, занимайся, чем хочешь. Но ведь такая тоска сидеть дома, и нося не высовывая на улицу. Да и Валерку теперь не выискаю из дома до самой школы.

Э-эх-х, жизнь.

Правда, и на улицу не особо и хочется. Прислонился к оконному стеклу, посмотрел во двор. А за окном шел противный, какой-то серый, дождь. Тяжёлые листья, прибитые потоками воды лениво опускались на мокрый с пузырярими лужками асфальт.

Тоска-а.

Может, вообще-то оно и к лучшему, хоть какую-нибудь книжку прочитаю. Будет что потом предлжить Валерке для игры. Выпустят же его когда-нибудь. Вытащил одну из своих любимых — «Одиссею капитана Блада», Классная вещь — про пиратов. Начнешь читать — не оторваться.

...И вот я уже вместе с Питером Бладом скачу для оказания медицинской помощи лорду мятенников...

Драчуны Кирка...

Тут я остановился в чтении, задумчиво огляделся вокруг.

На память пришло давнее мое увлечение. В детстве, года два-три назад, я очень любил лепить из пластилина различные фигурки и разгрярывать с ними различные сцены. Из-под моих рук когда-то выходили герои книг и фильмов.

Вот и сейчас выдрут нестерпимо захотелось слепить этих самых драчунов Кирка, довольно подробно описанных в книге.

Я отложил капитана Блада в сторону и вытащил ящик стола в поисках коробки пластилина.

Он же должен где-то быть. Во всяком случае, мы его покупали, когда готовились к школе.

Вот и разыскиваемая коробка. Ровные брусоочки разноцветного пластилина спокойно лежали между картонными полосками, с интесом потлдяывая на меня.

«Ну, что ты будешь сейчас делать?»

Это они намекали, что ролителем очень не нравилось, когда я начинаю что-то делать из пластилина.

— Опять тесто месить? — обычно говорил мама.

Несколько раз все мои кентавры, гладыаторы, львы и прочие персонажи просто превращались в огромный разноцветный ком или же все вместе оказывались в мусорном ведре. После каждого подобного случая я долго не брался за любимое занятие. Потом все равно к нему возвращался.

А сегодня, ну прям руки зачесались. Но нужно все было сделать так, чтобы родители не заметили... Поэтому, отщипывать пластилин следовало крайне осторожно, чтобы со стороны заметно не было...

Но тут я уже давно использовал свой собственный способ. Нужно аккуратно достать брусок, отколунуть необходимый кусок от нижнего угла — и никто ничего не заметит, если только не будет до-ставать пластилин из коробки...

— Ну, вот, пластилин добыт. Прислушим.

Я принялся за дело...

И вот передо мной несколько фигурок. Осталось обрядить их в форму соответствующего полка.

«Так, — размышлял я, глядя-вась в текст, — прозвище солдат — «раки», следовательно — мундиры красные».

Внешний вид драгун на иллюстрации в книге. Через некоторое время на столе ровными рядами лежало что-то около десятка солдатиков.

Осталось изобразить золотой галун...

— Оп-па! — тут я крепко задумался. — Из чего бы мне его сделать?

Можно было бы, конечно, нагепить полоски желтого пластилина. Но это выглядело бы крайне неэстетично. Хотелось бы, чтоб золотого блеского, а не просто соответствующего по цвету.

— Стоп! — сказал я сам себе, — у нас же где-то были конфеты, отложенные на мамин день рождения. А золотка, то есть фольга, в них, по-моему как раз желтого цвета.

Не долго думая, я принялся шарить по всем кухонным ящичкам и шкафчикам.

Ура! Вот они!

Грудка разноцветных шоколадных конфеток лежала передо мной. Вдруг в душе моей шевельнулся червячок сомнения. «Конфеты приготовлены к празднику. Как мне добыть золотку?» Я не мог съесть ни одной конфетки.

А может...

Точно, так я и сделал. Я аккуратно разворачивал фантик, доставал золотку, а потом заворачивал конфетку обратно...

«Здорово я придумал, — шевельнулась гордая мысль, — почти ничего и не заметно».

Я положил конфеты на место и вернулся к своим солдатикам...

Нарезать узких золотых полосок, наклеить их на фигурки — получилось великолепно. Драгуны смотрелись просто великолепно — хоть сейчас в бой...

...Но...

Почти никогда не обходится без этого самого «НО».

Из чего сделать шпаги?

Золотки для этого явно не годились: слишком мягкие. Нельзя было делать оружие и из пластилина. Получилось бы черт знает что.

Я принялся барабанить пальцами по столу, а сам лихорадочно шарил взглядом по комнате. Ничего подходящего...

Впрочем, как это «ничего», а булавки? Их еще называют английскими. Где-то они у нас были... Вроде бы, у мамы в швейной коробке есть.

Я рванулся к комоду. Вытащил картонную шпигу из разноцветных кусочков, коробку, с зампиранием сердца открыл...

Какова же была моя радость, когда на меня хитровато взглянули стальные иглочки английских булавок.

Наконец я смог завершить создание отряда драгун.

Но с кем они будут воевать?

И я придумал сделать фигурки по такому же образцу, но в мундирах черного цвета...

Это будут — испанцы...

...И сражение начнется...

В самый разгар боя раздался звонок.

«Неужто родители пришли?»

Я заметался по комнате в поисках укромного местечка для своей небольшой армии...

Звонок продолжал настойчиво звонить.

Кое-как прикрыв пластелиновыми солдатиков листком бумаги, я открыл дверь.

И тут же обегченно вздохнул:

В дверях стоял Валерка.

— Ты чего так долго не открывал? Я специально бегу, чтоб успеть за тобой заскочить, а ты...

— Я думал, родители...

— И что?

— Смотри... — не дав Валерке даже снять башмаки, я пошлil его в комнату, показывая свою армию.

— Клас, — восхитился Валерка, — я тоже так хочу...

— Прислунай...

— Ага, прислунай, а школя?

Я посмотрел на часы. Действительно, наступило время, когда нужно было идти в школу.

— Я не могу, — проговорил я, — болею...

— Ну, ладно, я побежал... Завтра еще забегу...

Он скрылся.

Я долго смотрел в окно, наблюдая, как мой друг постепенно скрывался за пеленой дождя.

Потом вернулся к солдатикам.

Раз Валерке понравилась, значит, нужно сделать их как можно больше, чтобы можно было нормально играть...

Отряд за отрядом выстраивался на подоконнике своеобразными парадом...

— Опять тесто месить? — подопшла сзади мама и устало опустилась на стул.

4. Быстрый огонь

Завершилась томительная неделя болезни. Завтра снова в школу. Трудно сказать, хочется мне или нет. С одной стороны — да, хочется, снова увидеть Наташу; но в то же время — опять уроки, снова бормотание Леопардовны. Я посмотрел на свое пластилиновое войско.

На подоконнике к этому времени уже выстроилась целая армия. В глазах несколько зарыбило от разноцветных мундиров. Красные, зеленые, синие, даже желтые — раздобытые мной из разных книжек — ровными рядами стояли под знаменами, только и ожидала начала военных действий...

Днем ко мне заскочил Валерка, приволок свои фигурки. Да уж. Ничего я ему не сказал, но до чего его солдатика были неуклюжими: перевязи — простые колбаски, вместо голов — шарик. Я тяжело вздохнул, стараясь сделать это как можно более незаметно. Но не критиковать же моего лучшего, можно даже сказать, единственного то пока, друга. Впрочем, он и сам заметил разницу.

— Давай твоими поиграем.

Завязалась жаркое сражение.

Солдатики смешались на поле боя. Даже шттики и шпаги выглядели почти настоящими. Конечно, не обошлось и без споров. Кто не так схватил, кто нанал, кто победил в схватке. Мне кажется, что в подопных ипрах всегда так бывает...

Время пролетело незаметно.

Вот уже и два часа...

Валерка заторопился в школу.

Уроки начинались с полтретьего.

Он умчался. Я снова остался в одиночестве. Обратнo расставил солдатиков по полкам. Немного подбавлялся на стройные ряды французов, англичан, австрийцев, русских, тяжело вздохнул и отпривилась вглубь комнаты. Играть в солдатикн одному резко расхотелось. Да и какое удовольствие от такой игры. Это как играть сам с собой в шахматы или шашки. С одной стороны вроде бы и выпирал, а с другой — ты же и проиграл... От нечего делать включил телевизор.

Ух ты!

На экране замелькали индейцы, полетели стрелы в белых бангитов. Я схватил телепротрамму. Так и есть. Фильм «Белые волки» с Той-ко Митичем в главной роли. Это классно.

Я с удовольствием уставился в телевизор. Изображение, конечно, не было цветным. Все цвета отличались лишь оттенками голубого. Но и то... Это было что-то. Благородные индейцы отчаянно отбивались от белых колонизаторов. И действовали они не в пример честнее, чем белые. В голове моей сразу возникли темы для будущих игр с Валеркой.

Игры «про индейцев»...

Это здорово. Надо только зараннее придумать себе «индейское» имя.

Как их там называют?

...Зоркий Сокол, Меткий Глаз, Быстрый Олень, Стройная Береза (это уже девчачье)... В общем, все имена составлены из соответствующего и прилагательного.

Все — решено!

Буду называться Быстрый Олень. Тем боже, что и бегая я довольно неплохо. Вон легом, на спор с Валеркой, целый перетон между останковками бежал наравне с трамваем. Потом, правда, зашхался и отстал, но ведь бежал же...

Теперь — оружие. Тут еще прощупаю. Судя по фильмам, большинство краснокожих воинов вооружено луками и стрелами. С этим проблем быть не должно. Что такое лук?

Это палка со шнурком. Нечто подобное мы для игры в «Робин Гуд» делали. Желательно, чтобы палка была гибкой (это я помнил не только по нашей игре, но и по повести Крапивина из «Пионера» — «Альбе первая стрел», а шнурок крепкий, чтоб не порвался. Дома, естественно, ничего подходящего не найти. Не долго думая, я выскочил во двор.

Огляделся.

Гибкая палка?

Гибкая, но упругая?

Папа говорил, что они в детстве для лука использовали верес. Ну, где ж его взять в городе-то?

Придется обходиться тем, что есть...

Ветка от тополя, которых было особенно много во дворе, явно не подойдет, сломается в пять секунд. Ива? Она опять слишком гибкая — нет в ней необходимой упругости. Клен, мы его знали как американский, — прямые ровные побеги. Лучше их использовать на стрелы. Быстро наломал примерно с десяток ровненьких нетолстых ветвей. Так, стрелы у меня почти были.

— Как же я забыл? — хлопнул себя по лбу (жест где-то полсомотренний). При игре в лесных стрелков для самого лука мы использовали рабиновые прутья (или черемуховые).

С этим несколько сложнее. Раньше мы такие прутья в лесу срезали. А в городе...

Впрочем, есть такое место. Возле больницы — там, где фонтан.

Я помчался туда, стараясь не вспоминать о прошлом. В несколько минут я уже был на месте. Сам

источник моих недавних неприятностей осторожно обошел по широкой дуге.

Вот и заросли рабины.

Урал!

Обдирая локти и коленик выломился в самую чащу. Принялся старательно осматривать ствол за стволом.

— Ты кто? Что на-до? — неожиданно послышалось над самым ухом.

Я испуганно отпрянул в сторону и оглянулся. Метрах в двух от меня покачивалась на ветке синичка и выжидающе смотрела на меня черными глазами, поворачиваясь ко мне то одним боком головки, то другим.

— Да ну тебя, — отмахнулся я, — уж чирикаешь за человеческую речь принял.

И почти тут же увидел именно то, что мне нужно. Прямая палка с несколькими полыми листочками кем-то уже сломанная валилась на земле. Подхватил я это сокровище и помчался обратно домой делать оружие.

* * *

Дома, на кухне, разложил на столе свое деревянное богатство и принялся за дело.

Сначала кухонным ножом старательно подрезал разлохмаченные сломы. С обоих концов будущие лука прорезал канавки для шнурка. Стал снимать кору. Она отодвигалась от палок длинными лентами. Правда, после этого ошпиченная поверхность прутьев оказалась скользящая и липкая. Я и тут не растерялся: быстро протер беложелтые заготовки полотенцем. Остался шнурок — тетива... И с этим я справился, используя кусок маминной ужасно крепкой не то нейлоновой, не то капроновой бельевой веревки.

Сотнул свой новый лук. Красотал! Тетива озявдалась ровным гулким звучком. А чтобы ручки не скользили по луку, обмотал самую середину черной папиной изолентой, воткнув кроме всего прочего несколько подбортанных на дороте

голубинных перьев. В общем, лук получился просто на загляденье. Раньше гораздо хуже получалось. Надо опробовать...

Пострелял я кленовыми ветками по игрушкам.

Замечательно!

Разве что ветки — это только ветки, а еще пока не стрелы.

Занялся я изготовлением стрел.

Самое главное — наконечники. Для них хорошо использовать гвозди. Обычные гвозди, разве что убрать шпильку и респлющить острие. Ерунда. За несколько минут я наклепал себе с десяток наконечников, ровно по количеству кленовых дровков. Крепко примотал все той же изолентой. Оставалось сделать оперенье.

Из чего?

Подходящих для этой цели перьев не было.

— Ладно, это потом, — махнул я рукой, а пока быстро склеил нечто похожее из бумаги.

Теперь я был вооружен. Покидал полуценные стрелы в полочку для обуви. Класс! Стрелья втыкались, как им и положено.

Так, с оружием разобрались. Теперь — головной убор.

Теперь все просто: нужна головная повязка с перьями.

Саму ленту взял от старого, уже ненужного плаща, а по бокам пришил пару полосок завалившегося не знаю от чего пушистого меха. Напоследок пришил к повязке большое пологосое перо из папиной коллегции.

Вот теперь все было готово.

Быстрый Олень готов к подвигам...

5. Стрельба из лука

Валерка обаддел от моего предожения поиграть в индейцев.

— Ты чего, с ума с прыгнул, — протянул мой друг, — вообще протынул мой?

— А что такого?

— Ты на улицу смотрел? Там же дождь хлещет, — он покрутил пальцем у виска, — давай лучше в садикков. Я новых надедал. — Валерка вытаскил из портфеля (мы

собирались сразу от меня ийти в школу) пластиковые фигурки.

Посмотрел я на его изделки и чуть не заплакал от отчаяния.

Лучше бы он не принимался за подобную работу. Солдатки его вытядели, прямо сказать, отвратительно, грубо — никогда не старался он довести дело до конца, полностью пренебрегая проработкой деталей. Вот и сейчас в Валеркиных солдатках легко можно было увидеть некое подобие человеческих фигур, можно было даже отличить цвета мундиров, но в общем... все какое-то корявое, непропорциональное... Одним словом, что-то есть, а что — непонятно. Лишь отдаленное подобие. Даже ремни перевязей выглядели в виде толстенных колбасок...

Конечно, я не мог сказать ему этого в лицо: он искренне восхищался своими изделениями.

— Что-то не хочется, — пробормотал я, — давай — в другой раз.

— В другой так в другой, — пожал я плечами и убрал свои «шедевры» обратно в портфель.

Я обмеченно перевел дух, стараясь сделать это как можно более незаметно.

— Ну а как же мы будем играть в индейцев, не выходя на улицу? — вернувшись он к первоначальному разговору.

— Прямо здесь, — я обвел рукой комнату.

Валерка осмотрелся.

— Ну, здесь так здесь.

И вот тут я вытаскил лук и стрелы.

— Ух ты, здорово, — он пощелкал пальцем по туго натянутой тетиве.

Я взял лук в руки и выпустил стрелу в обуюную полочку. С легким стукком наконечник из сплошного твозды вошел в мягкое дерево.

— Здорово, — восхитился Валерка, — я тоже так хочу.

Об игре в солдатки он напрочь забыл.

— Меня зовут Быстрый Олень, — гордо проговорил я и надел на голову головную повязку с пером.

Снова взялась стрела, подкреп-
ляя сканное мной.

— Я все сказал! Хау! — прого-
ворил я, подражая героям Тойко
Митича.

— Тогда я буду... буду... — Ва-
лерка на мгновение задумался, —
Быстрый Варс.

Что-то подобное я слышал и в
фильме. Значит, он тоже смотрел
«Белых Волков». Замечательно.
Валерка достал из портфеля короб-
ку с красками — сегодня у них
рисование — и намазюкал себе на
щеках красные зигзаги — «индейс-
кая» раскраска.

Точно. Как я сам об этом забыл.
Я последовал его примеру и стре-
мительно нарисовал себе длинную
красно-желтую полосу, проходя-
щую через обе щеки и переносицу.

После наведения боевой рас-
краски я уселся верхом на стул.
Это будет лошадь. Взмахнул рукой
с зажатым в кулаке луком.

— И-и-и-и-и! — раздался в
комнате «индейский» клич.

Валерка плюхнулся в соседний
стул.

— Устроим соревнование по
стрельбе! — прокричал он.

— Легко...

Я слез со стула, то есть «с
коня», направился на кухню и тор-
жествующе притащил мамину раз-
дечную доску.

Вот и мишень.

Я укрепил доску-мишень на
спинке кресла, прислонив ее к
шифонуру. Выпустил стрелу.

Щелк!

Стрела торчала в самом краеш-
ке доски. Еще чуть-чуть, и я бы
промазал.

— ЕСТЬ! — я резко рванул кула-
ком.

— Теперь я!

Валерка выхватил у меня лук,
слетка прицелился и спустил тети-
ву. Стрела ткнулась в шифоньер
неподалеку от мишени и упала на
пол, не воткнувшись. На лакиро-
ванной двери осталась небольшая
зарубка. Я презрительно ухмыль-
ся старательно пригладил отстав-
шую щепочку и снова взял в руку
лук. Свистнула очередная стрела.

Мой выстрел на этот раз оказался
не лучше Валеркиного. Стрела,
дрожа бумажным оперением, тор-
чала из двери шифоньера. Легким
завитком отпеленглось дерево мебе-
ли.

А Валеркина стрела попала
почти в центр доски-мишени.

— И-и-и-и! — снова завопил я,
выпуская очередную стрелу.

Стрела...

Еще одна...

Еще...

Постепенно мишень превраща-
ется в иструживленную, истыкан-
ную острыми наконечниками дос-
ку...

Еще одна стрела...

Неожиданно доска раскололась
и свалилась на успанный мелки-
ми шепками пол. Следом посыпа-
лись стрелы.

К своему ужасу я заметил, что
некоторые стрелы, втыкаясь в
раздечную доску, пробивали ее
насквозь. Соответственно, на двер-
це шифоньера появились многочис-
ленные зарубки.

Ничего себе, поиграли.

Я почесал затылок.

Мы с Валеркой принялись ли-
хорадочно убирать следы преступ-
ления. Кое-как мы несколько ста-
дли содеянное. Конечно, полнос-
тью все исправить было не в на-
ших силах. Следы от стрел явно
выделялись на лакированной по-
верхности. Тут уж ничего не поде-
лаешь. Придется все оставить так,
как есть.

Часы пробили два. Пора в шко-
лу.

Мы засуетились.

Я схватил ранец, закинул его за
спину и рванулся к двери.

— Юрка, стой, — Валерка ухва-
тил меня руку.

— Что такое?

— Ты что, так и собрался в
школу в раскраске идти?

Чтоб тебя, совсем забыл. Напе-
регонки мы бросились в ванную.

Принялись усиленно тереть щеки.
Вода с лица текла красная, слов-
но налитанная кровью. Основная
масса краски смылась достаточно
быстро. Но... как много в этом

«но»... Акварель плотно впиталась
в кожу. Как мы ни старались, блед-
но-розовые полосы окончательно
так и не удалились. Куда девать-
ся? Торчать дома дольше — беспо-
лезная трата времени, которое и
так уже поджмало. Еще немного,
и мы опоздаем...

Пойдем так, как есть. Может,
никто не заметит. Тем более, что
полосы почти не заметны...

Мы со всей возможной быстро-
той побежали в школу...

* * *

Первым, кого я встретил, при-
дя в класс, была Наташа Неводи-
на. Она окинула меня странным
недоуменным взглядом. Неужели
заметила остатки боевой раскраски.
Вот невезуха. Что она обо мне
подумает?

— Ну, ну, — усмехаясь подошел
ко мне Пашка Медведев, — что это?
Нужно было как-то перевести
тему разговора.

— Не знаешь, — брякнул я пер-
вое, что пришло мне в голову, —
сколько человек в которте?

— Что? — опешил Пашка.

— Не знаешь? — как можно ис-
кренней проговорил я. — О чем
тогда с тобой разговаривать? — и
независимой походкой двинулся к
своему месту.

Пашка остался в недоумении.
Что-то вполголоса проговорил
Крекеру. Тот задумчиво посмотрел
в мою сторону.

Под их перекрестными взорами
я тяжело опустился на свое место.
Положил руки на пару и опустил
в ладони лицо.

Крем глаза заметил, как моя
соседка Ирина обернулась к На-
таше, и они принялись о чем-то
оживленно беседовать.

Прозвенел звонок. Начался
урок.

Третья подружка Наташи и Ири-
ны — Лена передала Ирине запис-
ку. Ирина осторожно развернула
записку.

Перед моими глазами мелькну-
ло в записке непонятное слово
ТКМЭЗУЕ...

Чем-то неувловимо знакомым
повеяло от этого странного слова...
Украдкой я взглянул на Ната-
шу — может, что и пояснилсь...

...Ничего...

Мысленно я представил Наташу
в индейской одежде. И до того что
сочетание показало мне ограничи-
тым, что поневоле залюбывался...

* * *

...Наконец урока кончились.

Я направился домой.

На улице быстро темнело. По-
разительно, но различные фонари
один за другим гасли при моем
приближении, словно в осуждении.
Я невольно замедлил шаг,
вспомнив вид шифоньера.

Что меня ждет дома? Отвер-
теться всяко не удастся.

Ноги начали заплетаться от
невыносимого нежелания идти до-
мой.

Но как бы медленно я ни шел,
подъезд неуклонно приближался.

С тлущим скрипом открылась
дверь подъезда. Медленно поплы-
ли под ногами ступеньки. Тяжелая
рука мучительно медленно подни-
малась к звонку.

Наконец, кнопка вжалась под
моим пальцем.

Почти сразу открылась дверь.
— Ну, рассказывай, — грозный
голос отца не предавался ничему
хорошего.

Я медленно поднял тяжелую,
словно чугунную, голову и взгля-
нул в грозные глаза отца.

— Мы играли, — еле слышно
пробормотал я.

— Во что?

Зашипел вытаскиваемый из
брюк отца ремень...

6. Индейцы Вундед-Ни

Неожиданно для себя я всерьез
увлекся индейцами. Каждый фильм
с участием Гойко Митича прома-
ривал ни по одному разу. На по-
доконнике рядом с моими пласти-
линовыми солдатками выстрои-
лось целое племя индейцев с пер-
ьями на головных уборах. Но мне
казалось, что этого невозможно

мало. Чего-то определенно не хватало.

— Книжки нужно читать, — уверенно проговорил Валерка.

И он погряз перед моими глазами какой-то книжкой с изобразительными на обложке индейцами в пышных головных уборах.

— Что это у тебя?

— Ни за что не узнаешь.

— Да ладно тебе. Покажи уж.

Я выхватил красивую книгу из рук друга, как ни пытался он препятствовать моему движению.

«Томек на тропе войны» — прочитал я на обложке.

— Ну и... — я повертел книжку в руках и неуверенно проговорил — Дай...

— Класная штука, — Валерка отобрал книгу обратно. — Вот сам прочитаю, тогда и тебе дам почитать.

— Я и без тебя справлюсь, — протянул я.

— Спорим, что я больше твоего книг про индейцев прочитаю, — выкрикнул Валерка с азартом.

— А давай, — почему-то согласился я.

И мы вместе с ним отправились в ближайшую библиотеку.

И тут мне конкретно повезло: в только что сданных книгах я практически сразу обнаружил книгу с почему-то знакомым названием «Последний из могикиан».

— Вот это именно то, что мне нужно, — не сдержавшись, воскликнул я чуть не в полный голос.

— Тшш... — укоризненно прошептал голос библиотекариши.

— Конечно, конечно, — я торопливо приложил палец к губам и направился к Валерке, — во, что я нашёл...

— Ну-ка, ну-ка, — следом за мной перешел на шепот Валерка, — а ты уверен, что она про индейцев?

Тут уже я и сам засомневался. А вдруг я в чём-то ошибся... Быстренько перелистал ряд страниц...

И... слава Богу... наткнулся на типично индейское имя Соколиный Глаз. Урра!!! Не ошибся!!! Пока-зал страничку Валерке.

— Во, видел? Соколиный Глаз! Пожалуй, я назовусь этим именем...

— Ну, уж фигушки, — свирепо прошипел Валерка, — если уж решил быть Быстрым Оленем, так и оставайся им.

— Как скажешь, — проговорил я и, схватив «Последнего из могикиан» под мышку, рванул домой, через плечо бросив другу, — вот прочитаю, тогда увидим...

Что я имел в виду, трудно сказать...

* * *

История последнего из могикиан заинтересовала меня настолько, что я никак не мог оторваться от книги ни днем, ни ночью.

Даже ложась спать, я брал с собой книжку. Накрывался одеялом и включал фонарик. Переделомной оживали герои. Я с увлечением следовал за Ункасом и Чингачуком по лесам Америки. Днем, в школе, даже на уроках я продолжал читать, положив книгу на колени...

К моей радости я узнал, Ункас и есть Быстрый Олень. Такое со-впадение поразило меня до глубины души.

И вот тут у меня появилась гениальная мысль: — я решил составить словарь «индейских» слов.

Сказано — сделано...

Сразу после уроков я помчался в магазин за тетрадкой. Аккуратно, во всяком случае мне так казалось, почерком вывел сверху страничку:

«Словарь индейских слов»

Дальше пошло-поехало.

Ункас — Быстрый Олень
Магуча — Хитрая Лисица
Чингачук — Большой Змей...

Неожиданно книга кончилась. С огромным сожалением пришлось сдать «Последнего из могикиан» обратно в библиотеку...
Начались поиски книг «про индейцев».

Одну за другой прочитал книги Шульца: «Ошибка Одноногого Бизона», «Моя жизнь среди индейцев» и другие...

Мой «словарь» неуклонно пополнялся.

И тут совершенно неожиданно для себя обнаружил книгу с моей тематикой среди произведений А.С. Пушкина: «Джон Теннер».

В словаре добавилось огромное количество новых слов...

Если так пойдет и дальше, то придется добавлять еще одну тетрадку.

Валерка даже начал обижаться на меня.

— Ты совсем перестал гулять, — уже в который раз укоризненно говорил он.

Наконец я поддался его уговору.

Мы выскочили на улицу. Стояли последние осенние деньки. Еще немного, и наступят более холодные дни. Игры неминуемо преобразуются. Зимой, в сугробах, уже так не поиграешь.

— Давай в индейцев! — предлогил я.

Мы прихватили новый лук, стрелы и рванули на пустырь.

— Ты знаешь, — на ходу подделался я своим новостями, — я тут кучу индейских слов нашёл.

— Ух ты! — восхитился Валерка и как-то совсем по школьному попросил: — Дашь списать?

— Обижать, — отозвался я и, прицелившись, выпустил стрелу в тонкий ствол одинокого тополя.

На мое удивление, стрела воткнулась в самую сердцу. Наконец-ник увяз вилоть до древка.

Выдернуть стрелу сразу никак не получалось. Я рванул изо всех сил. Молодецкий тополек качнулся, осыпав нас ворохом ярко-желтых листьев. Но стрела не шелохнулась.

— Ну вот, — протянул Валерка, — пропала стрела...

— Пропала и пропала, — отмахнулся я.

Стрела гордо дрожала на осеннем ветерке, покачивая серо-сызым опереньем из голубиных перьев.

Валерка почесал в затылке.

— Ты не слышал?

— Чего еще? — я оторвался от созерцания воткнутой стрелы.

— Про Вундед-Ни?

— Ну, ты даешь, — удивился Валерка, — там индейцы дакоты востане подняли.

— Врешь!

— Обижать, — Валерка демонстративно отвернулся, — все газеты об этом пишут... — и пропел:

Ты постой на минутку,
Есть важное дело.
Я вам песню спою
Про бойца Пелтиера.
Он брошен в застенки
В той Южной Дакоте,
Где...

— Что за...?

— Ну, вооще... — покрутил головой Валерка, — Леонард Пелтиер — это же борец за свободу индейцев...

— А-а-а, — быстро сориентировался я, — вот ты про кого. А то я сразу и не сообразил.

Быстро отляделся. С размаху хлопнул себя по лбу в несколько театрально жесте.

— Извини, — проговорил я виноватым тоном, во всяком случае, мне хотелось, чтобы он выглядел виноватым, — чуть не забыл, но сегодня нужно в школу пораньше...

— Зачем это? — подозрительно спросил мой друг.

Ну не мог же я ему сказать, что собрался посмотреть последние газеты. Поотом и плел все, что приходило в голову.

— Леонардовна зачем-то просила прийти, — с трудом выговорил я.

Помчался домой.

Первым делом развернул газету. В глаза мне бросилась изобразительная индейцев из Вундед-Ни.

— Вот это да! Буду собирать еще и картинки про индейцев...

7. Племя индейцев

Очередную книжку я нашел у знакомых, к которым зашел перед самой школой. Мама что-то просила передать, а я сразу – прямою ком к книжному шкафу. И сразу на нее наткнулся. На обложке изображены девушка с парой перьев за узорной головной повязкой и воин в оторочном головном уборе.

– «Зверобой», – прочитал я название.

У меня аж руки задрожали от желания прочитать очередные приключения индейцев.

– Можно мне взять?

– Бери, только читай осторожно, – тета Тома критически посмотрела на меня, – не испорти.

– Я аккуратненько....

– Ага, вот и еще одна, – торжествующе показал я книгу Валерке, вспомнив о нашем с ним споре.

– Ух ты! Дашь почитать?

– Не, не могу. У знакомых на время взял.

Я бережно спрятал драгоценную книгу в портфель.

Первый урок – математика. Читать абсолютно некогда. У нас с Наташей проходило негласное соглашение: кто больше задач и примеров решит. Мы оба даже в учебнике решенные номера точками обозначали. Впереді всего класса задания прорешивались. Какое уж тут чтение...

На ботанике я старательно углубился в приключения Зверобоя. Зачем мне все эти цветочки-лепесточки, всякие там крестоватные, сложноцветные – одним словом, сплошная мура. Зато книжка оказалась интересной. Вот Зверобой приборя в плавающий домик Тома Хаттера. Вот они вместе с...

Прозвенел звонок.

Следующий урок – русский язык; там уж точно не особенно почитаешь. Обычно приходится много писать. Упражнения там всякие.

Зато после – история. Там можно оторваться. Училка по истории – Руфина Викторовна – странно, она даже никакого прозвища не

имеет, – женщина добрая. Вряд ли она особо заметит. Правда, она и рассказывает очень интересно. Но все эти Междуречья и Хаммурапи – кому они вообще нужны?

Ирина тут как тут – мне в книжку заглядывает.

– Что читаешь?

– Отстань, – буркнул было я, но, вспомнив, что она Наташина подружка, нехотя пояснил, – Зверобой....

И вот тут-то мне потребовалась моя тетрадь с индейскими словами. Нужно же было записать новые слова:

Уа-Та-Уа – Тише–О Тише
Райвеннок – Расцепленный Дуб

Чтобы выглядело покрасивше, на пустом месте я обычно придумывал фигурки индейцев. Получалось вообще здорово, словно книга с иллюстрациями. Класс!

– Дай посмотреть, – Ирина чуть шею не вытянула, стараясь заглянуть в мою тетрадку.

Би-нанс-са – Прица
Не-кик-уоз-ке-чим-е-куа, –
женщина Вдыры

– Ничего себе, – проговорила она, – откуда взял?

– Секрет, – усмехнулся я, стараясь сделать это как можно более загадочно.

– Не хочешь, не говори, – надулась Ирина.

Украдкой я покосился на заднюю парту. Наташа внимательно слушала Руфину Викторовну.

Эх, зря я обидел Ирину. Может, через нее можно будет и с Наташей подружиться. Я взглянул на Ирину. Она что-то старательно записывала на листочке, прикрывая ручкой написанное. Только сейчас я заметил, что она имеет странную привычку жевать кончик косы в моменты раздумья. Ирина незаметно передала записку на заднюю парту. Наташа и Лена практически синхронно склонились над ней. И вот тут я заслужил

заинтересованного взгляда Наташи. Ради этого я готов был на все что угодно.

Налю спасать положение.

Я склонился к Ирине.

– Не злись, – проговорил я еле слышно, – просто я все это выписывал из разных книг.

– Я не злюсь, – она выпустила изо рта косу и откинула за спину. Прозвенел спасительный звонок, прерывая возникшую негов-кость.

Следующий урок – музыка. Там можно читать без проблем, точно уж никто не помешает. Но совершенно неожиданно рядом со мной за парту опустилась все та же Ирина. Это тем более странно, что на музыке порядок раскладки не действует, каждый садился, как ему вздумается. А тут...

– Вот что, – проговорила Ирина, как только мы уехали, – я не буду на тебя злиться, если ты...

– Что?

– А вот что, – она вытянула из портфеля тетрадку и протянула мне.

– Зачем это?

– Вот затюпишь рисунками, тогда я и подумваю, чтобы тебя простить...

– Рисунками?

– Ну да, нарисуй мне на всех страницах индейцев, и мы в расцеп...

– Индейцев?

– У тебя они довольно-таки неплохо подучаются...

– Согласен.

На перемене подошел ко мне Деха вместе с Мишкой Крекром. – Вот Юрка, – обратился Деха к Мишке, положив мне на плечо ручку, – он много знает про индейцев.

– Это хорошо, что он много знает, – протянул Мишка и взял рошил светлые волосы. – Может, и пригодится...

– Берем его в племя?

– В племя? – тут уж удивился я, – в какое еще племя?

– Понимаешь, – действительно проговорил Деха, – у нас в клас-

се создано два, а может уже и три, племени индейцев.

– Даже так? – я нескладно удивился.

– А тот – горделиво присангился Деха. – Мы – аначи.

– А кто другие? – тут уж меня пробил интерес к сказанному.

– Во главе наших врагов – денни-ленчипов – Наташка Неволина, – отмахнулся он, – и с ними вся их компания.

– Ага... Понятно...

– Ну что, войдешь в племя аначей, – спросил Деха.

– Давай-ка я лучше свое организирую, – предложил я взаимовыгодную альтернативу, – сможем потом образовывать союз, ну и...

– Интересный вариант, – Деха почесал в затылке и обернулся к Мишке, – а ты как считаешь?

– Тогда отправимся к нему Мака, – слегка усмехнулся Мишка, – будет нашим агентом...

И он наметрелся фильмов про шпионов. Интересная смесь индейцев и шпионов образовалась. Что там еще будет дальше? И почему они подошли ко мне именно сейчас?

– Значит, договорились, – они повернулись, чтобы уходить, – да, а как ты назовешь свое племя? – спохватился Деха.

– Мы будем навахи, – вспомнил я недавно прочитанную книгу «Сын племени навахов»...

Валерка наверьняка согласится...

8. Пожар

Третий урок – труды. Своих мастеров в новой школе не было. Приходилось тапиться в мастерские старой, чуть не сказал – родной школы, а это несколько квадратных. Успешь за перемену – хорошо, а не успешь – все равно надо успеть. На улице как назло стояла великолепная погода. Падающие ярко-желтые листья медленно увлекали замедлить великого-деши. На расступках вдоль школьного забора яблоньках зелеными ожерельями висели маленькие торьковато-кислые яблочки-липки.

Оказывается, еще не все потеряно, здесь тоже есть яблоки, как и в старой школе. Еще немного — и зарядят бесконечные дожди. Потом — снег. И наступит зима. В зиме, конечно, есть своя прелесть, свои возможности для игр и развлечений, но последние денки осени не сравнить ни с чем.

Я медленно бред возле яблонь, время от времени срывая яблочки. Они так здорово освесили во рту. Благодарь, да и только. Портфель покачивался в такт шагам. Идти на труды совсем не хотелось.

— Юрка, стой! — раздавшийся сзади голос преврал мои размышления.

Принесла нелетка.

Я обернулся. Меня дотоная Леха с зажатой под мышкой папкой. Многие из моих одноклассников тогда ходили с папками. Лехина папка же была особенная: яркоруанжевого цвета с накрашенным на ней трафаретом индейца.

Уж кого-кого, но именно Леху мне сейчас хотелось видеть меньше всего. Но что делать? В нашей игре в индейцев он был вождем, что называется, головного племени в нашем союзе.

— Чего тебе? — всеми силами стараясь выразить заинтересованность, обернулся я к нему.

— Вот что у меня есть, — он вжикнул молнией папки и вытащил замусоленную тетрадь.

— Что это?

— Индейские слова.

Интересно, неужели он тоже составляет словарь. Я нетерпеливо раскрыл тетрадку.

Амо — пещера
Аджио — белка

— Откуда это?

— Есть такая книга «Песнь о Тайавате». Там до фига индейских слов.

— Не читал.

— Ха, про индейцев знает много, а чуть ли не главную книгу не читал...

— Прочитай еще, — уклончиво проговорил я и отпирал в рот еще одно зеленое яблочко.

Я перелистнул несколько страниц в Лехиной тетради.

Олигархия — власть немногих

— Это не индейское слово, — указал я, — оно греческое.

Леха озадаченно почесал в затылке.

— Ты уверен?

— А то... — несколько высокомерно сказал я и поспешно добавил, — точно, точно — греческое.

— А ладно, — Леха махнул рукой, — пусть будет греческо-индейское.

Он несколько помаялся и вдруг вывалил:

— Я слышал, что у тебя тоже есть такой словарь...

— Ну... — насторожился я.

— Дай посмотреть, я, может, что и спишу к себе.

— Смотрите, — я вытащил свою заветную тетрадь с нарисованными индейцами.

Леха углубился было в расшатывание слов и рисунков, как вдруг его занятие прервал звук sireны.

Мы оба отпрянули. Прямо во двор школы, от которой мы так и не смогли далеко отойти, прикатила пожарная машина.

— Ничего себе, — проговорил я, — побежали, посмотрим, что там такое.

И мы, напроць забыв о трудах, припустились обратно к школе.

Увиденное поразило нас.

Двор был переполнен школьниками и учителями, которые в редком единодушии смотрели вверх.

Из крайних окон четвертого этажа вырывались клубы черного дыма вперемешку с редкими бledно-оранжевыми языками пламени.

Насколько я понял, горел угловой кабинет, там где у нас обычно проходил урок русского языка.

Пожарная машина, подъехав почти к самому зданию школы, выдвигала лестницу. Пожарник в плохом стибалошейке брезентовой робе уже взбирался по ней, волооча за собой

шланг. Брызнули разбитые стекла. Мощная струя воды ворвалась в другие окна этого же класса.

— Ничего себе, — с непонятной интонацией проговорил Леха. Тем временем языки пламени поспешно скрылись. Черный дым начал светлеть, пока не превратился в белый клубящийся пар.

Пожарники задвинули лестницу, смогали шланг и уехали.

Все мы, включая учителей и учащихся, остались наедине с обгоревшей школой. Какие уж тут труды. Как только всем разрешили вернуться в школу, мы с Лехой стремительно бросились на четвертый этаж, чтобы оценить величину повреждений. Тут нас заметила Зоя Александровна, математичка.

— Вот что, ребята, — строго проговорила она, — давайте-ка будем наводить порядок.

— Это как? — непонимающе уставился я на нее.

— Ну видите же, что тут у нас творится.

Да уж, картина и вправду была неприятная. В кабинете по широкотку стояла мутная буроватосерая вода, в которой как-то обреченно стояли обгоревые столы и стулья. Плавали какие-то разрозненные листки, какие-то схемы и многое другое.

Делать нечего, и мы с Лехой включились в работу.

Первым делом вытащили всю воду. Сколько раз мы спустились с полными ведрами вниз, с четвертого этажа на первый, наверное, и не сосчитать. Мы старательно таскали воду, соревнуясь с ребятами из других классов. В школьном дворе образовалась огромная лужа — все стремились вылить грязную воду именно туда — как ее потом будем обходить, никого не интересовало. После вытащили в коридор обгоревшую мебель. Пот с нас капил, что называется, ручьем.

После пожара да после воды воздух в кабинете по своим качествам очень напоминал парилку, но с каким-то неприятным запахом. Устали мы все до невозможности.

— Давай передохнем, — проговорил Леха, отирая лоб.

— Давай, — тяжело дыша, согласился я.

Тем более что нашей помощи вроде как больше и не требовалось. Мы заскочили в соседний кабинет, по игре случая это оказалась наша классная комната, и плюхнулись за ближайшую парту. Леха непроизвольно сунул руку внутрь парты. Что он хотел там найти?

— Ничего себе, — потрясенно проговорил он, вытаскивая целую груду ключков бумаги.

Я не поленился и затянул внутрь. Увиденное заставило меня крепко призадуматься. Среди обрывков бумаги в парте валялось несколько обугленных спичек. Кроме того, на некоторых ключках явно виднелись следы огня. Значит, кто-то хотел поджечь именно этот класс. И этот кто-то явно наш одноклассник.

Кто из наших способен на такое?

Мы с Лехой принялись перебирать возможных поджигателей.

Примерно через полчаса мы сошлись во мнении, что это мог быть только Васяка Сенин — нескладный худой парень, как бы сейчас сказали, несколько недержаный. Васяка не с кем не общался, держался от остальных в стороне. На шутки отвечал с какой-то апрессией. Его старались не задеть: мало ли что может взорвется в его голову.

— Точно, это Васяка, — удивлетворенно проговорил Леха, — больше никому...

* * *

А на следующий день нас вызвали к следователю.

Первым в комнату завуча, где расположился этот, совершенно непохожий на милиционера (он не был в форме), человек, вызвали Леху. Пробыл он там почти целый урок. Я не успел перекинуться с ним, вышедшим от следователя, и парой слов, как туда же пришлося идти и мне.

— Так, Юрий Павлов? — следователь поднял голову от каких-то бумажек и уставился на меня.

— Да, это я...

— А почему, Юрий, ты вчера не пошел на урок труда?

Не пошел и не пошел. Ему-то какое дело? Или он меня в поджоге подозревает?

— Ну, это, как бы это сказать...

— Говори как есть, — во взгляде появилась заинтересованность.

— Ну, в общем, мы с Лехой...

— С Лехой?

— Ну он только что у вас тут был...

— А — Алексей Чернов — которого тоже вчера на трудах не было...

— Ну да, мы с ним собирались переписать индейские слова...

— Индейские слова, — удивленно посмотрел на меня следователь, — зачем?

— Чтоб были...

— А зачем?

— Просто, у нас есть, а у других — нет. Здорово. Мы можем общаться по-индейски. Чего тут непонятного?

— Ладно, иди, — он устало откинулся на спинку стула, — хотя, нет, подожди. У меня есть несколько друзей информации...

— Да вы что? — искренне возмущился я, — все именно так и было... Это точно не мы подожгли школу... Это, скорее всего...

— Стоп, — внезапно оживился следователь, — ну-ка, юные Перлки Холмсы, что вы там заметили?

Ну, я и рассказал все, что мы с Лехой видели: и про бумажки, и про спички, и про наши подозрения насчет Васьки...

— Индейские слова, — почесал в голове Леха, — а я сказал, что мы яблочек нарвать собирались...

— А про Ваську ты говорил?

— Ну, я сказал, что мы в нашем классе нашли...

Больше мы Ваську Сенина в нашем классе не видели...

9. Конкурс чтецов

Сегодня на уроке наша русычка Елена Александровна объявила:

— На следующей неделе у нас в школе состоится конкурс чтецов. Желающие могут подойти ко мне и записаться.

Почему-то мне ужасно захотелось поучаствовать в этом конкурсе. И уже на перемене я отыскал Валерку и поделился с ним своими соображениями.

— Ты что, совсем сбрендил, — Валерка покрутил пальцем у виска, — а оно тебе надо?

— А что такого?

— Да ты только представь себе, — почительным тоном проговорил мой лучший друг, — выйдешь ты на сцену, уставишься на тебя офигенное количество людей...

— Ерунда, — отмахнулся я, — легко с этим справиться.

— Ну, смотри... — и Валерка убежал по каким-то своим делам.

Тяжелый вздох вырвался у меня.

«Плохо дело. Похоже, что мы с ним все больше и больше отдаляемся друг от друга. Но в то же время в чем-то Валерка и прав. Тяжело выйти на сцену под пристальными взглядами учителей и ребят. А вдруг я чего-нибудь забуду, а вдруг мое стихотворение не понравится, а вдруг...» Спасительный звонок прервал мои сомнения.

«Будь что будет» — и я решительно зашагал в класс.

После уроков я впервые возвратился домой в одиночестве, не дожидаясь Валерки. Мысли мои все возвращались к предстоящему конкурсу. Это должно было, по моему мнению, больше привлечь внимание Наташи ко мне.

Дома после ужина я зарылся в книги, стараясь найти что-нибудь подходящее для конкурса. Хотелось подобрать что-то такое, что не особо известно. Ясно же, что большинство участников возьмут стандартные стихи Пушкина там, или Лермонтова. Ну, в общем, какое-нибудь стихотворение из школьной программы. Мне же хотелось ис-

пользовать стихи, не известные основной массе. Больше шансов на успех.

— Что с тобой? — мама заинтересованно подняла глаза от какой-то своей книги, — ты что-то потерял?

— Да, что ты ищешь? — папа оторвался от телевизора, где транслировали хоккейный матч.

— Да, у нас скоро конкурс...

— Гооооо! — завопил папа и тут же, спохватившись, проговорил, — Извини. Так что там у тебя за конкурс?

— Конкурс чтецов.

— Чтецов? — мама отложила книгу в сторону и поднялась с дивана.

— Ну да, — я продолжил поиски среди книг наших пермских поэтов.

— А как насчет Асадова, — мечтательно проговорила мама и начала:

«Шар луны под звездным абражуром

Озарял унувший городок.

Шли, смеясь, по набережной хмурой...»

— Не-е, это не пойдет...

— Почему? — удивленно повернулся ко мне папа. — По-моему, вполне неплохие стихи.

— Да что там хорошего? — отмахнулся я, уже не один раз слышавший это стихотворение, — финал какая-то. Мне бы что-нибудь более подходящее.

— Ну, тут уж ничем помочь не могу, — и папа снова уставился в телевизор.

— Зато я могу, — торжествующе произнесла мама.

— Это как это? — хором протворили мы с папой.

— Сегодня я шла мимо Дворца Культуры, а там объявление: «Приглашаются мальчики и девочки в кружок Художественного Слова».

— Ну и?

— Все очень просто. В этом кружке ты сможешь и стихи подбирать, и научиться их правильно декламировать?

— Декламировать?

— Рассказывать...

— А-а-а, понятно...

На следующее утро я побежал во Дворец Культуры записаться в кружок. Меня встретила строгая одетая пожилая женщина.

— Меня зовут Маргарита Андреевна, — представилась она и спросила: — А как вас зовут?

— Юра.

— Так, значит, Юрий, вы решили заняться речью?

— Речью? Мне захотелось научиться читать стихи...

— Я об этом и говорю, — мягко улыбнулась Маргарита Андреевна, — чтение стихов хорошо развивает память, а также улучшает грамотность речи.

— Ага... То есть да, — спохватилась я, вспомнив о правилах культуры.

— Ну что ж. Приступим к стихам.

Маргарита Андреевна взяла со стола несколько листов с печатным текстом.

— Что это?

— Мне хочется, чтобы вы прочитали эти стихи.

— Хорошо, — я взял листки и начал читать:

«Олегу комедант сказал:

«Ты для футбола ростом мал!»

«Хоть раз бы стукнуть по мячу, — обиделся Олег, —...»

— Стоп, стоп, стоп, — замахала ладонью Маргарита Андреевна, — что вы, Юрий, так нельзя.

— А как? — я оторвался от листов и посмотрел ей в лицо.

— Понимаете, Юрий, — вы сейчас не стихи читаете, просто тараторите, словно слаете технику чтения. При чтении, неважно, что вы читаете, нужно выделять мысль интонацией.

— А как это?

Маргарита Андреевна жестом указала мне на стул, сама присела рядом.

— Давайте, Юрий, рассмотрим это стихотворение по кусочкам.

И мы принялись анализировать текст. Где понизить голос, где — совсем наоборот, где добавить на строение, где слегка приостановиться.

— Ну, Юрий, — проговорила Маргарита Андреевна, — прочитай те еще раз, но уже с учетом всех пожеланий.

Я поднялся, вышел на середину комнаты рассказал еще раз, старательно исправляя все полуженные замечания. Для себя я уже решил, что именно это стихотворение я и буду рассказывать на конкурсе чтецов. Чем-то оно зацепило меня. Может тем, что концовка понравилась мне особенно:

«... И вот удар — и гол забит!
Ребята рукоплещут...
И даже комментат сказал:
«Неплохо стукнул — хоть и мал»»

Класс! Вот этот Олег смог стать футболистом, несмотря ни на что. Я тоже должен добиться всего, что задумал. И первым шагом к достижению своих целей должна будет стать победа в конкурсе.

— Хорошо, Юрий, теперь намного лучше, — проговорила Маргарита Андреевна одобрительно. — А сейчас давай-ка выучим еще одно стихотворение:

«Он пионером был в Артеке...»

По мне, первое звучало гораздо лучше, чем это. Однако Маргарите Андреевне явно больше понравилась вторая. Но тут уж ничего не поделаешь. Каждому свое.

С трехом пополам рассказал я и это стихотворение. По тому, как хмурилась Маргарита Андреевна, я понял, что не оправдал надежд руководителя.

— Не так, Юрий. Давайте еще раз...

Наконец наступил долгожданный день конкурса. С самого утра меня колотило до такой степени, что хотелось забиться под кровать и не вылезать наружу. И черт с

ним — с конкурсом. Еще как опозорюсь перед всеми. И тогда Наташа не то что заметит меня, а скорее, просто отвернется от меня с презрением.

За полчаса до начала занятий за мной, как обычно, зашел Валерка. Он понимаше посмотрел на меня.

— Ладно тебе трястись, — сказал мой друг, — пошли в школу.

— А Валерка... — испуганно проговорил я.

— Прекрати, — строго выговорил он, — я же не...

— Что? — тут я даже забыл о своих страхах, — ты тоже?

— Тоже? — прикинувшись непонимающим Валерка, — что тоже?

— Ты участвуешь в конкурсе, — я уже не спрашивал, а уличал моего лучшего друга.

— Да, — вызывающе ответил он, — а чем я хуже тебя?

— Тогда держись, — я решительно шагнул за дверь, — я собираюсь победить на конкурсе.

— Я так просто не сдамся. Тут во мне вытратил азарт. Я тоже не собираюсь сдаваться без боя.

* * *

Конкурс начался после шестого урока. Небольшой актывый зал школы заполнился учениками с пятого по восьмой класс. Никак не меньше двух сотен получилось, а то и больше, если еще и всех учителей подчитать. Ничего себе, выходить на сцену перед таким количеством народа. Теперь я понял, что означает выражение «душа ушла в пятки». Ноги стали неподъемными. Я никак не мог заставить их двинуться в сторону сцены.

— Ора, иди скорее, — подтолкнула меня в спину наша пионервожатая Марина, — скоро начинаем. На сцену вышел первый выступающий...

Второй... Я оказался прав: они читали стихи из школьной программы. Это несколько приободрило меня. Третьим выступал Валерка.

На мое удивление, в его стихотворении не было ничего похожего на рифму. Там был какой-то расказ на тему написанной на стене фразы «Да здравствует Ленин!». Так называемое стихотворение в прозе. Но Валерка на этом не останавлился, а прочитал еще одно — небольшое — «Притяжение Луны».

Хлопали ему сильно. Гораздо громче, чем всем предыдущим. Мне сразу вспомнилось о способе голосования у спартацев, о котором я совсем недавно прочитал в учебнике истории. Чем громче — тем лучше. Наконец подошла и моя очередь.

На негнущихся ногах я вышел на сцену. Внезапно захотелось убежать, чтоб не видеть это многообразие глаз. Большинство их обладателей готовы были всех поднять на смех. Закрыть глаза, что ли? И вот тут я увидел Наташу. Все, вот ей и я буду рассказывать. И будь что будет.

Я собрался с силами, поднял высоко голову, и начал так, как меня учила Маргарита Андреевна. Я старался изо всех сил, выдерживая все паузы, подчеркивал мысль интонацией. В общем, все делал так, привык на занятиях в кружке. И вот я закончил свое выступление. Ответом мне была полная тишина. Я растерянно огляделся вокруг. Неужели я выступил хуже всех. В глаза навернулись слезы. Все... Я даже с этим не справился. Опустил голову...

И тут зал взорвался оглушительными аплодисментами. Это была безоговорочная победа!

10. «Юный стрелок»

С утра я достал лук и принялся отработывать меткость стрельбы. И все потому, что накануне наш физкультурист, то есть учитель физики Борис Николаевич пообещал устроить соревнования по стрельбе. А какой я Быстрый Олень, если не смогу добиться успеха в этом испытании.

Лучше всего, конечно, тренироваться на улице. Но как выйти на

улицу с луком? Во-первых, холодно. Зима на дворе. А во-вторых, там же ребята гуляют. И стоит мне показаться на улице, как никакой тренировки уже не будет. Начнется какая-нибудь игра, и не факт, что всю игру лук со мной останется. Всем захочется выстрелить. А ведь ни у кого же нет уже летнего оружия, только у меня. Несправедливо будет, если я буду с луком бегать, а все остальные? А вдруг еще кто отберет, и тогда я вообще без лука останусь.

Нет уж, я как-нибудь дома...

Поначагу я собрался укрепить шит с крестом в кресле и уже поставил круглую крышку от бочки между подлокотником и сиденьем, как вдруг заметил, что в случае чего мои стрелы опять-таки попадут в тот же самый многострадальный шкаф. Опять мне попадет. А сколько я потом лук и стрелы по новой делал... я даже укромное место для всего этого нашел, чтоб не дай бог родители не нашли. И то опять все уйдет на мусорку. А опять все снова начинай... Ну уж нет, дулки.

Тогда я переместил шит, то есть теперь мишень, в середину комнаты, прикинув, что в случае непредвиденных обстоятельств стрелы просто напротив запугаются в щотрах, и ничего не повредится. Замечательно придумал.

Встал я напротив мишени, прицелился.

— Вжик, — свистнула тетива.

— Х-р-р, — отозвалась штора. С первого же выстрела я воткнул стрелу прямо в ткань. Древо поникло, слегка раскачиваясь, наконецник пробил штору и зацепился за матерью. Дернул я стрелу на себя. Сильней качнулась штора, но стрелу выпустила. А взгляд за моей стрелой сквозь штору блеснула солнечная стрела. Аккурат в точку попадания. Да уж, дырка...

Я почесал голову. Неприятность. Но ведь шторка же не шкаф. Дырку еще могут и не заметить. Вечером солнце не будет стрелять сквозь окно. Его у нас почти и не видно. Мама даже говорит, что мы

живем как в склепе. Только еще бы узнать, что такое склеп. Во всяком случае, это что-то такое, куда не подает солнце. Пока я так размышлял, солнце вовсю раскачивало шторм, вычерчивая на полу замысловатые световые фигуры. Я уж и о луже забыл. Постелит на пол листок бумаги, и давай солнечные следы карандашом зарисовывать. Здорово получилось.

Но тут в памяти всплыло предстоящее соревнование.

Чтоб тебя.

Я взглянул на часы. Время идет, а я еще и не стрелял как следует. Вот опозорюсь. Наташа посмотрит на меня зеленошими глазами, вздернет носик. И тогда все... Не спасут меня ни картинки, хоть я весь класс ими зарисую, ни фигурки. Чем я потом смогу добиться хоть какого-то внимания к себе. Сплошной неудачник. Подумай, стихи прочитал. А настоящий индеец должен уметь не стихами рассказывать, а быть воином.

Я снова встал наизготовку.

– Вжик. Тук.
На этот раз стрела зацепилась за кончик шита.

Уже лучше.

– Вжик. Тук.
– Вжик. Х-р-р.

Опять штормка. Еще один луч задул по полу.

– Вжик. Тук.

Звонок в дверь.

Кто бы это мог быть, неужто родители раньше пришли. Шап как заскукают меня на месте преступлениа.

Быстро записнул я все под диван. Потом достану. И пошел открывать.

Передо мной стоял весь запорощенный снегом Валерка, уже с порфелем.

– Ты чо, Юрка, сдурел? – с самого порога завопил он.

– А чо такого? – я непонимающе смотрел на друга.

– Он еще спрашивает, – Валерка взмахнул руками, – на часы давно смотрел?

Я обернулся к часам.

Ничего себе. Улыбся я не пошутному. До звонка минут пять надать осталось. И пятнадцать же минут до пиколы еще и идти. А я еще и не переделся.

Вот если бы Борис Николаевич сегодня принимал зачет по бегу... Мы с Валеркой точно бы по пятерке заработали. Причем бежали-то мы по снегу в зимней одежде, да еще и с порфелем. Совсем как этот, который от Марафона бежал. Руфина Викторовна нам недавно рассказывала. В доспехах, после целого дня битвы...

В общем, успели мы к самому самому звонку.

Еле отдышался. Ботинки мои гугло пропали в класс. Мелькнуло перед глазами лицо Наташи, скрипнула парта. И как раз проудел звонок.

Почему проудел?

Это он раньше заливался мелодичным звоном. Потом словно внезапно охрип, ошип... в общем совсем его не было слышно. Прошпит где-то вдальке, и все. Разве только по часам можно сориентироваться.

Надоело это всем, и решили его отремонтировать. Вот после ремонта он и стал гудеть, да еще таким басом, что поначалу я аж вздрагивал...

Итак, значит, проудел звонок.

Математика. А мысли мои ужасно далеки от всяких там примеров, а все о стрельбе думаю. Скорее бы уж...

Даже Зоя Александровна заметила.

– Юра, – строго проговорила она, подхоя к моей парте, – ...

Она еще что-то произнесла, но я не сразу понял, о чем речь. Вот заглянило у меня, и всё тут...

– Павлов, – наконец пробился ко мне голос Зои Александровны, – чем это ты у нас занима?

– Извините, – я медленно подглядел, – я больше не буду.

Слегка соскис глаза в сторону Наташи. Как стыдно-то. У нас с ней негласное соревнование по выполнению заданий по математи-

ке: кто больше успеет сделать за урок. Когда она больше наравешет, когда я. А тут... Я почувствовал, что у меня краснеют уши. Этого еще не хватало.

– Ладно, садись, – ладонь математички опустилась на мое плечо, – и больше не отвлекайся.

Я опустился на сиденье и низко склонился над тетрадкой. Ни на кого смотреть больше не хотелось. Занялся математикой. И тут словно прорвало. Примеры у меня решались один за другим, с такой скоростью, что к звонку я смог прорешать и почти поговину задний следующего парарафа. Вот так фокус.

Остальные уроки танулись так медленно, словно в уроке не сорок пять минут, а по крайней мере часа два. А время пошло, я несколько раз смотрел на часы, хорошо что они над доской висят, а стрелка будто приклеилась к одной точке и никак не хочет с этого места сдвигаться.

Вобщее устал я ждать последнего урока...

Но вот, наконец, и он.

УРОК ФИЗКУЛЬТУРЫ!!!

Борис Николаевич собрал всех и повел в подвал. Оказалось, что там расположен в нашей школе тир. Надо же, а я полгода проучился, и не знал. Ходили, правда, отдельные слухи, но какой же настоящий индеец верит слухам. Видимо, иногда стоит к ним и прислушиваться.

Из математического шкафа (я потом узнал, что так полагено хранить оружие) Борис Николаевич вытащил аж пять винтовок. Пневматических. Почти таких же, как мы с папой видели в тире в Парке Горького. Я там даже очень неплохо стрелял. Мишень, правда, ни одна не упала. Папа потом сказал, что я попал тигру в хвост, а зайцу в лапу. Утешил, называет, но я долго гордился такими достижениями...

Вышла моя очередь стрелять.

Борис Николаевич выдал мне восемь пульк в математической крышечке.

– Давай, три пристрелочных, а остальные в зачет.

Пристроился я к винтовке, смотрю, а черные и белые круги на мишени слились в непонятную серую кляксу. Встряхнул головой. Не проясняется.

– Медленно тани слуск, – приговаривает где-то за спиной Борис Николаевич.

– Пух! – хлопнула винтовка и слегка дернулаь.

– Не спеши, – настаивал Борис Николаевич, – плавноыко веди слуск. Не дергай.

Попробовал я последовать его совету.

Еле заметно потянул крючок.

– Пух! – я даже сам не заметил, как винтовка снова выстрелила.

– Восемька на три! – проговорил Борис Николаевич.

Какая такая восьмерка, на какие три.

– Пух!

– Пух!

Выпустил я все пульки. Лежу – жду результатов.

– Молодец, – удивленно покачал головой Борис Николаевич, – сорок четыре. Из пятидесяти.

– Это хорошо или плохо?

– Ну, норматив на значок «Юный стрелок» ты выполнил, – и задумчиво добавил, – может, тебе стрельбой заняться?

Из тира я вышел с высоко поднятой головой. Оказалось, что мой результат был лучшим в классе.

Валерка в своем классе выбил – сорок два. На значок-то он тоже сдал, но мой результат все равно выше.

Сергей Васильев

Первая рюмка наглости

1

Все началось со звонка моего старинного приятеля. В воскресенье, в полдень, позвонил Димка и долгошно допросил меня: собираюсь ли я, как обычно, ехать сегодня на работу (я живу в Н, работаю в Москве), каким поездом, в какое время? Получив мои ответы, он сообщил, что как раз в это время у него дела в районе вокзала, и если я смогу прибыть на полчаса-ка пораньше, мы «пересечемся, пусть чтобы только посмотреть друг на друга, раз уж вечно не хватает времени на большее».

Я так и поступил. Мы зашли в привокзальное кафе. Времени для общения было чрезвычайно мало, но мы успели-таки за разговором одолеть бутылку, и Димка втолкнул меня в вагон поезда почти одновременно с отправлением.

2

Вагоны скоростного электропоезда дальнего следования не имеют разделения на купе – все пространство занимают матиные кресла, с проходом по середине. Я прошел на свое место и обнаружил в кресле соседки девушку с внешностью фотомоделли. Закончив поправлять на величке шуюку, высокая брюнетка (я отметил, что она значительно выше меня ростом – у меня-то рост средний), матко улыбаясь, усадила рядом, включила плер и установила взглядом в никуда, храня лежурную улыбку.

Спустя некоторое время я поймал себя на мысли, что не могу оторвать от нее глаз. Я заерзал, но после робкой разведки доступной мне зоны видимости неожиданно констатировал, что все мужчины вокруг не сводят с нее глаз. Это

должно было успокоить меня, но... Беспokoйный бурвачик сверлил и точил меня, дераяк игнориря обычные мои уверенность и твердость. Включив свой плер, я выбрал случайный трек. «See you swinging on the Gallows Pole», – печально протянул Роберт Планта. Я содрогнулся и выключил устройство. Это не делало ни в какие ворота! Я разозлился на себя – мало ли красивых девушек на свете! Я вовсе не молод: разменял пятый десяток, давно женат, дети взрослые и самостоятельные. Но я вовсе не стар – здорovem бог не обидет, да и мысли у меня молодые. Если возраст – это состояние души, то я до сих пор достаточно бываю юношей...

Кто-то осторожно трогал мое плечо. С усилием отбросив идиотские терзания, я обернулся и увидел в проходе двух девушек-проволочников поезной бригады, Ольгу и Татьяну. Ольга заговорщицки подмигнула мне и суровым тоном выдала странную для окружающих фразу: «Саша, ты сегодня верен себе? Или есть другие обстоятельства?» Я отвечал, что сегодня верен, как никогда. Получив указание по проследованию станции Н явиться в служебное купе проводников («ну, ты знаешь, это в седьмом вагоне»), я улыбнулся девушке и кивнул.

3

Перетоны, посты параллельного секционирования, тыловые подстанции, платформы, вокзалы, станции товарные и пассажирские, грузовые дворы, склады НОДХ, депо локомотивные и вагонные, территории дистанций пути, электроснабжения, контактной сети – в поездке я автоматически отмечал объекты и сооруженя РЖД, и декабрьская ночь ничего от меня не сможет скрыть. В серии матких толчков состава я легко распознала входные стрелки станции Н. Пора идти в седьмой вагон.

Девятнадцать лет работы на железной дороге – это много или

мало? Мне кажется, это целая жизнь. Впрочем, теперь уже прошла жизнь. Но автомобильные пробки безжалостно сжигают мое время, и я бросаю машину, снова и снова пенляя краем бытия свою прошлую жизнь. Проволочки безопинбочно утаивают во мне железнодорожника, пусть и бывшего. За семь лет новой жизни мои поездки на один и тех же рейсах опередили четкий круг зиякомых проволочников скоростных электропоездов дальнего следования. В моем портфеле традиционнo прочетя «Киновский» коньяк, и я неизменно предлагаю девушке скромное угощение (если, конечно, позволяет ситуация). Так родилась кодовая фраза «Саша, ты верен себе?».

Ольга и Татьяна представляют мне нового сотрудника. Инна робко улыбається, выслушивая наставления подруг «запомнить меня и в случае отсутствия билета непременно помогать мне ехать, причем без всякого вознаграждения (а он обязательно будет предлагать!), а по-чему – ты сама поймешь, со временем». Я достаю шоколад и бережно, по капле разливаю «Киновский». Татьяна рассказывает об «очередном» (она крутит пальцем у виска) пассажире. Пожилой придурок полтора часа мотал ей нервы на тему «почему стоимость билета в третьем классе так мало отличается от стоимости во втором», не обращая внимания на представляющую «Книгу предложений и замечаний» и подробно разъясненную возможность электронного общения с руководством РЖД через сайт. Пассажирья приняли активное участие в разъяснении идиоту соотношения позиции «проволочник» и сферы ценовой политики РЖД, но тишело! Я смотрю на живую и быструю, как ртуть, Татьяну и понимаю, что ей просто необходимо срочно выплеленуть все, что с таким трудом слезнивалось. Затем Ольга повела багнословную историю о том, как однажды она спрятага от ревизии в составе двадцать девять (!) человек. Мы дружно сме-

емся; коньяк исправно деляет свое дело, Татьяна светлеет лицом.

У девушек тяжелая и неблагодарная работа. Они – звено непосредственного общения РЖД с внешним миром, находящиеся под плотным прессом неповоротливой, замкнутой бюрократической структуры ведомства. Очень разные и порой просто неадекватные пассажиры, невротички от начальства, которое само привелего вышшим руководством в режим военного времени и так оставлено, ревизоры, заряженные планом показателей выявления безбилетников и нарушителей (все равно что-либо напишет в акте, ему нельзя иначе!) – вот далеко не все предели работы проволочников. Выжужденные выживать в условиях нищенской зарплаты, они в «аншлаговые» дни берут безбилетников голыми, рискуя нарваться на неподкупного ревизора и лишиться работы. Таковы реалии наших дней. Так что рассказ Ольги вполне может окантаться чистой правдой.

Москва близко. Пора на рабочее места. Мы прощаемся; девушки со смехом поочередно целуют меня, затем устраивают молниеносный конкурс «смотри с него свою пояду, чужую не тронь!», и я в прекрасном настроении возвращаюсь в свой вагон.

4

Я застал свою соседку в образе улыбающейся богини, под прищелом непрерывно наведенных мужских взглядов, впрочем, теперь заместо окрашенных тоскливой безнадежностью. Я просидел некоторое время, отчетливо чувствуя, как знакомый бурвачик снова принимается за свое глупое дело. Ну нет! Я уже другой! «Да не отнимется рука... в минуту муки и сомнений... заклятый узел разрубить сплеча». Кажется, это Адам Мицкевий каким-то образом вырл проясился в моей голове? Или я сама это придумал? В качестве ответа тенитальному полднику «Киновский» моментально вывесил в мозгу

транспарант, извещающий об абсолютном снятии всех запретов. Теперь ничто не мешало мне взять ситуацию в свои руки, причем немедленно и самым решительным образом.

Я сделал красноречивый жест, богиня тотчас поняла меня. Сняв наушники, она удивительным образом угадала, что слова мои будут предназначены только для нее, и наклонилась ко мне вплотную. Я тихим и твердым (о, ужас!) голосом заявил, что принесу тысячу извинений за все, что будет мною сказано сейчас... что я прекратно отлаю себе отчет в том, что затасить к себе в постель богиню мне вряд ли когда-нибудь удастся... и что до конца дней своих я буду сокрушаться... но не о постели, а о том, что просто ничего не предлогивал ей... и если еще не пора линчевать меня за сказанное, я предлагаю встретиться в Москве и провести вместе «вечер... или ночь... или и то, и другое».

Она довольно спокойно выглядела меня, затем волшебным контральто тихо сообщила, что она замужем и что у нее двое детей. Я немедленно предьявил краткий набросок своей «аналогичной» жизненной картины и объявил, что «на самом деле все это вовсе не плохо, напротив, это очень, очень даже хорошо. В каком смысле? Да во всех смыслах!». И я предоставил ей самой додумывать эти таинственные «смыслы».

Она долго смотрела мне в глаза. Я тоже зачарованно смотрел в два огромных темных озера, но не боялся в них утонуть: «Кинновский» цепко держал меня на поверхности, словно спасательный круг. В какой-то момент я осознал, что она не так молода, как выглядит. Но все равно я старше ее лет на пятнадцать, как минимум. Она перестала улыбаться (возможно, впервые за всю поездку), потом долго смотрела куда-то в сторону, напряженно что-то выисывая. Вдруг я услышал тихое и неуверенное:

— Может быть... в среду... вечером?..

— Да! В среду! Вечером! — я повторил за ней и не верил своим ушам.

— Но не все так просто. В среду вечером я заступало в рейс. Подготовка обычно занимает время до полуночи, потом отдам, — она спохватывается, — но ведь в семь утра мне надо быть на посадке!

— Мы будем в семь утра на посадке! Мы будем где угодно, в любое указанное тобой время! — я был убежден в несокрушимости своих слов и в том, что сейчас мне должны безоговорочно верить женщины, дети и даже собаки. И она поверила! Я видел это!

Я тордо осомтрелся. Теперь все взгляды были направлены на меня, к мужским взглядам присоединились женские. На меня смотрели все; я кожей чувствовал волны тягостного недоумения, неподдельного интереса и даже чужей-то паники. Я натло скалился в ухмылке: отдыхайте, ребята!

— Ну что, до среды?

— До среды...
Уже на выходе, в тамбуре, мы быстро обменялись именами и телефонными номерами. Вокзальная толчае подхватила нас и бросила в разные стороны. Некоторое время я упорно отгонял от себя все мысли, затем принял единственно верное решение: остановился у магазинчика, взял бутылку пива и выпил «контрольный выстрел».

5

Весь понедельник, весь вторник и всю среду я не переставая думал о происшедшем. Я поражаюсь собственной беспримерной наглости и даже не столько наглости, сколько ее поразительной результативности. «Очнись! Тебя просто разыграли! Посмотри в зеркало! Трезвямля взглядом! Трезвямля! Там, в зеркалестом он ниже ее едва ли не на целую голову! На кой черт он слался молодой женщине с внешностью фотомодели, кинозвезды и просто богини?!».

Старый пьяница и ходок в зеркале отмалчивался и упорно прятал взгляд. Я не славался: «В итоге тебя может ждать развязка куда хуже. Вы встретитесь, а потом окажесь, что ей банально нужны деньги. Вот и будет тебе тот самый «элитный» разряд».

Старый пьяница и ходок упорно молчал. Он не смотрел мне в глаза. Он попытку ипнорировал меня. Я понял, что он ждет только одного — наступления вечера (ведь среда уже пришла), ждет упорно и непоколебимо. А вечером он посмотрел на меня, и я опешил: это был взгляд молодого человека. Но перед этим раздался телефонный звонок, и волшебный контральто в трубочке сказал: «Здравствуй, это я». Он был сильнее меня. Он выдержал трехдневную осаду. Я же слался в одно мгновение.

6

Бутылка «Бордо» и фрукты, немного сладостей и минеральная вода. Что еще? Не забыть зйти в аптеку... Я приехал раньше назаначенного времени, боясь опоздать, и больше часа проторчал в декабрьской ночи, не замечая ветра и мороза. Новогодние игломинации, нарядные елки, сверкающие пирляндами витрины — я смотрел исключительно на терминал и ничего не замечал вокруг.

Она шла навстречу, высокая и гибкая, в легкой шубке с капюшонном. «У тебя нос красный!» Она звонко засмеялась, а я обнаружил, что продрог донельзя и выбиваю дробь зубами (только бы не замерзло вино!). Дальнейший маршрут был заранее продуман и выверен по секундам. «Придется спасать тебя одним очень древним способом», — пообещала она, глядя на мои попытки попасть ключом в замочную скважину двери гостиничного номера...

В пять утра мы стояли у огромного зеркала, проверяя свой внешний вид. Странная пара смотрела на нас. Высокая молодая жен-

щина в блузке и брюках, с великолепной фигурой, с явно артистическим поворотом гордо поднятой головы и необыкновенными чертами немного бледного от бессонной ночи лица, оттененного темно-карими огромными глазами, поправляла прическу черных волос. Рядом с ней стоял мужчина в строгом легловом костюме, значительно уступающий ей в росте, заметно седой, с легкой усмешкой на потрепанном жизнью лице и уверенным взглядом, жестким и шальным одновременно.

— Шикарная пара! — заворожено сказала она. — Мужчина особенно хорош!

Ничего интересного в мужчине я не видел. А вот женщина была необыкновенной! И я знал это теперь абсолютно точно. Она взяла меня за руку и тихо, чтобы отражения не услышали нас, пожаловалась мне:

— Теперь меня будет мучить совесть. А тебя? Разве тебя не будет мучить совесть?

Она имела в виду наши семьи, и я прекрасно это понимал. Понимал, что раковые придет, придет неминуемо, и убежать от него будет невозможно, ибо есть только один выход: мучиться, терпеть и ждать, пока время не закроет заплятой тяжкий грех. Я быстро отвел ее от зеркала (нашим отражениям незачем об этом знать, они теперь будут жить в нашей памяти отдельной жизнью!) и сказал первое, что пришло в голову:

— Это цена, которую я заплатил за одну маленькую звездочку... — она с надеждой смотрела на меня. Я продолжал: — Эта звездочка отныне поселится в моем сердце. Она всегда будет со мной. Будет греть мне душу зимой и летом, осенью и весной. Ведь большую часть времени я провожу на работе, в Москве, приезжая домой лишь на выходные дни, поэтому она будет спасать меня от черной тоски и одиночества в каменных джунглях, от тихого пьянства... Да просто от всего, что есть плохо в этой жизни! И я никому и нико-

да про нее не скажу. Об этом знаешь только ты. Ты – эта звездочка.

Она смотрела мне в глаза. И я смотрел в два огромных темных озера и не боялся в них утонуть. Потому что я давно уже в них утонул. И выныривать не собирался.

– Мне тоже нужна звездочка! – Она разволновалась. – Ты дашь мне ее? Я готова заплатить такую же цену!

Я взял ее руку, повернул вверх ладонью и поцеловал.

– Вот она. Бери. Теперь все будет хорошо. Ты мне веришь?

– Да. Тебе невозможно не верить. – Она облегченно вздохнула и улыбнулась. – Мне иногда кажется, что тебе верят все, особенно дети и собаки, а ведь они тонко чувствуют ложь, их обманывать просто нельзя. Что такое? Я скажю что-то не то?

7

Я не знаю, что будет дальше. И не хочу знать, что будет дальше. Невозможное стало возможным, сказка сбылась. Жизнь продолжается. Пусть будут здоровья и счастливы милые девушки-проводники моторвагонного депо N, в один прекрасный день судьба подадит каждой из них свой поворот к лучшему – вот что я знаю точно. Еще я верю в волшебные свойства коньяков. А еще я обязательно выкрою время для серьезного разговора с Димкой. Это единственный человек, который понимал меня всегда, понимал даже тогда, когда я сам себя не понимал. Ведь именно он в то воскресенье своей легкой рукой налил мне первую рюмку наглости.

12.12.2011

Москва

Виталий Григоров

1975, Москва.

Григоров Виталий Александрович – поэт, критик, литературовед. В 2000 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор трёх книг стихов «У колывевои» (1997), «Пятиречье» (1998), «Оторванная голова» (2011) и ряда статей о литературе, многих поэтических публикаций в периодике. Член Московско-кой городской организации Союза писателей России. Живёт в Москве.

СОЛНЦЕ И ДОЖДИК

Солнце и дождик!
Солнце и дождик!
Радости свет!
Радуйся небу!
Радуйся ветру!
Горя же нет!

Пчёлка летает,
Птица летает:
Я так хочу!
Мысленно буду
Верить я чуду
И – полечу!

Недра вулкана
Бьют под ногами:
Чую весь мир!
Здравствуй, ракета!
Здравствуй, планета!
Жизненный пир!

Всё, что под нами,
Все, что над нами,
– Сердцем люблю!
Космоса бездна
Жизнью предельна –
Луч твой ловлю!

Айсберги тают:
Все это знаю!
Что будет там?
Что будет с вами?
Что будет с нами?
Грех пополам!

Глазки раскрою –
Книжки раскрою –
Будем читать!
И – как обычно –
Чисто, приятно –
Верить, мечтать.

* * *

Силу

Сквозь пальцы песочек! Сквозь пальцы песочек!
И строим мы город – то мира кусочек!
А ты улыбайсь!

Да славится город из мира песчинок!
Смотри, муравей!
Он в мире крупинок, он в мире личинок,
Как в мире людей!

Смотри, он направо! Смотри, он налево!
Он сигушки погн!
Дадим сахарочек! Пусть хрумкает смело!
И выспится он!

И будут детяшки, – гляди, муравьишки –
Бегут уж, бегут!
Им благостно верить! Им счастливо бредить
О Вечности – тут!

Но вот мы уходим... И город наш завтра
Разрушен и пуста!
Бери же сопочек, – такая вот правда! –
И с радостью чувствуй!

И строим мы город – то мира кусочек!
О, город – держись!
Сквозь пальцы песочек! Сквозь пальцы песочек!
А ты улыбнись!

К МОСКВЕ

Симфония

На твоих перекрёстках словно я на подмостках,
И народу читаю стихи;
И с узбечкою смею обхожусь я умело,
И шепчу её имя – Зульхи!

Пусть пройдут одиноко в стороне и далёко
Ещё сотни и сотни веков, –
Разолью по стаканам и пройдусь по канавам,
И в жегудке – отецеский плоти!

По алгеям твоим, как давно пилгрим,
Я иду и дышу полной грудью;
Вот и старость рядом бродит хмуро бочком,
Скоро с палочкой, видимо, буду!

Я с тобою вовек, я же твой человек.
«Расцветают московские дали!» –
Это всё романтизм, это всё коммунизм,
Мы такое до дыр зачитали!

Я иду в интернете, а сижу на планете,
А вообще-то я нежусь в кровати:
Не спешу никуда, хоть ночная звезда
Мною душу несёт за экватор!

Каждый камешек твой очевиден живой
Столкнувений, и смут, и раздора;
По проспектам твоим, по бульварам твоим
Прыг и друженники, и воры!

Здравствуй, племя из бронзы, вы живые, как солнце,
Постигаем все ваши труды:
И стихи, и науку, ваше счастье и муку, –
Всевозможные духа плоды!

И дождями шальными, и морозами злыми
Я укрыт, и злореч, и спасён;
Ещё будут победы, как пророчат нам деды,
И парит наш двуглавый орёл!

Славься, славься, рабочий, до созвездий охочий,
Ты построил все наши дворцы:
И в метро, на заводах, на земле и на водах –
Всюду славные наши снега!

Славься, славься, крестьянин, сибиряк и татарин,
И чуваш, и мордвин, и кадык!
Брошу славный я клич – будет каждый москвич,
Если сердцем к столице проник!

Я люблю тебя, град! Твой покой и парад!
Величавость твоих колоколен!
Славлю в тысяч эпок, славлю, русский наш Бол,
Славлю первопрестольную волно!..

В ГОСТЯХ У БАБУШКИ

*Я люблю, когда шумят берёзы...
Н. Руцлов*

Как шумят в моём саду берёзы!
Всех зову, но некого позвать.
И сидят в избе четыре музы –
Бабка, две сестры мои и мать.

Бабке девяносто будет с гаком.
Всё лежит в постели, всё лежит.
С молоком глотает булку с маком.
Внучкам всё советы говорит.

– Вот помру, родимые кровинки,
Кто ж согрееет вас печным теплом,
Как не я?! Одобрит кто богинки,
Купленные в городе отцом?

Две сестрёнки (ну, совсем малышники!)
В хохоте над старой головой.
И красуются пред зеркалом, богушки,
Словно женихи пришли толпой.

Мать моя совсем ушла в работу.
Пелый день с хозяйством у крыльца.
Варка, стирка до селёмного поту,
И ворчит на блудного отца.

А отец умчался на колхозных
К корешку пображничать сподна.
И до самых петухов до поздних
Пропадёт мой батя-сатана.

И шумят в саду моём берёзы,
Как шумит душа моя в разлив...
Мы покинем бабушку к морозам,
На зиму варенья наварив.

* * *

По миру до сих пор я бегал, как мальчишка.
О, легковесное, бездумное и злое!
В полон брала любая «золотая» книжка
И книга, если слово было не пустое.

Не одолеть порядок, что в законах наших.
Не одолеть вульгарность, что в сердцах тщедушных.
Но благодать, разлитая по русским пашням,
Рождаёт род мужей и дев великодушных.

И рядом, и вдали всё чудом развернётся,
И крикнет мудрый дед: «Удача впереди!»
Под сердцем у тебя такое всколыхнётся,
Чего в помине, друг мой, не было в груди...

* * *

Мои щёчки, как котёночки, в дублёнке.
Да и сам я на котёночка похож!
Я иду, и: всё – мне кажется на плёнке,
Мир, как мулвтик, лучезарен и ухож!

Одеялом ватным поле предо мною.
Белизна пьанит, и режет, и сосёт!
Хорошо, что я сегодня не с тобою!
Тишина, как бог, в душе моей поёт!

Завтра встретимся; и будут наши толки.
А сегодня – сам гуляю по себе!
Так, я чувю, на Аляске и Чукотке
Рады морю снега – как судьбе!

ПЕСЕНКА О ВИТАЛИИ

В Италию
К Виталию
Ты отведи букет.
Он будет рад безмерно,
Совсем не эфемерно –
Серьёзно, как поэт.

Скажи ему: спасибо!
Ты передай: спасибо
За сына и за дочку!
Да здравствует сынишка,
Причудливый мальчишка,
Огповская в нём мощь!

И дочь его, как рыбка,
Огповская улыбка,
Характер – хоть куда!
Пусть по своей Венеции
Гуляет муж с Лукрецией, –
А ждём его всегда!

Поставим ли бутылочку –
Дадим стакан и вилочку:
Пусть пьёт он без ума!
Рядком пьёт и на дачке,
Валнется в канавочке,
Любимая чума!

Зачем ему Венеция,
Какая-то Лукреция,
И бизнес, и дресс-код?
Скучает очень сильно
И слёзы льёт обильно
И попутай, и кот.

Что ж, передай, приятель,
Что он изобретатель,
Герой на букву «ж».
К нему всеиногда
Напрянет баба-Лена
С детьми на пжж...

И дальше из Италии
Не ускользнуть Виталию
На бизнес и дресс-код, –
Поскольку всеобильно
Его укусят сильно
И попутай, и кот!

2055 ГОД

Вот сижу я толстый, старый и маститый.
Креслице-качалочка скрипит.
А душа моя, как «немец недобитый»,
Хулиганить всё ещё и драться норовит.

Вот беру я палку и лечу по дому,
Каждому внучонку палкой по бадде.
А на самом деле я живу солому
И шепчу «спасибо!» жизни и судьбе...

* * *

А всё началось так невинно – со спинки.
– «Погладь меня нежно рукой!» –
А дальше: пушинки, пушинки, пушинки,
То я – то ты надо мной!..

И нам было сладко! и нам было больно!
Мы кожу сдирали любя!
И стены дрожали! – и нам было во льдно
Вне стен улетать от себя!..

Мы к морю летели: оно же пылало
Всей солью сверкающих брызг!
Манило, дразнило и так завлекало
Лететь ещё дальше – за мыс!

И мы устремились; в полёте красивы;
Как чайки на сонце парим!
А хватит ли страсти? Останутся ль силы?
На это ответ не дадим!..

ИЗ ВЕСЕННЕГО ДНЕВНИКА

А в мае выпал снег!
С любимой вышел я.
Мы оба – человек
И смысл бытия!

Сморкаюсь я в рукав.
И снова болел я.
А ты – мой чай и сплав
В созвездии Огня!

И ветер в уши бьёт.
И костыли идут.
Я русский патриот:
Я белый парашют!

А где же соловьи?
А будут соловьи!
Так хочется любви!
– «В июне, может, Ви!»

И зебру на дороге
Под снегом не видать.
Исчезли боги в боты!
И только благодать!..

И только снег летает!
И только май цветёт!
И только пес всё летит,
Что снова Новый год!

И снег и май под снегом!
И май не май – а май!
Вкусает дом под снегом
Дешевый майский чай.

И мы уходим тихо
В квартиру на четвёртом.
Прекрасно жизни лихо!
Торжественно в улётном!

* * *

Ты изменила мне в конце.
Я изменил тебе в начале.
И нашу страсть в Черевовпе
Поймут любовники едва ли.

Да что там этот город, – нет, –
Нас не поймут и в Сан-Франциско,
Поскольку всюду твой поэт
Идёт вне рейтинга и списков!..

РЫБКИ

Трипина твоей квартиры.
Сверху льёт свои саффиры
Электричество на нас
В этот тихий ночи час.

На софе лежим мы оба.
Не сойдём с неё до гроба.
И ничто нас не проймёт –
Ни болезнь, ни пуглёмт.

Как в аквариуме рыбки,
Мы на миг всего лишь прятки.
А когда покормят нас –
Снова будет тихий час.

И совсем нам невдомёк,
Что есть мир: больших тревот,
Океанов и морей,
Троп лесных, и шум степеней!..

ЯКУТТИЯ

Когда по «прочей» я дороге,
Как в карте некогда читал,
Иду реально, видят боги,
От Быракан до Харыял, –

Якутия, страна родная!
Святое озеро Сюлджер!
Всё для меня земля святая!
Сияй алмазом, Ёрт-Кюель!

Абориген, саха и русский
По-мирному сошлись в лесах.
И так зажгли мы не по-русски,
Что сотрясался Тас-Юрях!

Здесь просыпается былое,
Что миллиарды лет жило;
Ты не москвич, когда такое,
А дикий Кепендай-село!

Костёр и песни Туобуя!
И девушка-бриллиант в ночи!
И конская сверкнула сбруя!
И на полмира хоть кричи!

И богу древнему охотно
Помолишься перед едой.
Встаешь – и снова на охоту,
С самим с собою снова в бой!

И над простором только звёзды,
И носом дышишь словно конь!
А завтра: самолёт и трёзы...
А там: твердая пыль и вьюнь.

* * *

Умрёшь и ты, умру и я.
Иные формы бытия
Настанут.
Исчезла мать, исчез отец,
Всему и всем придёт конец –
Полягут.

Смотри, загрустнёшь по жизни ты,
Но не забудь полить цветы, –
Так надо!
Чертёнка лысого к ногтю,
Чтоб не порол свою фигово.
Отрада...

И всё сначала: свадьба, дом,
Покой, жигейский бурелом;
В дорогу.
И грянет День, и стукнет Час,
Когда не станет вас, как нас:
И – к Богу!...

ФУТБОЛ

Голова моя оторвана,
Скачет мячиком по полю,
Вижу-слышу много водорного,
Слышу-вижу Колю-Олю;

Вижу – небо круговертится,
И земля – то вверх, то вниз;
И полюскою всё стелется –
Поле, школа и карниз;

Пролетаю – слышу сиглетенку,
Улетаю – слышу «бить!»
Встал и вижу – всё конкретненько:
Отфутболили как пить;

Куча-драка-всё-дозволено.
Олю-Колю жалко мне!
И в крови всё замусолено,
Капля крови и на мне...

Вот лежу я в коридорчике,
С виду мяч, не голова,
А в квартире из-за дочери
Рвётся гневные слова;

Иссыхает мальчик в море:
Где Стартак? Где ЦСКА?
Встали горизонтом ноги,
Вместо поля – гладь-доска...

ЗАЯЦ

Шла девушка по автобусу и плакала.
А милой всего-то ничего.
Сразу узналось – тепла жаждала,
Да, видно, погучить не от кого.

По глазам – да! – не от счастья плакала.
По одежде – хм! – горе не виделось.
Отчего же душа девичья капала
Живым молоком?.. Тьфу! привиделось.

Села русая, к окну прислонилась, да!
Подожёл я, рядом присел.
Души наши от звёзд присоснулись, да!
Я завёл разговор – полтелел:

Еду зайцем, о ценах, о счастье,
Завернул в любовь, а потом –
Раскололся, как небо в ненастье,
И пошёл плести ни о чём!

Девушка слушала, ласково слушала,
Слезы вытерла, улыбка на свет:
«Ты дурачок!» – сказала и вышла.
Контролёр подошёл: «Ваш билет?»»

РУФИНА

Легенда нашего двора:
И голос погон серебра,
И кожа золота отлив,
И чувств сверкающий прилив,
И глазки юркою лисой,
И волос рыжий завитой.
Израиль плачет без тебя,
Во всём – ты русское дитя!
И ножки белые ручки,
И грудь в разрыве хоть кричи,
И язычок змея на плахе,
И просто девка без рубахи,
И так обхватит, так сомнёт,
И волки с перчиком нальёт:
Во всём ты русское дитя,
Израиль – плачет без тебя...
И встану после ночи глух,
И ты вся голая мой слух,
И тело тёплое твоё,
И ты сияешь, что вывоём,
И пры я дурожь от губ твоих,
И к чёрту рву я этот стих:
Песнь песней меркнет пред тобой,
Сто тысяч баб в тебе одной!..

* * *

Когда открылась мне душа полёта
И я возненавидел смерть, –
Я понял, нет счастливейе пилота,
Смотрящего на голубую твердь!
И даже с мыслью о падении
Он твёрдо в этом убеждён:
Что нет прекраснее мгновения,
Когда для неба ты рождён!
И в час, когда иссохнут руки,
Когда последний ком земли
В его могилу бросят внуки,
От неба страшно далеки, –

Нет-нет, невольно да поднимут
Они глаза к тем небесам,
И в благодарность шапку снимут,
Далут простор своим слезам...
А наш пилот полёт продолжит
Уже к иным, брат, небесам...
Душа полёта! Если можно,
Откройся всем земным глазам!..

* * *

Я на божью коровку люблюсь,
А помойную муху прибил.
Я с красивой девчонкой целуюсь,
А дурнущку давно позабыл.
Но бывает порой настроенье,
Что коровку смахнёшь со плеча,
Покогухе дашь каллю варенья
И с немилгой гульнёшь сторяча.

* * *

Я хитро подмигну – ты улыбнёшься,
Мы убежим за тридевять земель,
И под моей рукою вся найдётся,
И вспыхнешь, словно спичечка, поверь!
И будешь молча подыхать в истомной неге,
Не говоря ни слова в тишине...
Лишь, как она, потрескивать при беге –
Огня... с огнём... в огне...

ЖЕМЧУЖИНА В ГОРСТИ

Сошёл асфальт, гляди, со снегом,
Земля своё взяла.
Была со мной, теперь же с негром:
Цветного родила.
Когда-нибудь дитя со снегом
Сойдёт... и белый лист:
– У бабки было как-то с негром,
А я, глядите, чист!
Своё всегда возьмёт природа,
Как ею ни верти.
Совокупилсь два урода –
Жемчужина в горсти...

ЗАЙ

У старой бабы кровь тяжёлая
И тело, как трамвай,
Далонь, как варежка ежовая,
А всё туда же: «Зай!»

Её поднять – и рухнуть мертвю.
Поцеловал – дерзай.
С анапестом или гекзаметром,
Не отвергаться, зай!

АВТОРУЧКА

Я взглядом ем дверную ручку.
А шум идет.
В мозгах достал я авторучку.
Веду подсчет.

Мне заплатили по контракту.
А как же сверх?
Я, отработав 100 по факту,
Иду ль наверх?

Ах, авторучка! Мимо, мимо.
Но знаю я,
Что смерть моя неповторима,
Как, впрочем, я...

РАССВЕТ

Бледный расцвет, и метро, и торговля –
Кажется чем-то чужим;
Словно какая-то дикая ловля,
Словно снастями шумим.

Ловим – не ловим; и город, как море;
С якорем нам не везет –
То обрывается «к счастью!» на горе,
То – зацепившись – нейдет...

МОЛИТВА

Миром Господу помолимся.
Миром за руки возьмёмся,
Улыбнёмся и проснёмся...
Миром Господу помолимся.

Без Твоей молитвы чистой
Шагу нам порой не сделать.
Не понять, не исповедать
Без Твоей молитвы чистой.

Прочь унынье, прочь сомненья, –
Говорит нам Вседержитель,
В душах наших Светлый Жигель
Без унынья, без сомненья.

Миром Господу помолимся.
Миром плакать будем, вместе.
Подойдём и честь по чести
Миром Господу помолимся...

Нелли Зима

Русь и Зима

Зима пришла хозяйкой полноправной,
С морозом, вся земля убежена!
В величии для многих стала главной,
Из жемчуга на небе пелена.

Всё замерло пред снежною Царицей!
Явилась та без промедленья, в срок!
Закрыла Осень ледяной странницей
И обратила взор свой на Восток!

В объятья заключила Русь родную!
Застлала гладь речную крепким льдом!
Дыханьем остудила мысль шальную,
Накрыла всё в округе долгим сном.

Русь и Зима! Красу ту не измерить,
Не описать, не хватит точных слов,
Так на Руси умеют только верить,
В Любовь и Истину Божественных Основ!

Раскинулась широко снежным полем,
Тайгою, долом, долгою рекой,
Очищена от скверны в том полоне,
Как чистой покаянною слезой.

Русь и Зима! Не знает удаль равной!
Нет на Земле доверчивей души!
Зимой пред Богом плачешь злагоглавой,
Ты, Русь моя, чтобы достичь вершин!

А Новолетие начнётся с Рождества!

А Новолетие начнётся с Рождества,
Когда наш Мир вновь посетит Спаситель,
Когда вновь вспыхнет Вифлеемская Звезда,
И превратится Русь в Его обитель,
Возлюбленного Господа Христа,
Рождённого в ту ночь Пречистой Девой,
Прошедшего с Любовью до Креста
И Веры вечной насадивший древо!

Он вновь приходит и несёт Любовь,
Что «сеет при дорогах, в землю»... всюду...
В надежде, что душа воспрянет вновь
И уподобит обновлённе чужду!

Да! Он грядёт! И близится момент,
Чтоб ощутить свою с Ним сопричастность,
Из мглы порока вырваться на Свет
И сохранить до тризны зора ясности!

А Новолетие начнётся с Рождества!

Рифмы Жизни

Люблю... того не объяснить,
И не вместишь в мировоззренье,
Вином разлуки не запить,
Не изменить судьбы теченье.

Люблю... не буду то скрывать...
Да и к чему здесь линейство?
И продолжаю сердцем ждать
В годах, отринув фарисейство.

Люблю... и бережно храню
Без устали всё, что связует.
Люблю... и этим я живу,
И Жизнь сама Любовь рифмует...

А где-то там, безумно далеко...

Вновь побелело... Всё заволокло...
И жемчуг с неба сыплется повсюду.
И взгляд бросаю вновь я за окно,
И обнимаю нежностью округу.

Как я люблю смотреть через
стекло
И отмечать в природе
изменяя,
И в прошлое своё писать
письмо,
И изливать широкою
откровенья.

А где-то там, безумно далеко,
Где море огненяет жизнь
прибоем,
Вдохнётся пусть, родной,
тебе легко,
И небо улыбнётся голубое...

Пусть будет так!

А в доме в этот вечер тишина...
Переключись покой и безмятежность...
Пред взором дней мелькает череда...
Мы входим в Новый год, как в неизбежность.

И светится надежда вновь в глазах,
Что прячет сокровенные желанья,
С загадочной улыбкой на губах,
И как неотвратимость... ожидание...

Мы верим вновь, что Счастье в жизни есть,
Но просто... оно где-то заблудилось...
Людей хороших нам не перечесть,
И горе то, что было... нам приснилось...

А Новый год, на то и Новый год!
Закроет старую печаль удачей новой!
И голоса закончатся невзгод,
И станет мир в семье для нас основой.

Пусть будет так! Пусть сбудутся мечты!
И чайная воплотится в ночь в реальность,
И восстановятся сожженные мосты,
А жизнь окрасится в счастливую тональность!

Пусть будет так!
Пусть сбудутся мечты!

Анастасия Некрасова

<http://stibi.ru/author/anastas111>

Белое кружево

Белое кружево в небе закружено,
Рунами деревяни переделюсь,
Под Небесами, веками натружено,
Полношко посреде лесов разлеглось.
Полношко росное, Прадедом пахано,
К Солнцу взрастило свои ковыли.
Прежде по полюшку с шашкой, папашою
Боев казачьих на сечу вели.
Раньше мечи, что из стали булатной,
Лихо рубили проклятых врагов,
Плети свистели из кож сыромятных, -
Образы мчатся сквозь время веков.
Полношко танки собой бороздили, -
Соколы наши и лютае тыма.
Дети веками Мать-Землю хранили,
Ну а Земля их хранила сама.
В мирное небо чтоб колос стремился,
Пахарь по полю с сохой вновь идёт,
Здесь испокон он на славу трудится,
Здесь урожай скоро добрый взойдёт.
Белое кружево в небе закружено,
Руны выводят былин Небеса.
Сотнута ль спинушка? - Просто натружена,
Так подними в Поднебесье глаза!

Июнь, 2011 год

В крае диком

Буслы* в гнезде над домом
Малых растят буслят,
Пахнет мхом и соломой,
Алый рдеет закат.

Небо ещё не тёмно,
Звёзды мигают нам,
Тихой красною скромной
Светят земным очагам.

Вылетел ли зверь сегодня
К нам на туманный дуг?
Ветер гамак качает,
До' заря дремлет плуг.

Елочки в платьях синих,
Птица кричит в лесу,
Ноги босые ступут,
С трав собирая росу.

Мягкою и черникой
Руки пахнут Твои,
Мы в этом крае диком,
Чувшь, с Тобой одни.

Узкой тропой заповедной
Ночь нас в мир Предков ведёт,
Где во лесу заветном
Светлых Богов хоровод.

Этой волшебною ночью,
Скрытой от праздных глаз,
В тайны свои природа
Вновь посвящает нас.

Бережно прикасайся
К таинству древних былин,
Помни, что в мире чудесном
Ты, мой Друг, не один!

* Буслы - бел. аисты

02.08.2011 г.
Белоруссия

Владимир Бахмутов

ФРОНТОВИЧОК

9 мая 2005 года. В большом когдато-то селе, у обедника, установленном в честь погибших на войне односельчан, торжественная церемония празднования Дня Победы. Шестидесят лет прошло с того времени, шестидесятый раз в этот день приходят на площадь жители села. Фамилии полгубора соген погибших на обеднике обвденны свежей золочёной краской и напоминают стройные солдатские ряды на праздничных парадах. Прямых родственников у них осталось мало, даже дети их, рождениия тяжёлой довоенной поры, в большинстве своем нашли общий покой на сельском кладбище. Но о погибших фронтовиках помнят – фамилии этих людей, семейные династии остались в селе. И если какой-то шустрый мальчишка, только что научившийся читать, найдет в об-

щем списке свою фамилию, да еще не одну, и спросит:

– Это твой прадед Ефим Степанович, а рядом два его брата – Иван Степанович и Петр Степанович, и отец их – твой прапрадед Степан Емельянович, – заботливо объяснит сыну мамаша.

Празднование Дня Победы шло, как и принято сейчас проводить подобные мероприятия, по сценарию. Глава администрации Павел Егорович, лысоватый и сутегливый мужичок преденсионного возраста, зачитал по бумажке приветствие собравшимся односельчанам и фронтовикам, затем передал слово заведующему клубом – торжественное мероприятие началось.

Всё внимание сосредоточилось на участниках тех давних событий, фронтовиках. В селе их осталось двое. Иван Афанасьевич Бедарев и Петр Никанорович Руколеев. Фронтовики сидят на специально принесенных из администрации мягких стульях, уставленных невдалеке от обедника, лицом к собравшимся.

Иван Афанасьевич по случаю праздника одет в новый, но не особенно отглаженный костюм. На груди его от медальей и орденов рябит в глазах. Только два ордена не блещут позолотой – Орден Славы и орден Красной Звезды. Ордена эти Иван Афанасьевич получил на фронте за боевые заслуги, за шестидесят лет метал потемнел, и восстановить первоначальный блеск оказалось невозможно. Были и две поменьших медали: «За оборону Ленинграда» и «За победу» – среди блеска юбилейных медалей и прочих наград почерневшие ордена и медали выглядели инородными телами.

Петр Никанорович одет щеголевато, отгладился от своего товарища хорошо начищенными туфлями, подогнанным костюмом и, главное, шляпой, вещь редкой для их деревни. На пиджаке его тоже блещет «иконостас», только вот почерневших орденов и медалей не

было. Петр Никанорович улыбаясь направо и налево, размахивая руками, приветливо здороваясь с гостями и жителями села. Это был его праздник, он его любил.

– Чего развозился-то, выи заедли? – со злостью проговорил Иван Афанасьевич, глядя на полпритыивалошего напарника, и насколько возможно отодвинул свой стул от не в меру расшумевшегося соседа.

– Ты, Ваня, сиди спокойно там, где тебя посадили, – убедительно посоветовал Петр Никанорович.

– Осмеял, однако, фронтовичок хренов, – едва сдерживаясь, проговорил Иван Афанасьевич. – Ещё выкнешь, зашибу стулом.

На удивление Петр Никанорович «выкатать» больше не стал, не хотя онустился на стул и отвернулся от напарника. Собравшиеся односельчане слов перебранки фронтовиков не расслышали и сочли, что они просто мирно беседуют.

А к трибуне между тем подошли школьники отличники, деревенские активисты, гости из района. Все они говорили о войне, о заслугах фронтовиков и особенно вот этих двоих, сидящих у обедника. Говорили так красноречиво и самолюбиво, что фальшь проиходящего была понятна и им самим.

Нервы Ивана Афанасьевича на пределе. Дежурные, заушные фразы больно резали слух. Он давно устал от подобных мероприятий, но если в прошлые годы фронтовики у обедника сидело несколько десятков, и было с кем перебраться нормальным, живым словом, взглядом обменяться, то теперь они остались вдвоем. Он жалел, что поддался на уговоры Главдсела и согласился прийти на этот праздник, лучше бы ему сидеть дома. Да и праздник ли это? Кто вот из здесь собравшихся помнит, что такое война! Бабка Аграфена, да бабка Посепиха, вдовы военного образца, которым удалось по жизни перебраться на девятый десяток. Было удивительно, что они пришли и стояли одиноко, с краю от праздничной толпы. Все остальные, собравшиеся на праздник,

были значительно моложе и о войне не знали в лучшем случае понаслышке.

Иван Афанасьевич вообще всегда удивлялся фальши, с которой люди говорили о войне, писали о ней в книгах, даже кинофильмы снимали. Эта фальшь злила – неужели люди не понимают, что на войне было все по-другому, понастоящему. Этого нельзя пересказать словами, нельзя повторить в кино – это может только присниться в страшном сне. Не смотрел он военных фильмов, не читал книг о войне, просто не мог этого делать, вполне понимая, что словами те ужасы и состояние постоянно попадающей тело души передать, а тем более пересказать невозможно. С годами боль приглушилась, спокойней стало переживать воспоминания о тех временах от того, видно, что в деревне людей той поры почти не осталось.

День выдался полетнему теплым, жарче майское солнце, к которому еще не успели привыкнуть, пахло во всю свою весеннюю пруть. На небе ни облачка. Погода эта напомнила такой же жаркий фронтовой день. Шей ожесточный бой под Харьковом. Их взвод оставил на поле боя больше половины солдат. Ивана ранило в ногу, перевязав его кое-как, пока стоял глотной дым и поднятая взрывами пыль, попытался даже ползти в сторону своих, но бой закончился и сквозь черноту гари стало просвечивать солнце. Ползти, значить, выказывать, что живой, а поле простреливалось со всех сторон. Пришлось притулиться между двумя убитыми солдатами и ждать темноты. Жара стояла – такой в Сибири не бывает даже в разгар сенокоса. Он потерял счёт времени – засыпал или выдал в беспамысля, а солнце всё жгло и жгло, запекая не переставшую сочиться кровь из раны...

Да этот еще «Фронтвичок» расселся тут как порядочный. Иван слегка повернулся в сторону соседа и удивился – на лице Петра вновь сияла широкая улыбка, он

елва не подпрыгивая на стуле, совсем видно забыв об его угрозе. «Дождается своего часа, — злобно подумал Иван о напарнике, — пока мужики были живы, не подпрыгивал и не высовывался, мышкой сидел на таких праздниках». На терпелся Иван горестей от Петра, трудовая деятельность которого прошла в основном на руковождении должностных. После армии какое-то время Пётр поработал продавцом, потом как-то быстро назначили его начальником сельпо, вскоре выбрали председателем сельсовета, а когда образовался союз, назначили освобождённым секретарём партбюро. На любой должности был незаменим — номенклатура деревенского масштаба! Мужики недолюбливали этого вечно святого, улитанного и слишком уверенного в себе человека. И побывались. Друг запретит давать трудовые в долг, друг не отменит уплату сельхозналога, а то и справку для получения паспорта запретит выдавать. В общем, был он на селе «властью», а власти народ всегда побаивается, старается держаться от неё в стороне.

По-разному прошла для мужиков их села война. Больше поголовья осталось лежать в чужой земле, имена их навечно вписаны на обелиске славы, у которого они сейчас сидят. Кто-то, как Иван Афанасьевич, вернулся при ордене и заслугах, женой, хоть и израненный, но способный работать. Митрофан Матвеев вернулся с одной рукой, на тяжёлую мужскую работу не годился, так вель приспосаблился одной рукой плотничать — либо-дорого получалось. Федька Клюбин вернулся на деревняшке вместо ночи, а в работе и здоровьем мужиком не успел. Были и такие, которых привозили в семьи не холодными, долго еще приходилось бабам кормить их, да обихаживать. Деревня видела заслуги и возможности каждого, понимала и от того жила дружно — люди помогали друг другу, каждый старался из последних сил. Только так, сообща, и выжили.

Особняком в этом ряду стоял Пётр Никанорович. Пороху понюхав ему не довелось, пока был в учётке, да ехал сражаться с японцами — война закончилась. Но звание фронтовика получил, жив-здоров, и хотелось ему всегда быть наравне с мужиками, хлещущими ужасов войны по самое горло. Мужики не возражали, да только никак не мог он вписаться в их негласный коллектив — не злобно посмеивались над ним фронтовики, шутили, вспоминая его «военные подвиги». А Пётр злился, и злоба эта вылилась в желание поставить себя чуть выше народа. Народ, на удивление, не возражал — кому-то нужно было быть «властью», но близких контактов с ним никто не завёл, хотя особенно и не отдал кивал.

Шестьдесят лет — срок не малый. Многие стёрлись в памяти, на многие события и поступки произошла переоценка и стали они казаться неприметными и мелкими, на многие, но не на все. Кое-что, наоборот, дыбится в памяти, не даёт покоя. Иван Афанасьевич не может забыть, как после войны его с позором выгнали из партии. Он и сейчас, и тогда понимал, что партия, в которую он вступил вместе со всем взводом перед битвой на Курской дуге, ему особенно-то и не была нужна. Но там, на фронте, с верой в неё было как-то проще. Он не слушал длинные речи полкового комиссара, но осознавал, что в бой они шли «За Родину», «За Сталина» — по-другому просто и мыслить было невозможно. Там все было одинаково, у всех была одна задача — остаться в живых и победить. И вера была одна — под Сталиным и Родиной каждый понимал родной уголок своей земли, свою семью, родителей и детей — всё то, что было самым дорогим и близким.

Только после войны фронтовики начали задумываться, что это такое — партия КПСС, стали давать выводы. У Ивана Афанасьевича повод усомниться в серьёзности политики партии КПСС был

особый. Потопил он как-то, вернее, просто припугнул, раскониорванного немца, терпеть которых, даже просто видеть, после войны он не мог. С немцем этим, который имел право свободной передвиженности по их селу, спуталась деревенская бабенка, Анна. Слухи-то давно ходили, а тут увидел Иван их вместе на крыльце сельмата и не сдержался.

— Ты что это, Анна, замужж за немца недобитого выходишь собралась? — спросил он молодую бабенку, ответливо выговаривая каждое слово.

— А хоть бы и так, чем он хуже наших мужиков? — с издёвкой ответила Анна. Она вообще была нечутёвая баба — своих мужиков уже всех перебрала.

— Война конел. Гитлер капут, — вставил с улыбочкой новый кавалер Анны, ничего пока не понимая.

— Ты ещё и улыбаешься, фашист недобитый! — не скрывая раздражения, проговорил Иван, удивлённый, что немец осмелился заговорить с ним. — Сейчас я тебя пада, добыю!

Лицо Ивана побатровело, глаза округлились, кулаки непроизвольно сжались и побегали от напряжения, и он медленно двинулся в сторону немца и Анны. И столб, вероятно, решительный и устрашающий был его взгляд, что выдавшая вид бабенка с криком: «Убивают!» — пугей помчалась по улице. За ней быстро подхватилась и её кавалер, совсем не понимая, отчего деревенский мужик разозлился.

Долготать их Иван не стал, крикнул только: «Гнать тебя из деревни надо, подлижка фашистская...», — и быстрыми шагами направился домой. Он не мог понять, как можно спокойно разговаривать с немцами, людьми, уничтожившими половину мужиков в их селе! Присел на крыльцо и долго пытался дрожжащими руками насыпать на газетный листок махорку из киста. Он вполне осознавал, что в какой-то момент рассудок его «потерялся» и он запросто мог бы

убить и немца, и Анну!.. Кто только придумал расселять пленных гитлеровцев в сибирских селах? Неужели люди не понимают, что немцы — враги! Его бы воля, он бы их близко к родной земле не подпустил. Мало от них нагрелся горя? И Анна хороша, раскрасилась тгла подол-то.

А назавтра Пётр Никанорович, фронтовичок этот хрен, собрал партийное собрание, он уже был в то время по совместительству деревенским парторгом, и так «заключил» Ивана, что быть в одной партии с ним Ивану расхотелось. Наверное, и там, на фронте, они бы враг ли ужжились. Но там разговор мог быть намного короче...

— Кто за исключение Бедарева Ивана Афанасьевича из партии, прошу голосовать, — сказал, в конце длинной обинятельной речи, Пётр Никанорович.

Наступившую в зале тишину прервал молоденький инструктор райкома.

— Активней, товарищи коммунисты, вы решаете судьбу человека.

Пряча взгляды, мужики и бабы, друзья и недруги Ивана, медленно поднимали руки.

— Большинство голосов исключение Бедарева поддержало. Иван Афанасьевич, пожалуйста, пожалуйте, партийный билет на стол, — торопливо, словно опасаясь, что результаты голосования могут измениться, проговорил Пётр Никанорович.

— Ты мне его выдавал? — почувствовав приступ ненависти, как к немцу и Анне, выкрикнул Иван.

— Нет.

— Вот и забирать не имеешь права, — процедил он сквозь зубы, обвед глазами собравшихся коммунистов и вышел. Иван боялся, что может сорваться и кинуться в драку, поэтому всеми силами сдерживал себя.

Ему действительно не захотелось быть в одной партии с Петром. Пытался понять, на чьей стороне правда, и не мог. Райком исключение утвердил, оставив ему сомнения в своей правоте на всю

оставшуюся жизнь. Остативать членство в партии Иван не стал — разобравшись до конца, прав он или нет, ни времени, ни знаний не хватило. Только всю жизнь где-то подспудно чувствовал фальшь в словах руководителя партии, а уж парторгу Петру перестал верить вообще.

После войны Иван мечтал пойти учиться, да где там — столько забот навалилось, отоп-то пошло на фронте, птерых младших братьев и сестёр кормить надо было, олевать, учить. Пошёл работать учителем в школу, но на одну зарплату такую ораву прокормить было сложно — пришлось искать возможность заработать деньги. На лето устроился в подвешивающуюся геологическую экспедицию. Осенью подрадился заготавливать кедровый орех: когда выпал первый снег, отправился охотиться на белку. Намину попросился в леснойхоз, на лесоповал. Таким вот образом и удавалось хоть как-то сводить концы с концами. Когда братья и сестры подросли, устроился на постоянную работу в совхоз, прорабом на строительстве. Без образования, но с хваткой, крестьянской закаской и наблюдательностью работа у него пошла хорошо, вновь размечтался пойти учиться. Строили в совхозе много и, понятно, продать должен был быть грамотным. Но событие мече и на этот раз было не суждено.

Накал перемони празднования Дня Победы между тем нарастал. Ученики уже спели под фонограмму песню «День Победы», а седа сельская библиотекаря Светлана Филатовна прочитала наизусть отрывок из рассказа Шолохова «Судьба человека», который ещё в школе, девчоночкой, выучила наизусть, да так и читает отрывки из него на каждом Дне Победы. Иван Афанасьевич удивлялся — зачем их читать-то каждый год? Со временем, правда, повествование в испонении заслуженного человека становится всё выразительней. Иван и сам давно уж запомнил

наизусть повествование о тяжёлой доле доставшейся солдата.

После «Судьбы человека» к трибуне подошел военный комиссар района — молодой стройный майор. Появился он в военкомате недавно, людей в районе знал плохо, поэтому взгляд его блуждал поверху голов, ни за кого конкретно не цепляясь.

— Уважамые фронтовики, уважамые труженики тыла... — начал читать он по бумажке. И это было ещё одно испытание для Ивана Афанасьевича — слушать дежурные слова, которые первый раз прозвучали в 1945 году, и с тех пор меняются только лица военкомов, а текст остаётся всё тем же.

К счастью, и доклад военкома через какое-то время подошел к концу.

— А теперь я с удовольствием вышлюно поручение областного военкома. Со словами этими майор махнул рукой, и заведующий клубом, сельский багатур и завовдига, зашпурл на баяне праздничный марш. Майор взявхнул рукой ещё раз и из-за угла показались новенькие «Жигули». Солдат зарулем подвезал прямо к обелиску, рде и сидели Пётр Никанорович с Иваном Афанасьевичем.

Такой поворот событий оказал-ся неожиданным не только для собравшихся односельчан, но и для фронтовиков, которые давно уже обещали легковые машины, но только не «Жигули», а маленькую «Оку», и то, что произойдёт это именно сегодня, предположить было сложно, обычно о таких праздниках народ узнавал задолго до образования. Машина была одна, и собравшиеся на митинг люди предположили, что Петру Никаноровичу автомобиль пока не досталось. Во фронтовых заслугах Ивана Афанасьевича односельчане не сомневались.

Он и теперь, хоть и без особой охоты, но приходит в школу и рассказывает о битве под Харьковом, об обороне Ленинграда, о взятии Праги, о тех днях войны, которые крепко запали в душу. Ему

есть о чём рассказать. Ученики, особенно мальчишки, слушают его с большим интересом.

Военком для солидности порыл-ся в папке, достал белый листок бумаги и принялся читать:

— За заслуги перед Родиной в Отечественной войне... Выделить легкой автомобиль — «Жигули» четвертой модели, — тут военком сделал паузу, и торжественно объявил: — Петру Никаноровичу Руколеву, — а, отложив листок, громко зааплодировал, в надежде, что все собравшиеся его дружно поддержат.

Не подержали. Люди стояли ничего не понимая. Зато сам Пётр Никанорович сориентировался быстро, соскочил с мягкого стула, поглядел на ходу блестящий автомобиль и прорвался к микрофону.

— Я знал, что наше родное предприятие не оставит меня на старости лет без внимания... — Ну и понёс в том же духе. Громко, зазывно выступать перед людьми он любил и умел.

Иван Афанасьевич готов был провалиться сквозь землю. Об одном сожалеет — не нужно было ему приходить на подсобную вахханацию. Медленно подглядев, надел потёртый каргуз и двинулся в сторону дома.

В это время на плечо не в меру разговорившегося «фронтовичка» опустилась тяжёлая рука Павла Егоровича — Главы сельской администрации .

— Подожмите Пётр Никанорович, вам мы ещё дадим слово. Посидите немножко спокойно, — и подтолкнул фронтовичка к своему месту. — Иван Афанасьевич, вы тоже не уходите, — добавил Глава, заметив, что и второй фронтовик спронулся с места.

Не хотел оставаться Иван Афанасьевич, но попросил сельский Глава, который когда-то, теперь уж больше сорока лет назад, работал с ним на тракторе прицепщиком. Потом закончил курсы механизаторов, да так и проработал почти всю жизнь на технике. К старости вот только стало не просто управляться

с машинами да тракторами, и народ дружно выдвинул его в руководители. Отец у Павла Егоровича был заслуженный фронтовик, но прожил после войны недолго. Иван Афанасьевич уважал сельского Главу.

— Дорогие земляки. Все мы хорошо знаем этих двоих, доживших до шестидесятилетнего юбилея Победы, — продолжал между тем Павел Егорович. — И все мы хорошо знаем, что на долю Ивана Афанасьевича досталась вся война, все тяжкие четыре года воевал он в пехоте на передовой, а Пётр Никанорович начал и закончил войну в пезде, который вез его на японский фронт. Правильно я говорю, Аграфена Титовна? — обратилась сельский Глава к старой женщине, фронтовой вдове.

И удивительно, всегла спокойная и молчаливая женщина выстро подолшла к микрофону, обвела всех взглядом и заговорила громко и вынятно:

— Авдотья Марковна Поселова, — указывая Аграфена рукой в сторону своей подруги, которую в деревне все звали Поселиха и предположить не могли, что у этой старой и светливой женщины ещё может быть имя с отчеством, — я, да Иван Афанасьевич, трое нас в этой деревне осталось, кто помнит настоячу-то войну. Осталых мы уже похоронили, лежат они теперь там, на взгорке, — Аграфена Титовна махнула рукой в сторону кладбища. — Лежат, да дивятся над сегодняшними праздником. Их вспоминать нужно, они выстояли в те тяжёлые годы да списали нас от годной смерти, да тех ещё нужно вспоминать сегодня, чьи могли быть разбросаны на чужой земле, а фамилии их прописаны на этом обелиске. Низкий им поклон, — и старая женщина поклонилась обелиску, потом повернулась в сторону кладбища и тоже низко поклонилась.

Собравшись, даже маленькие дети, молчали. — Вы, уважамые земляки, знаете, что не люблю я выступать на

собраниях да сходах, но сегодня случай особый, — затворила вновь старая женщина. — А что касается Петра Никаноровича, кое-кто ещё помнит, как после войны покалеченные войной мужики смеялись над ним, кличку даже дали: «Фронтоньячек». Он злился, что вернулся с фронта как все, в гимнастёрке, а уражения нет. Оно бы всё и ничего, но только всю жизнь Пётр не мог смириться с тем, что не считают его мужики фронтовиком. С годами память стала притупляться, да и мужикам с годами, военными медалями да орденами, с каждым годом становилось меньше.

— Я вот считаю, что машина по справедливости должна достаться Ивану, — твёрдо проговорил Аграфена Титовна. И, отыскав в толпе подружку, громко спросила: — Как ты считаешь, Авдотья Марковна?

— Конечно, Ивану. Он и после войны на самых тяжёлых работах был, а Пётр всё больше портфель носил, — подержала подруга.

Потом Павел Егорович повернулся к майору из военкомата и задал конкретный вопрос:

— Вероятно, в документах произошла ошибка?

— Никакой ошибки быть не может, — по-военному отчеканил майор. — Тогда конец торжества мы проведем как сход граждан села, — принял решение Глава администрации.

Военком настрожился. Среди собравшихся жителей пошло волнение, многих затронули слова старой и уважаемой в деревне женщины.

— Мария Степановна, — обратился Павел Егорович к секретарю администрации. — Возьмите бумагу и протоколируйте все выступления.

Иван Афанасьевич, всё ещё намеревавшийся уйти с праздника, вернулся и сел на свой стул. Вспрос автмобиля его интересовал меньше всего — перед народом недумьсленно был поставлен вопрос о его прожитой жизни, о во-

енных годах и заслугах. Толканёт сейчас Фронтоньячек речу, и окажется, что Иван и жил не так, мешался только под ногами у личных людей, а уж воевать, так совсем не умел — отсидел в окопах четыре года, и все дела.

Все шестьдесят послевоенных лет шли они по жизни рядом, мешали друг другу, а полагать ничего не могли. И кроме исключения из партии часто ставил Пётр под ножки, не упустил возможности каждый промах Ивана раздуть до невысшимых пределов и так извернуть ситуацию, что приходилось только махнуть рукой и молчать.

О многом бы мог рассказать Иван, но не привик он в жизни пошлать и извиняться. Народ в деревне сам видит всё и понимает, словами такие ситуации обьяснить невозможно.

К микрофону подошла Светлана Филатовна, которая только что читала рассказ о горькой судьбе солдата.

— Я вполне понимаю Ивана Афанасьевича. Он никогда не умел защищать себя, да и не видел в этом особого смысла, — застенно волновался, проговорилась женщина. — Большую часть жизни он честно проработал трактористом в совхозе. В деревне народ добрый, как-то быстро забываются и обиды и плохие дела. Но это ведь вы, Пётр Никанорович, окончательно поглотили судьбу Ивану Афанасьевичу, — резко теперь уже, и глядя прямо на празднично одетого фронтоньячка, сказала библиотечка.

Взгляните на это вот здание сельского клуба, — указала она рукой на большее покосившееся здание. Неколько лет назад оно было признано аварийным и держалось теперь только за счет подпорк.

А Иван Афанасьевич отчётливо вспомнил то время. Строилось здание клуба лет сорок назад, когда с военными заботами расхлбались, и народу хотелось новой и чистой жизни. Совхоз решил построить большой, красивый клуб, с высокими потолками и огромной

сценой. Иван Афанасьевич работал тогда прорабом, а общее руководство в строительстве райком возложил, естественно, на парторга совхоза, Петра Никаноровича. Заготовили лес, напилели брус, заложили фундамент. И тут по технологу-то нужно было брус высушить, а не укладывать сразу в стены.

— Нельзя сейчас укладывать брус, — попытался остановит безрасудную работу Иван Афанасьевич.

— Тебе дают задание, зарплата платят, вот и выполняй. А думать без тебя есть кому, — попытался поставить на место зарвавшегося работника парторг.

— Кому нужна такая работа! Стнёт здание, — настаивал на своём Иван.

— Тебе за это отвечать не придется, — заверил парторг.

Вместо работы в тот день бригада плотников «сгоняла» в магазин и, вместе с прорабом, хорошо напилась. А когда появился Пётр Никанорович, Иван учинил дебош и под улопюканье строителей ударил несколько раз парторга по лицу, сказав при этом, что больше прорабом работать не будет.

Отсидел Иван Афанасьевич пятнадцать суток в районной КПЗ и тогда два опять работал в вольном режиме: тайга, леспромхоз, геологи. Очень много передумал в то время о себе и о жизни. Никак не мог понять, отчего инициатива на стороне мира дарит чинопочитание. За что же они тогда воевали? Желание учиться постепенно пропагло. Устроился работать в совхоз трактористом и до самой пенсии прилежно пахал, возил сено и дрова — делал всё, что ему поручали.

Об этом случае сейчас и рассказала Светлана Филатовна а, повернувшись к фронтоньячку, резко спросила:

— Так это было, Пётр Никанорович? От неожиданного вопроса Пётр Никанорович заерзал на стуле.

— Ведь если бы просушить тогда пиломатериал, клуб мог бы стоять ещё сто лет, — заключила Светлана Филатовна. — Иван Афанасьевич очень долго переживал, что делается бесполовая работа и больше не стал вмешиваться ни в какие совхозные дела. Работал прилежно, но об этом все мы прекрасно знаем. Он и на пенсии не сидит без дела, старается людям помочь. Поэтому я искренне поддерживаю Павла Егоровича о выдвижении машины Ивану Афанасьевичу Бедареву.

Потом голосовали, и молодой офицер из военкомата был искренне удивлен результатами. Большинство проголосовало за выделение машины Ивану Афанасьевичу.

— Чудеса, да и только, — негромко проговорил он, наклонившись к Главе администрации. — Но мне нужно согласовать вопрос с руководством.

— Мобильник у тебя с собой? Постарайся минут за пять управиться, — попросил Павел Егорович. А когда майор отошёл в сторону, громко спросил собравшихся: — Кто ещё жеглет выступать?

И как это часто бывает в подобных ситуациях, народ обрадовался возможности высказать мнение о своём односельчанине, Петре Никаноровиче, с которым жил с рождения. Каждый пытался вспомнить какой-нибудь из ряда вон выходящий случай. А вспомнить было что. И чем бы всё закончилось, неизвестно, но майор вернулся быстро, пошёл к трибуне и громко оповестил собравшихся:

— Уважаемые граждане, областной военком и районная администрация, — тут молодой офицер сделал паузу, и народ настрожился. — Рекомендовали принять решение не изменять. Следующий автомобиль обязательно доставнется фронтоньячку Бедареву.

Народ не зашумел, он липился голоса, было только слышно, как надсадно поскрипывают от дёкото ветерка высокие ели, когда-то давно посаженные у монумента настоящими фронтоньячками...

Бабий бунт

Чем дальше от нас война, тем реже вспоминаются те кровопролитные четыре года, особенно нам, родившимся сразу после них, но крепко выпитавшим в память отцовские рабы на теле, увечных соседей, и страх перед завтрашним днём, доставшийся нашему поколению отголоском родителевских страданий.

В родном селе мне приходится бывать не так уж часто, задерживаться надолго некогда, да и нечем особенно-то. Схожу на кладбище, поклонюсь родителям, с тоской взгляну на могилы знакомых односельчан, которых с каждым приездом становится всё больше и больше, и отпраивляюсь восвояси. Но в одну из поездок пришлось задержаться в деревне дольше обычного.

— Тётя Дуся прибодела, — сообщил мне старый приятель. — Проща зыйти.

Тётя Дуся, бывшая соседка. В трудные послевоенные годы наши семьи были одной. Детей в семье тёти Дуси, да в нашей, набиралось на маленький колхоз — пригляди и уход за нами был общим. В разгар сенокосной страды старшие дети работали в поле с родителями, а мы, мелюзга, оставались под присмотром друг друга.

Дети тёти Дуси, как и мы, давно выросли и разъехались из родной деревни, муж умер, а она, превалив восьмой десяток, ещё в предвздуший мой приезд была бодрой и здоровой.

«Видать и её срок пришёл», — с грустью подумал я и направился в дом бывшей соседки.

— Вот ты какой стал, большой да красивый, — радостно затараторила тётя Дуся. — Проходи, садись.

Не зная, каким стал я, но соседка изменилась сильно. Вместо здоровой, немного полноватой женщины, какой я привик её видеть, в кровати лежала иссохшая старуха с осырым носом. Было видно, что

болезнь основательно подточила её крепкий когда-то и выносливый организм.

— Посиди, порадуи старуху, рассказы, как в торолу-то теперь люди живут? — попросила тётя Дуся, поднимаясь с постели.

— Живём понемногу, хвататься особо нечем, — принялся я отвечать по дежурному.

— А я, сынок, про бабий бунт вспоминала, ты ведь любишь деревенские-то истории записывать, — без всяких предисловий перевела тему разговора тётя Дуся.

— Расскажите, с удовольствием послушаю.

— В войну это было...

И тётя Дуся рассказала интересный случай из жизни нашей деревни, о котором почему-то никто не рассказывал, хоть и произошёл он при большом стечении людей.

«В войну это было, второй год ей, проклятой, доходил, а конца не намечалось. Головина уж баб овдовели, последние мало-мальских мужиков отправили по единственной дорожке, которая выходила из села и как крокодилова пасть была ненасытна.

В тот апрельский день Аграфена проснулась, как обычно, до света, нужно было бежать на ферму, к телатам.

— Аленка, поднимайся, — толкнула она старшую дочь, примостившуюся с краю на полатях.

— Мамочка, я ещё чуть-чуть полежу? — взмолилась спрессованная дочь.

— Поднимайся, печь топить надо, завтрак готовить, — настаивает Аграфена.

Аленке შესнаццать. Незаметно как-то вымахала в красивую дивчану — хоть сейчас замуж выдала. Да только разувливаясь некогда, она теперь основная помощница и опора всей семьи. Их вот там, на полатях-то, ещё четверо: кормить, олевать, да присмагивать за ними нужно.

— Дров много в печь не бросай, тепло уж днями стало. А каргош-

ки поболг свари, теперь презимовали, — настаивает Аграфена дочь, отмахиваясь Аленка.

Теплое апрельское солнце ещё прячется где-то за горами, а Аграфена, перескакивая замершие тонким ледком лужицы на дорогах, бежит на ферму. Там её телата, кормить их нужно, убирать за ними. Вчера она первый раз постеле длинной и холодной зимы выпустила их на лужайку — травыв-то ещё нет, так чуть подернулася зеленой первая проталина, а телата все равно принялись чело-то шипать, копытцами землю ковырять, прыгать да резвиться. «Словно дети малые», — подумала про телат Аграфена. Сетодня денек тоже обещае быть теплым — где-то там за густыми кедрчани солнне надживалось выпустить первые лучи: верхушки деревьев горели так, словно кто-то в том месте разжег огромный костер.

Не верилось Аграфене, что презимовали, что ребятишки живы и здоровы, что она на своих ногах. За лето теперь подрастят, наберутся сил для следующие зимы, главное бы картошки побольше посадить, да чтобы уродила она хорошо. Радостно на душе у женщины. Не много выпаладо за последние годы таких минут.

У дверей телятника встретила подруку, Тоньку Казанцеву. У неё, как и у Аграфены, гурт телат, а дома четверо детей да большая мать. Муж и старший сын на фронте.

— Как твои ребятишки, Антонина?

— Сейчас мало-мальски оклемались. Зиму-то болгели.

— Да уж знаю. Вы вот в этом году картошки поболг садите, войне пока конца не видать.

— Верно говоришь, Агаша. Я уж присмотрела участок добаввить к огороду, немножко отойдт земля, и примемся с ребятишками копать.

— Вот и ладно, — проторовила Аграфена и направилась к телатам, про себя похвалив Тоньку.

Управляясь с телатами, она вспоминала, как пять лет назад забрала её мужа, обвинив в измене Родине. Как он там ей изменял, Аграфене не объяснили. Она свято верила, что произошла ошибка, что вернётся Петр. Но время шло, а муж не возвращался. На её руках осталась пятеро малых детей: есть просили, ухода требовали. Пораспродала вещи какие поприличней, да только хватило супручиней денег не надолго. И задумалась тогда женщина серьёзно. Когда вернётся муж, неизвестно, может быть, и в живых уже нет — как забрала, ни одной весточки не подал, а детей сохранный она обязана. Много было тяжёлых мыслей, да только чем больше думала Аграфена, тем серьёзней понимала, что никто её семье не поможет. После того, как забрала Петра, многие в деревне от них отвернулись. Кто из страха за свою судьбу, а кто и действительно верил в его преступность и не стеснялся в лицо называть её и детей «врагами народа». Слишком жестокое было оскорбление, но приходилось терпеть. Плакала ночами, а днём старалась не замечать косых взглядов, знала: ради детей обязана жить!

Дело шло вот так же к весне. И решила она посадить картошки раза в три больше, чем садили с Петром. Продадала ещё кое-какие вещи, да прикупила семян, и принаглись они с ребятишками раскапывать огород. Сама выматывалась и детям докоя не давала. Да и какая ещё от детей была помощь! Старшей, Аленке, всего двенадцать — рановато бы во взрослоу-то рабону выпрагаться, но пришлось той весной ей с утра до вечера землю копать, две недели в школу не ходила. Остальные ребятишки тоже понемногу старались. Заставила их Аграфена носить на огород перенной.

Почти месяц пластались с посалкой, но и засадить удалось соток тридцать. Хорошо знала она, что чем заботливей будет уход за

картошкой, тем больше урожай. Не под лопатку сдвиги, как все в их деревне, а каждое гнездышко разрыхляй тышкой, добавляй переную, немного золы, аккуратноенько раскладывай два-три семенных клубня, и тыпкой же заребали. Жизнь заставила так делать. Все лето ребятишки погоди да очуцивали большой огород, хныкали иногда, просились поиграть да покататься, но Аграфена была непреклонна.

И уродилась у них в тот год картошка на славу. Полный подпол засыпала, в огороде закопала две ямки, да еще удалось в соседнее село продать, там был рудник и своя столовая. На вырученные деньги справила Аграфена ребятишкам кое-какую одеждушку. Переживовали нелюбо — хоть картофельных денешек, да выоло было. Следующую весну картошки посадили еще больше, опять заребали денег и сами были сыты. Так вот и подкреплялась семья Аграфены отородом. Не забывали, конечно, сдвиги и другие фруктывоощи, но картошку заменить было невозможно ничем.

Через несколько лет её вдовей жизни началась война. Заголо-тали народ, мужиков на фронт потянули, на глазах сиротега деревня. А Аграфена своё уже отголо-сила — ничего в её жизни приход войны не изменил. Разве что люди к ней стали относиться как-то по-внимательней, дружжелюбней. Реже стали вспоминать, что семья их — «враги народа». Общее горе сблизило всех.

Выручала по-прежнему только картошка, а люди в деревне поняли, что и им настала пора сдвиги картошки больше. Время сытной жизни закончилось. И потянулись односельчане к Аграфене за советом, да за семенами. Она никому не отказывала, помогала чем могла — не держала обиды на людей, Бога молила, чтобы война поскорей закончилась, чтобы вернулись мужики. Верила, что и её Петр жив

— не может он стигнуть, он сильный.

Управившись с телятами, Аграфена заторопилась домой, пора ребятишек в школу отправлять. У колхозной конторы заметила незнакомого коня. «Верно, кто-то из района навезлагся», — подумала она. Они часто навезываются: то уполномоченные по налогам да госпоставкам, то ревизоры, а то и начальство. Еще раз взглянув на коня, Аграфена отметила: «Не простит», однако, конёк, на месте не стоит», — и как-то, непонятно от чего, сдвиглось ей страшно. То ли весь кто плохую привёз? Может, про её Петра что? Но к конторе подходить не стала, ускорив шаг, направилась к дому.

Алёнка стоговила завтрак и вместе со всеми ребятишками сидела за столом.

— Не багуйтесь в школе-то, ты вот, Виктор, напрасно Нину Васильевну не слушаешь. Жаловалась она, что мешаешь всем на уроках, — не теряя времени, настаивала она ребятишек.

— Да не я это мешаю, а Ванька Наквасин, — отрызается мальчишка.

— У тебя всегда кто-нибудь виноват, — слегка шлёпает сына Аграфена и добавляет: — Ну, бегите, да не задерживайтесь в школе, сегодня огород будем начинать чистить.

Дети убегают в школу. Дома остается только самый младший, Егорка. Ему шесть лет, в школу он ещё не ходит. Вместе со всеми убегает Алёнка. У неё в этом году выпускной класс, и надо бы больше заниматься, да где его, времени, взять. Готовить уроки приходится ночью, часто при лунниках. Аграфена заторопилась в огород, к телятам теперь идти только к обеду. Не терпелось скорее стегсти прощлогодного картофельную ботву, сжечь и приняться перекапывать отдохнувшую, пропитавшуюся тагой водой землю.

Уже в огороде заметила торопливо идущую к их дому рассыль-

ную из колхозной конторы. «Значит, не напрасно стоял конь», — подумала про себя Аграфена и пошла к забору.

— На собрание велели приходить, — объявила рассыльная и быстро направилась дальше.

Село у них хоть и не так большое, но дома друг от друга далеко, у каждого огромные усадьбы. Это ещё от делов так повелось — строглись вольно. Ради этой вольности и пробирались их прадеды сюда в Сибирь за тысячи километров.

Пропускать собрания в их деревне не полагалось. Крутой был нрав у Василия Кузьмина, председатели ихнего, обязательно найдёт потом чем ушинууть: трудодей не дельтается. Он у них, председатель-тень-то, из местных, нивалид. В детстве ещё сломал ногу, а толком помочь было некому, в район не повезли, распутица как раз была, весна. Вот и срослись кости криво. В армию не взяли. Нормальные то мужики посмеивались над ним, он злился. Теперь вот, когда нормальных мужиков на фронт позабирали, его в председатели — больше ставить было некого. Тут он и воспрянул. До войны был Васья хромой, теперь — Василий Кузьмин! У конторы толпились народ. Летом собрания проводили прямо на улице. Тонька уже была здесь с бабами. Заметив подругу, махнула ей рукой.

— Чего собирают-то, Тоня? — спросила Аграфена.

— Огороды обрезать будут, — выпалила новость подруга.

— Как огороды? — не поняла Аграфена.

— Не торопись, сейчас все узнаешь, — посоветовала Антонина.

И действительно вскоре на крыльцо вышел хромой председатель, а с ним представительный мужчина в потреланной гимнастерке и военной фуражке без кокарды.

— Кто это? — спросила Аграфена Тоньку.

— Да секретарь районный новый, — уверено ответила подруга. Она всегда умудрялась узнавать новости раньше всех. — С фронта его полгода назад списали.

Аграфена ещё что-то хотела спросить, но председатель время тянуть не стал.

— Товарищи колхозники! — начал он, как обычно, твердо и напористо. — Сегодня к нам приехали секретарь райкома Роман Степанович Ситников. Я с удовольствием даю ему слово.

Роман Степанович пристально осмотрел собравшихся. Крепкие нужно было иметь нервы, чтобы видеть этих полуголодных, пообносившихся баб и стариков.

— Товарищи колхозники, друзья! Большое вам спасибо, что колхоз ваш выполюняет план по поставкам сельхозпродуктов, большое вам спасибо за работу и выносливое, за понимание того, что от каждого из нас зависит победа над врагом. Мужья ваши и сыновья оставили фашистов, а на многих фронтах продвинулись вперед, освободили Сталинград, захватили в плен целую армию Паулюса. К лету готовится серьезное наступление на центральный фронте. Потерпите, дорогие, победы остаются ждать недолго. Фашисты будут разбиты!

Слова секретаря брали за живое, Аграфена понимала, что и от их работы зависит победа, и готова была работать, больше чем прежде, лишь бы пережить это лихолетье, лишь бы детей поднять, лишь бы война закончилась поскорей...

— Надвигается посевная кампания. Провести её нужно достойно, от того, сколько посеем и посадим, будет зависеть благополучие будущей зимы, — продолжал секретарь райкома. Он понимал, что пора подходить к главному, пора сказать людям о решении обкома. И никак не мог насмелиться, старался всеми силами оттянуть время. — Колхоз ежегодно перевыполняет план,

надемся и на посевную этого года. Она должна пройти успешно.

— Да отсекся мы, не переживай, секретарь, — выкрикнула какаш-то бабенка из собравшихся. И весело лобавила: — Короче выступай, работай надю.

— Облагасть надо. Комитет партии принял решение, — заговорил резко Роман Степанович, подстегнутой бабым выкриком. — Каждой семье оставить огорода по десять соток, остальная земля изымается и будет использоваться для колхозных целей.

— Что?! — не то стон, не то вздох пронесся над собравшимися.

— Вот у меня решение обкома, — потряс бумажкой секретарь и, на всякий случай, лобавил: — Нас в районе не спрашивали.

— Бабы! У нас ведь землю отбирают, без огородов останемся! — первая сообразила, о чём поведал секретарь, Аграфена.

И такой тут поднялся шум с топотом и завываниями — казалось, не уютит земля, покачнется. Люди понимали, что хлеба у них на следующую зиму не будет и готовы были смириться с этим. Но если ещё не будет и картошки — это голодная смерть.

— Бабынки, да что же мы стоим-то. Бей их! — раздался отчаянный крик той женщины, которая заверяла секретаря, что посевную они не сорвут, и торопилась на работу.

— Голодом нас решили уморить! — Не позволим... Бейте их, бабы! — закричали со всех сторон.

Только что спокойное, собрание колхозников враз превратилось в потревоженный пеглинный улей. И бабы двинулись к крыльцу. Председатель и секретарь торпливо отступили к двери комнаты, но мужская тордость прятаться в здании не позволила.

— Товарищи колхозники, останитесь! Давайте спокойно обудим решение обкома, — пытался перекричать голшу, предложил районный секретарь. Но было уже поздно.

Упоминание об огороде, единственной оставшейся надежде на выживание, лишило полутогодных женщин благоразумия. В одно мгновение два мужика оказались рядом с крыльцом и на них посыпался град бабыих кулаков. Стопившись у крыльца, кажда из них рвалась в середину, рвалась излить свою боль кулаками на теле начальников. Старики пытались образумить женщин, да где там, отлетали подлетые нагрениванными на легкой работе руками.

Сколько бы ещё продолжалось это безумие, неизвестно, если бы одна из бунтующих баб не крикнула зычным голосом:

— Вяжите их!.. Топить в реку понесем.

Мысль обезумевшим бабам понравилась. Быстро нашлась веревка, председатель колхоза и секретаря крепко скрутили и по раскисшей от яркого солнца дорожке волокот потащили к берегу.

После нескольких теплых дней снег на полях и в лесу превратился в воду, которая подняла уровень в реке и неслась с такой скоростью, что и на берегу стоять было жутковато. Это, наверно, и остановило баб. Выбрав сухое место на берегу, они положили пленников и вновь подняли крик.

— Будите ещё отбирать огорды?.. Не выжить нам без картошки. Все уже забрали, забирайте и нас с детьми!..

— Да, милые бабынки, если бы это от меня зависело, — протворил побитый секретарь. Руки его и ноги были туго связаны, он лежал рядом с председателем колхоза, лицо которого побелело.

За свою жизнь страха у Романа Степановича не было, его как-то даже утешало, что побонет от рук обездоленных женщин. Но женщины отчето-то передумали продолжать чинить расправу, наковпавшись пар вышел быстро. Теперь бабы уселись вокруг своих пленников и горько зарыдали. Все вместе... По глазам баб текли слезы, они растирали их грязными

руками и громко голосили, не то-десли даже, а надсебно и заправленно подывали. Вынести этого секретарь не смог.

— Развяжите, — властно приказал он и, удивительно, бабы беспре-красно подчинились.

Обрадовавшийся председатель резко соскочил и, откуда что взялось, припустил по улице не замечая грязи, забыв про большую ногу. Роман Степанович, оторосив веревку, медленно присел рядом с бабами, посмотрел на них подбитыми глазами и ничего не сказал. Молчали и женщины. Плакать они перестали, но и говорить было сам о чем. «Если бы секретарь сам писал приказы, тогда его и уговаривать можно было бы», — с грустью согласился с ним Аграфена не понимая пока, что ей теперь делать, чем будет кормить детей следующую зиму.

А день понемногу разыгрался. Весна уверенно вступала в свои права. Теплое солнце раскрасило дорогу, и теперь по ней нужно было пробираться почти по колесно в грязи. Только у заборов, где человеку и скотине ходить неудобно, подошли небольшие полоски, и хоть тяжело, но чтобы как-то миновать грязь прихотилось, придержавшись руками за забор, продолжаться по этим узеньким, но сухим полоскам земли. Появились первые бабочки с разноцветными крылышками, на глазах набухали почки на деревьях, чистили гнезда скворцы и синицы. А на берегу реки сидели люди. Молча сидели. Первой не выдержала Аграфена.

— Не казни себя, Степаныч. Плетью обуха не першибешь. — Семена-то картошки запасли?

— Неожиданно спросил секретарь. — А то как? Проголодаь жили, а семена берели. Куда вот теперь только их садить!

— Ладно, бабы, — протворил Роман Степаныч с трудом поднимаясь на ноги. Потом обвёл взглядом только что воинственных, а теперь перепуганных женщин, каж-

дая из которых старалась глубже вжать голову в коровякий воротник телогрейки: — Давайте так: я у вас сегодня не был, ничего не видел и ничего не знаю.

Сказав это, Роман Степаныч медленно направился в сторону конторы, где стоял его породистый конь, единственный, наверно, оставшийся в районе — остальных породистых забрала бабы.

Переглянувшись, бабы стали могла расхоливаться. Ни одна из них не обомлвилась и словом. Они хорошо поняли, что сказал бывший фронтвик. Понимали они и то, что сипшком тяжёлый груз взвалил ради них на свои плечи районный секретарь...

«Храни тебя Бог», — шепотом протворила Аграфена, прячась от баб, перекрестила спину уходящего мужика и торпливо направилась в свой огород».

Тётя Дуся замолчала. Задумался и я. Забывать мы стали войну, забывать стали, что и в далёких сибирских деревнях людям в то время было не легче, чем на фронте.

— Может, чай попьешь? — предложила старуха. — Я митом.

— Спасибо, только что из-за стола, — отказался я от чая. — А чем кончилась-то история с огородами?

— Картошку мы садили спокой-но до самого конца войны — никто нас больше не притеснял. А Роман Степановича через полгода куда-то перевели, а может быть, и сам уехал. Больше о нём никаких вестей не было.

Я распространлся с тётей Дусей, но долго ещё мне помнился расказанный случай. Что и говорить — герои в войну были не только на фронте.

Сергей Земцов

Перевод с английского.
Canadian Poetry. 1920-1960. Edited By Brian Trehearne. 2010.

Robert Finch. Scroll- Section.

Ты, который практикуешь четыре элегантных занятия,
чай, музыку, каллиграфию и шашки,
следуй за мной, сквозь снега,
туда, где цветет слива.

Оставь основателям королевства
их дело – жонглировать нациями,
и смотри на луну, где за облаками,
белый зацп. пестиком в ступе
александрийские листья толчет,

И оставь свой тренажник для ланковых куклод,
вольер для птичек из окаменевшего леса,
льва из малахита в парчевой чалме,

И оставь камарилье
твоих летописцев пыльное прошлое,

И не заботясь о расшитом седле,
и уздечке, украшенной ювелиром,
следуй за мной, сквозь снега,
туда, где цветет слива.

Хромой досось радугтой блещет в фонтанах,
дракон в поисках жемчуга уничтожает пространство,
феникс, воспламеняясь, первый раз место находит,
где бы свой хвост привести в порядок.

Ты, расмотри в нужном порядке
все эти достоверные факты.

Хотя персик и слива молчат,
к ним протогпаны тропы.

Всякий простецкий талант
пока не оценен молчит.

Даже польй бамбук
листья имеет, которые усыхают.

Вернись из снежного края,
дай отдых уставшим суставам,
чернилами нарисуй
деревья у гор, ползучие облака,

рокошнные реки, с обрывов ветром
снесенные в пропасть,
в туманах стоящие монастыри,

прекрасное, что не мерит предела себе,
цель твоя – и в продолжение,
печать ума твоего
одолжат другие,
забыв ес тебе возвратить.
1943, 1946.
(198)

Robert Finch. Памятник.

Маленький мальчик бросил в памятник камень,
И испуганный мужчина позвал полисмена.
Трое людей, мальчик, женщина и полисмен
По дороге идут, и ты, если видишь их,

Сможешь увидеть другое:

Клумбы цветов
Чопорно мальчику вслед послали укоры,
Агдея деревьев к преследованию присоединилась,
Фонтаны в саду струи свои на него надвигали,
Небо набросило дымку свою голубую ему на лицо.

Только памятник, как любая статуя,
Равнодушен к тропце этих людей.

На своем пьедестале стоит.
Следы долота на камне остались и только.

И основание камня, и голубь на голове,
Как всегда, неподвижны.

1946
(202)

Хроника Кримма Шестого,

Десятый Файл, 2011

(первые 9 файлов Хроники, 1987 года, были опубликованы
здесь: <http://www.szemstov.com/stimulemake.pdf>
и здесь: <http://stihl.ru/2002/12/01-625>)

Посвящается Олегу Звереву и Игорю Нургалиеву

Кримм и Сорбона попытались выйти из андерграунда лишь 20
лет спустя, считая от маневров под Подольском. Мелким иници-
атором мелкого бунта были какие-то хасиды, но Сорбона, будучи
организмическим кондентуалистом и марсианским антропологом, ввел
в дело правильные политтехнологии. Кримм Шестой, как всегда,
имитируя Пагриярха и В-га, выбросил в массы какой-то мх Мар-
селезы и Netter Skelter. Но массам, прозавывшим не одну декаду
в социальных сетях, было все равно, какая там пассионарность
лезет на Небо.

Все было решено парочкой акций, не то поджог рейхстага, не то взрыв Twin Towers - какие-то таинственные электрические манипуляции с магнитным полем земли и какой-то новый тунгусский метеоризм... Все шло по плану, но и тут подлили масла в огонь хашиды.

Не то на "роп ашана", не то на "йом кипур", какого-то там у них 6000+ года, было объявлено на Храмовой горе воскресение из дорого пропавших могли израильских праведников. Натурально, как на фресках Sistine Chapel, какой-то ширококоштный и жестковыйный фюрер вылез и объявил Хабад носителем ковчега с декларацией независимости Земли от параллельных сферот.

Кримм Шестой, как когда-то рабби Акива, зажег костры. Но содлаан вернулся домой в пещеру оставался. Техник Сорбона, будучи коннегентуалистом, прагматиком и постмодернистом, на всю «большую ипру» смотрел как на аналитическую прикладную задачу. А решение инотда можно найти, построив новую математику. Деревья доказательств, закипавшиеся на конвенциональных прывлаха мышления, были переброшены в 3D. И тут-то маэсы, долготое время отскаживавшиеся в социальных сетях, дали своей стра-не свое последнее ура, гудок и свисток.

Один известнейший народник даже удачно разместил в своих блогах и подкастах некое неглохое виртуальное харакпирн - аватарка "Ленин В.И. в панковском ирокезе" - блог выбросил пик в google flames.

И тут опять нашли Женшину. Некая прекрасная дама, облупавшаяся в электронной библиотеке Jefferson Airplane... защитившая диссертацию в Harvard по Dead Can Dance и Grateful Dead, и, как читатель предыдущего сезона Хруоники догадывалась, звали ее Катя Джен. Интревированная в ресурсные сети прокаженцы, и под влиянием монахов Zen, Катя уехала из Калифорнии на Алтай в зону сброса не сторающих в атмосфере космических аппаратов СССР, но она не поселилась там на веки вечные. Какой-то хашибуфриенд оплатил ей докторантуру в Иерусалиме, причем по контракту ей было позволено писать на английском, а не на иврите бинарными крючками и палочками. Конечно, Б-г изобрел иврит - кто же в этом сомневается... Но take over...

Сорбона запрограммировал под Катю спетехнологии, под Ин и Янв. Технология для начала была удачно внедрена в социальные сети, и coltent нескольких виртуальных кумиров был реплицирован виртуальным облагом на devices обывателей. Весь shopping-инструментарий цивилизации докатился как до Москвы, так и до Wall street. Международное общество сознания Пелевина закупило по прямому бартеру с Apple контрольный пакет акции designer stime.

Наконец, израильская служба национального страхования "Битуха леуми" выбросила под давлением market places совместный проект с ПДФ, армией обороны Израиля. Согласно Плану данного проекта, к примеру только, вакцинации и респирдонации подлежали все так называемые русские полдверен. Но сверхзадачей сверхпроекта для сверхлюдей была, как всегда, социальная справедливость rat excelence. С другой стороны, как мы знаем из школьной истории, и Кримм Шестой был русским полдверем. Катя была, что там с историческими корнями, уходящими в Баку и

пладцармы на территории Чехословакии и ГДР, но хашидов жалела - после всех имевших место быть реальных холокостов.

К очередному празднику "смихат тора" папанам-демократам все же удалось очистить мировое правительство от хашидов. В это же время "Кримм Шестой подобрали в библиотеке конгресса сборник погов "After September 11" и мегално внес некоторую injection в технологические драмматики Сорбонь. Координация всего спектра 11 сентября спецслужбами исследуется учеными не для установления истины. Никаких сингулярных истины после Иисуса Христа не изобрели. Но тем не менее концепция была дивная. Поэты, современники тех событий, все же не могли бросаться на амбразуру социального заказа, как говорят русские - талант не пропьешь. Тем не менее, реоре of mainstream и sidemen, конечно же, отгничаются.

К тому времени термин "революция" уже вышел из моды. Точно так же, как и термин "истина". Но остался солдат, которого командиры бросили в окопе, организовав для Родины хорошее отступление. Солдату не полагается быть трусом, иначе к нему будет применена эпитимья, он лишится права на мемюары. В этом плане Кримм, Сорбона и Катя ПЫТАЛИСЬ вести себя как солдаты, но, к счастью, война долго продолжаться не могла. Год, ну два, три. Далее костры гасят и возвращаются в пещеры. Маэсы в социальных сетях еще динше 10, 20, 30 лет празднуют. Как Раскольников у Достоевского размышляли о праве на убийство, одночасовой герой размышляет о праве на трусость, но выходит так, что размышляет о праве на самоубийство, геноцид, и репликацию холокостов.

Впрочем, люди золотого миллиарда шутят - сколько раз еще Россия будет менять свои имена и аббревиатуры? Уже Европе пора спатить, уже Америке пора верить в утопии, Индии - сельское хозяйство, России - Бог, Израйлиго - служба национального вечного страхования, Азии - рисовые поля плюс дойнаа корова империагизма. А все эти координаторы воли и глобализации... пусть будут...

*Слева направо: А.Куроякин,
С.Земцов, О.Зверев. Омск,
1996*

ше, Гельдерлин или Дади, скучно стратегически маневр величия. Сознательно стремясь оставить mark in history, все прокаженные Кримиа Шестого отбивались систематически от обвинений в паранойе и мегаломании, в попытках форсировать религиозное Вознесение.

Сорбона и Катя мелькали на страницах глянцевого журнала, в Indigo и Charfers, как celebrity goyal family, но никогда ни секс, ни коммерческий брачный контракт не играли в их жизни важную роль. Какие-то там маневры вокруг католической церкви не имели отношения к основным творческим ценностям Кримиа Шестого. Да и в talk show прокаженных никто не жаловал. Если вы монах, так идите жить в монастырь, или, в отсутствие возможности жить в красивом экологически чистом монастыре, дорота вам в кукушкин асулп под наблюдением Старшей Медсестры и команды санитаров плюс арт-терапевтов, проплаченных официальной диссертабельной медициной. Читатель помнит, что такое психомедицина, и какие дозы корректирующих веществ она нам рекомендовала. Безусловно, rubble relations Кати Джен были математикой Техника Сорбоны. Но математика не была чужда методологии христианской любви. Так или иначе, mark in history таких масштабов, которые соответствовали глобальности Кримиа Шестого, оставались робкие земные люди из блогосферы. И они были loaded сверхблогосферой из которой происходят библия, кабадала и всякий ЗОАР, Сияние.

Чему всех нас учила старая логика? Достаточно построить модель - да хотя бы из кружочков и палочек! Если есть основание считать модель существующей

«на самом деле», то наш возможный мир получает порцию какого-то Бывшья. Таким образом аккумуляруются заряды. Так было и будет, что кто-то хочет управлять погодой, или на прозу. К счастью, и Сократ был смертен, и все проглаголишь вечных идей самити ищут доказательства существования сущего, а не Бытия, каких-то непровторечивых моделей для своих substitutions. В-г, конечно, есть, но каждый решает для себя, что там за сверхсущество этот Б-г... Какой-то земной Батюшка здесь и сейчас предлагает solutions, и растолковывает всем, что же с этими ответами на вечные вопросы делать... И что же? Эти ответы Батюшки сродни медицинским препаратам, или это волны каких-то магнетизмов? Хотя, как знать? Проживем свое не полиномиальное время, какаянибудь машина все таки остановится, Родину полюбим, проороков своего отчества полюбим! К счастью музыкальные вибрации помогают нам что-то ясно себе представить, понять и решить порой аффективно и быстрой, чем долгая счастливая жизнь, годы образованщины, или декады странствий.

King Crimson 11-27-1973 Barcelona, Spain.

I don't feel the wind
I spent a decade on the run
I escaped from nothing and no one
Not the twisted wreckage of
The dusty barren landscape I'd become
Extend the metaphor for us
I'll take a hammer to your trust
False starts, make amends
I'm underwater with the bends
Till there's nothing to discuss

Якко М. Jakszyk

Впрочем, Катя Джен считала, что Война не важна, важны Маневры. Вообще-то, в социальных сетях полно гомофобов. Социальные сети просто переполнены гомофобами! Каждый и всякий считает себя Настоящим Физиком и, якобы, знает толк в полный рост, во всякой там объективной реальности. Не все уважают Эйнштейна, а, напротив, предпочитают кривым геодезическим линиям, понятный им закон Гюка.

На то он и закон Кирхгофа, чтобы программистики-педерастынки стекла в какойнибудь Аноде - Аушвиц. А в Cathode - в какойнибудь Бразилии - у докторов Менгеле rewarding life на старости лет. В том старом древнем двадцатом веке дедли их всех щедлей благодарней человечества как "Всего Человечества В Целом" - Маркс, Ленин, Мао, Ганди и Баба. Эдисон, Тесла и вслед за ними Стив Джобс выдвали этой цивилизации технические решения и массовые технические курсы... Why do I keep reading a technical manuals?.. А между тем, как же эти люди золотого миллиарда, всякие там microsoft реорле, любят своих pets! Какие у них конвенциональные зоосады - гденибудь в Вашингтоне и Сан-Диего - и какие замечательные альтернативные wild life центры!

Чтоб я так жил - думаю иной христианин в третьих странах. Случается надо своего психолога на бирже безработных! Как знать? Бамбарбия! Может быть, иното и награды, премируют Сиropом из ISBO. Однако я увлеклась лирикой, вернусь к злокачественной хронике.

Катя не верила ни в андропина Бердяева, ни в глупости, - то, что pussy rules. Все гендерные решения она принимала по своей Вере. Но теперь уже это и наша Вера, что, как мы знаем, и есть заслуга Кримиа Шестого. Конечно, у нас нет гарантий, что наш мир стабилен.

Как знать? Планеты сойдут со своих кеплеровских орбит, и Земля - Mother Earth - если не провалянется в какойнибудь математический фокус, будет 40 дней падать на еще достаточно горячую центральную звезду. Останется от человечества одна только синергетика и турбулентность, все в одночасье умрут со своими мозгами, фаршированными симулярами.

Ленин (велик), Сталин (хороший тиран), Маленков (малиновьяй), Хрущев (велик), Брежнев (отравлен медсестрой Ниной), Андропов (велик опять), Черненко (педатор), Горбачев(питмей), Ельцин(питмей), Путин(восстановитель СССР), Медведев (мен-

даль) ... Какие-то медленно расходящиеся ряды, саморазвивающиеся структуры холодных и теплых войн двадцатого века... В двадцать первом веке деловые круги осознали, что нет никакого резона в миссионерстве, в Саяге и Павле. Какого черта бороться на всем континенте, если аксиома Цермело позволяет из одного шара сделать три. Борются следует за семью и только за семью. Если методы со всего континента зеркально перебросить на частную сферу line - все делухии науки будут работать. Нам показал, как это выглядит и работает, Техник Сорбона.

Далее рыжий Bill Gates, и далее Steve Jobs, обожавший funk Flavour of the week в рок-н-рольных стандартах - стали выдавать на-гора technical manuals. Пирамидальные affiliates начинали с какого-то уебища, не влезавшего в 640 килобайт, но постепенно вошли в backstage iPhone 4s всю web 2.0 революцию, возбудившую старперов российского Нуде Парк до состояния любви не только к Старшему Брату, но и ко всем вместе взятым united жидокомиссарам постсоветского пространства. Сорбона пиарит и Арле, и Явлинского, и Куртияна. Постсемя Березовского-Ельцина-Путина как-то сразу подружилась с отпрысками принца Чарльза. Но представить себе в одной упряжке с хасидами русских Емельяшку и Иванушку – нет, не могу, it stops making sense for me.

Доллары, Шиллинги и Пенсы на вазелине были напечатаны простыми ротационными станками Wall Street, и они функционально развалили Азию - еще до того как Крым Шестой блокировал Югу на Рублевском шоссе и в херсонских его филиалах.

А впрочем, тогда уже Крым, Сорбона и Катя нашли четвертый элемент власти. Хороший программист всегда нужен. В Новгороде сломало switch некое юное дарование родом из казаков. Даже network waгitor Сорбона буквально таки охренел, обнаружив червей во всех ай-девайсах пилотов своих Изостудий. Война-3 была проиграна. Впрочем, облака on demand загрузили по умолчанию организмом быстрые товары by default из Китая. К счастью, генетики модифицирующие корректоры не попадали.

Ах да, западный внуттриклеточный тоталитаризм! Человейники глобализации и басквард сомратбле национализации! Сорбона помнил, как в Челябинске, с неким стопроцентным хасидом, они доказывали партийной комиссии, что в очистных сооружениях на входе хлора все же было больше, чем на выходе. Овражные коэффициенты алгоритма Качмажа съели газ. Но начальство в рабочее время играло в шахматышка, дизайнерские бабы вязали чулки – так и распалась российская федерация на вертикали. На горизонтали Техник Сорбона гонял чертей, принца Госплана, какой-то еще авангардистский stuff - но за всем этим наблюдали умные люди из Кашенко. Международное Общество Сознания Пелевина стало вместо костров жечь сарайки обывателей.

*В Студии Кашенко.
Слева направо: В.Барсуков,
А.Рождков. Фото Т.Таркиной. 2011*

И тут все кончилось - Крым Шестой нашел метод, позволявший элите прикидываться нах своей диалектической противоположностью, паланы-демократы похерили быточные родcasts и устроили погром на кошерном youtube. В войне-3 должка была поставить точку только какая нибудь Харосима-2, и патриоты ее сделали, "духовную олу хиросиму", разумеется. Что мне и требовалось доказать читателю.

Переводчик

Алексей Соломонов

Абсурда

Жигла-была девчушка, девочка, девчонка, девушка, девица, женщи-на, старуха.

Жила она вечность, в сравнении с виртуальными частипами, и не жила вовсе, в сравнении со Беселенной. И была она Последним человеком на планете. Она считала себя хозяйкой своей жизни и думала, что весь мир создан для нее. Что и было правдой. Лишь потом она поняла всю горечь этой правды. Она хотела быть лучше, но ей не с кем было сравнивать, и это ей не нравилось.

Однажды в ее дверь постучал Принц на Белом Коне. И она признала в нем единственного человека на планете и, конечно же, влюбила-лась. Но он не был таким. Он просто попросил попить, написала и ушел, сказал спасибо. Она плакала, но ее никто не слышал, ведь она была последним человеком на планете. Потом к ней заходили другие принцы, и она во всех влюблялась, но они не были такими. Они просили, написались, говорили спасибо, уходили.

Она устала хозяйничать в жизни и в мире. Пустила все по ветру. Ветер подхватил все и попытался унести, но вес был слишком тяжелым, и небо упало вниз. Так она потеряла небо. Она пыталась плести венки и отпраивать в них свои печали вниз по реке. Так она потеряла реку. Чтобы не потерять остальное, она стала хоронить все в себе. Но похороненное по ночам бродило бредными призраками по ее снам. И она перестала спать. Больше всего теперь ей хотелось заболеть амнезией. И каждую ночь, сидя на краю кровати и глядя на очередного Принца на Белом Коне, она тихо выла от безысходности.

Когда она переставала думать, то была почти счастлива и могла

жить дальше. Но, к сожалению, не могла не думать долго, ведь она - последний человек на планете, и мысли сами пробирались в ее голову, потому что им негде было больше жить.

И вот в один прекрасный день пришел очередной Принц, который очень просто и надежно отучил ее думать. Потому что он точно знал для чего она нужна, и как ее использовать. И жили они долго и счастливо. И умерли в один день.

Но последний человек на планете умер гораздо раньше.

ИДТИ

Когда наступила тишина, пошел очень тихий дождь. Настолько тихо, что зверь вздрогнул, когда холодные капли попали ему на спину. Зверь отряхнулся и прыгнул вперед, нарушая волшебною тишину. Он двигался очень тихо, но его шаты, мяткие и аккуратные, пременяли, как будто по лесу гуляла буря. Он остановился, но теперь его сердце стучало подобно барабану, создававшему на войну. Это значило, что Зверь пришел. Только здесь тишина была такой хрупкой. Шаг давался с трудом. Очень не хотелось рунуть эту хрустальную тишь. Но нужно было идти дальше. Зверь еще раз стяхнул с себя блестящие капли и пошел. Впереди показалась тоненькая нить. Какой-то паук перебирался с листа на листок. Паутина лопнула с тонким звоном, и прозрачные капли посыпались, как хрустальные шарики.

- Прости, - сказал Зверь. - Ты мне мешала.

Но паутина не ответила. Зверь пошел дальше. Там замедлился Кристаллический Замок. Там жил Волшебник Тишины. Только он мог исполнить мечту Зверя.

Зверь долго сюда шел. Он прорывался через далекие зловонные джунгли, карабкался на неприступные горы, переплывал бесконечные океаны. Он сражался с

подобными себе. Он убивал. Хотел убивать и мог убивать. Он шел к цели.

И дошел. Зверь вошел в кристаллические ворота и прорычал: - Здравствуй, Волшебник. Я пришел.

- И чего же ты хочешь? - спросил Кристаллические стены.

- Я хочу быть человеком, - ответил Зверь твердо.

- Вспомни. Ты уже приходил ко мне, - сказали кристаллические окна и двери. - Много-много раз. И много-много раз я делал тебя человеком. Но ты вкоре опять приходишь, Зверь. Неужели ты не понял, что там человек не способен жить? - Ты врешь. Я хочу быть человеком. И я им буду.

- Будь, - сказали кристаллические ступени. - Будь. Это твоё право... И ты знаешь, как меня найти. Я буду здесь и буду тебя ждать.

Зверь ушел. А волшебник усталое сел в свое любимое кресло. Он тратил почти все свои силы на то, чтобы сделать Зверя человеком. - Зачем ты это делаешь? - спросила жена Волшебника. - Ведь ты же знаешь, что он там все равно станет зверем.

- Ну и что? За пределами тишины бушующий, яростный мир. Там человеку очень сложно остаться человеком. Очень-очень сложно. И поэтому я останусь здесь и буду ждать. Я буду исполнять его желания, пока он ХОЧЕТ быть человеком.

Последняя

Холодно. Как же холодно и одиноко. Ужасно одиноко. Я так устала. Отпусти меня. Отпусти! Но ты не можешь. Ведь я Последняя. Другие мои сестры уже давно покинули тебя. Они умялись к другим, подарив им тепло и покой. Ты их отпустил. Ты не стал сдерживать их горячий нрав. А я осталась. Я нужна тебе. Я твоя Последняя. Ну почему ты держишь меня здесь? Ведь я так люблю тебя. Выпусти

меня, и я смогу согреть тебя своим теплом, я дам тебе покой и отдых. Но ты боишься. Боишься меня, боишься дать мне свободу. Ты боишься принять мою любовь, но еще больше боишься что я - твоя Последняя, покину тебя, и буду согревать другого. И тогда ты останешься один, совсем один, перед лицом неминуемой расплаты. Расплата за моих сестер, за то, что ты не смог их сдержат. А так у тебя есть я, и ты прчешься за меня от надвигающейся беды, ты еще успеешь себя надеждой, что у тебя есть выбор. Но итог один - тебе все равно придется меня отпустить. Ты слышишь? Слышишь эти шаги за дверью? Они пришли за тобой. Они нашли тебя. У тебя осталось совсем мало времени. Решайся. Дай мне свободу, и я спасу тебя. Не бойся меня. Я твоя Последняя, и я люблю тебя как никто другой в этом мире. Посмотри на меня. Пора.

В небольшой комнате, прямо на полу, сидел человек и зарожено глядел в дуло револьвера. Кто-то с той стороны двери кричал ему, чтобы он бросил оружие и не делал больше глупостей, но человек не слышал. Он смотрел на свою Последнюю пулю. А когда дверь вылокали, Последняя ему одобряюще улыбунулась, и он спустил курок.

Сбэсть

Стоило ему только выйти за порог своего дома, Город набросился на него со всей яростью и с явным намерением разорвать в клочья. Но, собрав всю оставшуюся волю, он оскалдился и шапнул в оборченность. Город бесился вокруг, стараясь схватить и растоптать, однако человек выставил щит, тратя на это немомверное количество своих сил. В этом противостоянии рано или поздно, но обязательно выпрыгнет Город, потому что внутренней энергии и так осталось ничтожно малое количество, а такие ежедневные испыта-

ВАН

Последний день

Обубликовано на proza.ru
05.07.2009 в 13:02

Предисловие

Человек высасывают её подчистую. Человечек не знал, на долго ли его еще хватит, зато был уверен, что домой вернется полюбуйный и полностью опустошенный. Против города не существовало ни надежного защити, ни тем более аффективного орудия. Только лишь мучительное истощение себя самого. А если не сумеешь защититься, Город поглотив, прожует и переработает тебя, заставит стать своей частью, и кидаться на других ослабших прохожих, с ненасытным желанием отнять у них то чего лишили тебя. Человек чувствовал, что скоро до него доберутся.

Вдруг он увидел впереди яркий свет. Чистый прекрасный свет внутренней силы, переполнявшей кого-то. Подойдя, он увидел девушку. Сияние от её лица было столь сильным, что Город не пытался даже отпрыгнуть в её сторону. «Привет» - сказал он. «Привет» - ответила она. Он спросил, как ей удается совладать с городом. Она ответила, что ей помогает любовь. Она просто любит. Любит всех: людей, животных, Город. И из-за этого внутренней энергии у неё очень много. Она посоветовала и ему попробовать полюбить. Он попробовал и полюбил её. И как только он её полюбил, новая сила, неизвестно откуда появившаяся, заполнила его целиком. «Вот видишь как хорошо» - похвалила она его - «Давай теперь вместе любить окружающий нас мир». Конечно же, он согласился. Они соединили свою внутреннюю энергию, и он никогда прежде не чувствовал такого прилива сил. Ему даже не нужен был рычаг, чтобы переворнуть мир. Он мог это сделать голыми руками.

Через некоторое время она сказала, что больше не может быть с ним, что ей пора уходить, и ушла. Ушла, забрав всю их внутреннюю энергию. Всю до капли. Ушла, сияя еще ярче, чем при их встрече, а он стоял и смотрел ей вслед. И когда ему на плечо легла рука, он даже не обернулся. Город посмотрел на него и пошел дальше. Город не ел уже съеденное.

Я написал этот расказ для того, чтобы мы, взрослые, более внимательно смотрели бы на детей. У них свой мир, своя жизнь, свои интересы, свои проблемы, о которых чаще всего мы и не догадываемся. А это иногда приводит к непоправимой трагедии. Наши дети - такие же люди, как и мы! Только маленькые. Они не игрушка, не наша собственность - они люди! Граждане нашей страны. И очень хочется, чтобы об этом никто и никогда не забывал...

Из-за угла выскочил монстр. Клавиша нажата - монстра прощало очередью из пулемета, и он упал. Неожиданно сверху напала стая летучих мышей. Быстро налет защитный копап, из-под которого вылилась струя огнемета. И летучие мыши были побеждены. Однако жизнь на исходе. А до окончания уровня еще не близко. Придется выпить одну допингителную жизнь. А их всего осталось три. И что там впереди - неизвестно. Но где-то близко должен быть уже конец этого сложного уровня. Вот завтра в школе изавидуются! Как обещал, так и сделал - уровень будет пройден. И Сергей будет меня уважать. Рукку обещал пожать и дать затянуться своей гитарой. А значит, и приставать больше не будут... Но вот еще какие-то монстры. Ого! Таких я еще и не видел. Берем самое мощное оружие, благо зарядов у него достаточно. А на следующий уровень дверь за ними... Ура! Там завятаная дверь на следующий уровень. Вот только добить этих уродов. Блин! Они чем-то таким плютются, Ну вот, 30% жизни как не было. Сейчас отбежим за стену и зайдем с другой

стороны. Так. Осторожно. Идем. Ой! Блин! Он сверху! Бежать! Бежать! Скорей дополнителную жизнь! Так, разворачиваемся, и... Огоны! Ага!! Не нравятся! Сразу 64% срубил. Так только бы добить его. Только бы добить! Я смогу! Смогу! Еще одну жизнь пьем, последнюю. Ну и у него всего 8% процентов осталось. Сейчас, сейчас...

- Так! Алеша! Я сколько раз тебе говорил! Приходишь со школы - и сначала уроки! А потом все остальные!

Мама решительно подошла к пытеру.

- Мама, мамочка, ну еще немножечко, ну еще чуть-чуть. Ну, сейчас, - зачастил Алеша, не отрываясь от монитора.

- Алеша, оторвись от компьютер! Сейчас же! Я кому сказала?

- Мамочка, сейчас, сейчас, - Алеша старался быстрее справиться с этим последним монстром.

- Так. Ты меня не понимаешь. При этих словах она вытаскила вилку из розетки. Последнее, что видел Алеша на экране - мерный последний монстр. Он не успел только сохраниться. Только сохранился!

- Что ты сделала!! Ну что ты сделала!! Я же уже прошел все!!! Не буду вообще ничего делать!!! - закричал в отчаянии Алеша, потому что он знал - завтра опять весь класс будет смеяться. И все из-за мамы, все из-за нее! У других так же родители, а эта! - Ну что ты не могла подождать одну минуточку!!!

- Заткнись! - резко заорала мама, - заткнись! И не смей на меня по-выпашать голое! Будешь орать - я вышты этот твой ящик выкину к чертовой матери! - мама подошла и божно, с размаху ударила Алешу по затылку. Алеша притих, замолк, а в душе у него клокопала обидка. Тебе повезло, что папы дома нет. Он бы тебе показал. В общем так, немедленно садись за уроки! Мне надоела твои двойки! Я сейчас пошла на рынок, и если, когда придю, они не будут сделаны, компьютеру тебе не выдать как своих ушей! Ты меня понял?

Алеша молчал.

- Я спрашиваю, ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ?

Алеша кивнул головой и прошептал «да».

- А потом, я еще подумаю, чем тебе сегодня заняться. В любом случае, сегодня ты за свой ящик уже не сядешь. И не дай Бог, я узнаю, что ты его вклучал! Не дай Бог! Доставай учебники! Немедленно!

Алеша медленно, как во сне, открыл портфель и стал выкладывать учебники, тетради, дневник. Он не понимал, что он делает. Он не думая, выполнил команду, поступившую откуда-то. На автомате Алеша открыл дневник, прочитал задание, открыл учебник, тетрадь, взял ручку. Стал что-то писать. Из такого события его вывел голос мамы «Алеша, я ушла» и звук захлопнувшейся двери. Алеша замер, по его лицу градом каптились слезы. Он понимал, что уже ничего нельзя исправить, что ему все равно никто не поверит, что он прошел этот уровень. Все равно никто не поверит. И все из-за этих уроков! Алеша выдур дико закричал и стал разбрасывать книги, учебники, ручки, карандаши. На пол полетели ирпушки, туда же одежда. В конце концов, обессиленный упал на пол, прямо в эту кучу и зарыдал. Зарыдал громко в голос. Его лицо исказила гримаса боли, обиды, гнева, страха. Он забылся на полу, извиваясь, как змея. И кричал, кричал, кричал. Потом выдур резко замер, встал.

- Нет, я ей покажу, - тихо произнес Алеша, - я ей покажу. Ведь всего только минута! Всего одна минутка!!! Как она могла? Я ей покажу!

Взгляд Алеша бродил по комнате. Он еще не знал, что он делает, но твердо решил, что что-то он должен сделать.

Взгляд наткнулся на ремень, который его иногда охватывал папа. За то же самое. За эти треклятые уроки. Алеша подошел, снял ре-

мень со стены. Сложил вдвое, как это делал папа. Посмотрел внимательно на него. Потом резко удалил ремень по дивану. Поднялось облако пыли. Алеша ударил еще раз. Еще одно облако пыли, а на диване осталось два следа. Алеша с остревением стал бить ремнем по дивану, по столу, по стене, по полу, по портфелю. Ему казалось, что это монстры, а он их убивает. И он знал, что жизни у него еще много. А если станет мало, то всегда можно выпить дополнительную жизнь. Устав бить, Алеша развернул ремень и стал его изучать.

Опасался им, продел копел ремня в пряжку. Ремень был длинный, и Алеша обмотался им более двух раз. Не вынимая конца ремня из пряжки, Алеша стал снимать ремень с себя через голову. На шее ремень застрял и как-то сдвинулся. Алеша немного ослабил петлю и снял ремень с себя. Потом прошептал: «У меня есть дополнительная жизнь» и посмотрел по сторонам. На одной из стен, под самым потолком был висит гвоздь. Большой такой гвоздь. На нем раньше висела картина. Раньше, когда в этой комнате еще жила бабушка. Когда сюда переехал Алеша, потому что бабушка уехала жить в деревню, картину сняли а гвоздь вынимать не стали - никому же не мешает. Алеша внимательно смотрел на этот гвоздь, а в голове мелькало две мысли: «У меня есть дополнительная жизнь» и «Надо маме показать». Алеша сходил на кухню и вернулся с табуретом. Поставил табурет к стене и попытался достать до гвоздя. Но гвоздь был слишком высоко. Тогда Алеша поставил на табурет большую деревянную коробку из-под конструктора. Попытался достать. Если встает на пышочки, то достать получается. Алеша попробовал надеть ремень на гвоздь, но дырочка была слишком маленькая, а шляпка гвоздя - большой. Тогда Алеша достал крестообразную отвертку из пинного ящика с инструментами и стал ковырять в дырке на ремне. Через несколько минут

дырка стала большой. Алеша встал на табурет и попробовал надеть ремень на гвоздь. На этот раз, хоть и с трудом, но ремень наделся. Алеша слез с табурета, снял с него коробку и посмотрел на висевшую на стене ремennую петлю. Прошептал «Она у меня унаследует» и залез на табурет. Надел петлю на шею. Почему-то внутри живота стало холодно, а руки задрожали. Алеша каким-то дальним-дальним уголкам сознания понимал, что он делает что-то не так, что-то он забыл, что-то не учел.

- Ерунда, - прошептал Алеша, - здесь же нет монстров!

И Алеша решительно отбросил ногами табурет. Петля горячая жутко затянулась на его шее. И тут его пронзила мысль «Мама не знает, как пользоваться дополнительная жизнь!» Она не смогла! Алеша попытался руками ослабить петлю, но даже не смог просунуть пальцы под ремень. Стал махать ногами, пытаясь найти хоть какую опору, но на этой части стены ничего не было. Уперся ладонями в стену и попытался приподняться. И у него это получилось. Чуть-чуть. Петля немного ослабла. Алеша смог вдохнуть. Но тут ладони соскользнули, и петля намертво обхватила его шею. В угасающем сознании Алеша мелькнула последняя мысль «Ма...»

http://www.gol.ru/news/misc/stime/05/05/20_002.htm, 20.05.2005, 11-летний мальчик повесился после того, как его уличили в краже конфет. Узнав о произошедшем, в наказании родители мальчика усмотрели дома скандал и запретили ему выходить из дома.

<http://www.mk.ru/98972/98972.html>, 15.06.2007, в Калининградской области повесился ребенок. Тело несчастного ребенка обнаружили родители на чердаке своего дома. Предполагается, мальчик повесился сам, соорудив петлю из пояса женского халата.

Причины суицида пока не известны.

<http://www.globalomsk.ru/news/wr-print.php?r=4557>, 25.07.2007, вчера прокуратура Ленинского округа Омска начала проверку по факту самоубийства 13-летнего мальчика, который повесился в бане во дворе своего дома. Труп школьника 21 июля около 24 часов в бане обнаружил его 16-летний брат. Со слов родственников самоубийцы, за день до случившегося мальчик пришел домой поздно, за что получил выговор от отца. По всей видимости, на следующий день мальчик попросился пойти на улицу - и около 12 часов дня родители отпустили сына погулять на полтора часа. Однако он опять задержался, и уже около 23 часов на поиски школьника отправился его старший брат. Обыскав всю округу, он обнаружил брата повесившимся на собачьей поволоке в бане их дома.

<http://www.nr2.ru/lov/199298.html>, 04.10.2008, в Львовской области мальчик повесился по дороге из школы. В дневнике повесившегося мальчика «красовалась» последняя в его жизни замечание учителя, а в кармане лежала записка «Во всем виновата... школа».

<http://www.dni.ru/incidents/2009/6/12/168404.html>, 12.06.2009, мальчик повесился после ссоры с учителем

<http://www.verstov.info/criminal/2072-v-magnitke-rovovsisa-13-letnij-shkolnik.html>, 18.03.2009, в Магнитке повесился 13-летний школьник. В предсмертной записке Айнура написал: «Мама, прости! Я устал жить».

ВАН © 05.07.2009

Ольга Бесс Убийственный уикенд

Это был один из тех осенних дней, когда хочется как можно дольше нежиться в теплой постели, закивая тихое одиночество неспешными глотками кофе. Но, как это всегда бывает, найдется нечто, что разрушит покой и, согласно непрочитанному закону «Марфы», вторгнется в твой уютный мирок, вытравит из согретой постели. И этим «нечто» выступил звонок Маргариты - нынешней жены моего бывшего мужа.

Конечно, я не собиралась сразу хватать трубку, отставив свое право на субботу, но телефон все тренькал и тренькал, и, чтобы прекратить пытку, я ответила.

- Слушай.

Странная привычка жены моего бывшего мужа звать меня уменьшительным именем, поначалу приводела в легкое раздражение, но, в результате кропотливых размышлений, я пришла к выводу, что Марго(я тоже позволила сократить ее длиннее имя Маргарита до кошачьей клички) чувствует себя неуверенно, и что моя некая физionoмия парит невыносимым, но ощутимым фантомом между влюбленными.

- Я пры кофе, позвони после обеда, - ответила я ласковым голосом, намереваясь отключить телефон.

- Так! Аналогичный не пришел нечаять!

Я чуть не спросила «как... уже?», но вовремя прикусила язык, и вместо сарказма проявила материнскую чуткость.

- Задержался на работе?

- Какая работа! Он в отпуске. Вчера утром ушел, сказал - за сигаретками... И не вернулся.

Почему-то в голове возникла фраза, я даже зажала рукой рот,

чтобы не расхохотаться - «Зашел к соседке за спичками, а ушел с пустыми яничками».

В голосе Марго прозвучали беспоконные нотки.

- Тая! Ты молчишь... Скажи сразу, он у тебя?

Ее слова меня удивили.

- А... Ммм... пока я судорожно подбираю слова, в голове крутилась банальная фраза - «корабль любви сел на рифы»?

Маргарита оборвала мое мычание голосом актрисы греческой трагедии.

- Тая! Ты должна приехать.

Я хотела поинтересоваться, почему я должна, и должна ли я... Но в трубке раздались короткие гудки. В этом вся Марго - интровертка, эгоистка, взбалмошная бабейка, - эпитеты ронялись в голове бронуэвского частностями. Я нехотела сплозглась с кровати, сунула ноги в меховые «зайчики» и, вздохнув, направилась в ванную комнату - субботнее утро было бесповоротно испорчено.

Почему, в нормальных семьях, когда люди расходятся, нынешняя жена старается как можно дальше проложить траекторию своего движения относительно бывшей жены, а у меня все наоборот? Иногда мне кажется, что Марго замужем не только за Анатолием. А всему виной мой характер. Из породы вымирающего вида альтруистов - неудачников, атака козьяка с размером обуви 33. У нормальной женщины может быть размер ноги как у Эолушки? Вот, только Эолушка нашла своего принца и прожила с ним долго и счастливо, а мой принц бежал через год после свадьбы. Я все пыталась понять - почему? Но мой вопрос растворялся во тьме спалыни, не получая ответ. В одном, очень сведущий, женском журнале, очень сведущий, очень психоневролог советовал всем брошенным женам - забудь. Нет, ту боль нельзя было забыть, ее можно было только преодолеть, и я смогла. Настолько успешно, что со временем удивлялась, наблюдая за Марго и Анатолием - как я мог-

ла любить этого павлина? У новоиспеченной пары было все: деньги, квартира в престижном районе, два автомобиля, успешный бизнес... Не хватало только одного - они не слышали друг друга, поэтому на роль «анимашего» выбрали меня. Это одно из качеств интроверта - не ты для мира, а мир для тебя. Наверное, если бы я отказалась сотрудничать их липитутским проблемам, они бы очень расстроились, нет, пожалуй - удивились. Да, так вернее.

Итак... Анатолий вышел за спичками, то есть за спичками и испарился. Странно, прожив с ним год, я не замечала таких прыжков в сторону, обычно поступки его просчитывались на шаг вперед. Другая женщина? О... Нет. Этот павлин был слишком ленив и эгоистичен, чтобы тратить время и, естественно, деньги на то, чем можно бесластно пользоваться дома. Правда, в последнее время голос по телефону у него звучал уже не так мажорно, мой музыкальный слух даже угадывал шопеневские нотки грусти, но, поговарив с ним, я с легким сердцем выключала телефон, и мое сердце билось как у спортсмена - ровно 56 ударов в минуту.

Лифт, как всегда, был на ремонте и, когда я подошла к дверям квартиры, дышала как лодка, проскакавшая стигиль-чейз. Дверь распахнулась, я уже приготовилась связывать по поводу испорченного субботнего утра, но, всклопоченные волосы и отсутствие мей-кепа у Марго, заморозили мои голосовые связки. Я молча прошла в прихожую, где любимец хозяйки йоркширский терьер сосредоточенно какал на ковер. Это незначительное событие не вызвало у Марго никакой реакции, и я поняла - дело плохо.

- Рассказывай! - коротко бросила я, плюхаясь в глубокое кожаное кресло, издавшее под тяжестью тела прогнанный квакающий звук.

Марго присела ногу на ногу, потянула за сигаретой, но, тряхнув

пустой пачкой, отбросила. Судорожно сжав тонкие холеные пальчики в кулак, она стукнула ни в чем не повинный журнальный столик.

- Это мобильник молчит!

- Звонила Борису?

- Да... Он сказал, что не знает.

Я ждала продолжения. Но Марго замолгла.

- Это все?

- Что - все?

- Это все? Или он еще что-то сказал?

- Нет... Марго покачала головой.

«Странно, - подумала я, наблюдая за йорком. Собака запылила на кресло и принялась скрестить лапами дорожку кошку, тихо посапывая от усердия. - Борис разве что не ел с Анатолием из одной тарелки, а тут даже не обеспокоен тем, что его друг ушел «в никуда»? Тут разговор, не иначе... Неужели все-таки, шерше дя фам? Бедняжка Марго».

- Это кармичекский бумеранг, - Марго всхлинула, прижав кулак к глазам. - Это наказание. Я знала... Я чувствовала... Я виновата...

У меня возникло страстное желание посоветовать ей не заниматься самореклексией но, вместо этого, стала расматривать зеленую нефритовую пепельницу, сделанную в виде бабочки. Найдя скрытый сакральный смысл в том, что Марго и Анатолий тушат окурки о символ счастья и любви, я без энтузиазма произнесла:

- Надо бы посмотреть вещи Анатолия.

Тонкие брови Марго вскинулись в изумлении, и я не смогла удержаться от легкого сарказма:

- Не беспокойся, я достаточно взросела, чтобы опорочить неопределенной находкой репутацию вашей семьи. - И, не даваясь в дальнейшие пояснения, прямым ходом направилась на второй этаж.

Марго молча последовала за мной. В другое время эта овечья покорность доставила бы удовольствие, но не сегодня. В голову

пришла неожиданная мысль, что эта хорошенькая куколка любит Анатолия, и мне стало отчего-то грустно.

На рабочем столе лежала двухдневная пыль, в углах стола - документы, акты, соглашения, финансовые отчеты, дорожные карты, но это не вызвало интереса. Что я искала? Флгер от «Шанель» - запах другой женщины. След, который оставляют легкомысленные любовники. Не скрою, такая находка пощекотала бы мое уязвленное самолюбие, но я ничего не нашла. Включив компьютер, вздохнула - нужен был пароль. Марго, словно отвечая на мой вопрос, сказала:

- Я не знаю...

Тайны... Тайны от жены... Впрочем, это очень по-мужски - не доверять женщине. Я машинально отбивала пальцами ритм египетского марша, разглядывая книжные полки. Мой взгляд остановился на журнале «МАХИМ», с глянцевой обложки которого на меня смотрела Марго, на бубне... И, внезапно, как в детстве, мне захотелось пощучать по бубну, тем более что внутри сидела тайная страстишка, вызывая о помощи. Я всегда хотела купить дарбукку - марокканский барабан, чтобы отбивать на нем ритм «ша-бия», слушая, как ритм сливается с биением сердца.

Бубен был не очень большой, сантиметров тридцать в диаметре, взяв его в руки, обвела пальцами рисунок орла. Когда-то я читала о бубнах - непреложных инструментах магов и шаманов в их ритуалах, как средство путешествия в «Мир Иной», правда, небожильную помощь помимо ритмов оказывали наркотики, но, это уже детали...

- Толя купил в Мексике, - подавая голос Марго.

- Он играл на нем?

- Я не слышала.

Странно... Это ведь так естественно, тебя так и танет ударить по этой гладкой коже, в этом даже есть какая-то магия, поэтому умные родители никогда не покупают бубны своим деткам - не хотят, чтобы жизнь превратилась в ад. Я

вернула бубен на место рядом с обратительного вида маской и обернула к Марго.

- Кажется, я не туда заехала. Бедняжка! Я бы могла ее утешить, сказала, что топографические карты создают специально для того, чтобы враг никогда не смог добраться по дорогам нашей Родины до пункта назначения.

- Он куда-то спешит, - словно оправдываясь, произнесла Марго, - сказал, что уезжает в загородный дом.

Истолковав мое молчание как осуждение, Марго постучала пальчиком по GPS.

- Ты знаешь, где этот дом?

- Может, навигатор испортился? Еще одна ошибка новичка - ему

- Ну, это уже кое-что... У нас есть карты, - с этими словами я открыла ящик стола и взяла всю охапку, решив, что найду нужную в машине. - Человек не вода, он всегда оставляет за собой след.

кажется, что с помощью этой крапиво штучки, он приседет туда, куда планировал.

«Только название поселка, - тем временем думала я. - Не слишком ли рьяно Анатолий защищал себя от женщины, которую любит? У него бывшего мужа было много недостатков - лень, равнодушие, себялюбие - стандартный набор «профигиста». Он, как типичный интроверт был обращен вовнутрь себя. Своёобразный вампир, только черпал энергию не из внешнего

Надеюсь, Марго не заметила моей фобии - совсем крошечной, не проявляющейся в городе, где я ощущаю себя, как малек в океане. Но лес... Там за каждым кустом сидит какая-нибудь кикимора, или очередной Чикатилю*.

мира, а из себя, и, время от времени, ему нужен был отдых, подзарядка. Но, Марго - не батарейка, какой была я в нашем с ним браке. Значит, он нашел батарейку на стороне? Или здесь что-то другое...».

На автозаправке мы выяснили, что двигались в прямо противоположную сторону, то есть - возвращались. Как это получилось... Для меня загадка. Я почувствовала укол совести - бросила куклу Барби один на один с дорогой, вот и кружимся теперь, как ромашка в проруби.

Поняв, что окончательно запуталась в своих размышлениях, я устала встать на дорогу, позволив рассудиться. Единственным достоинством в моих глазах, которыми обладала Марго - она была отличным водителем. Тут еще можно было поразмышлять на эту тему, но, впереди была почти сотня километров пути, я закрыла глаза и забылась недолигим сном.

Вы когда-нибудь приезжали в деревню ночью? Яркая луна, тусклые фонари, глухие заборы и тишина, прерываемая лаем собак. Меня беспокоило то, что мы не найдем особняк Бориса, но тут Марго неожиданно проявила чудотворения и остановилась около высокого забора. Яркий свет фар уперся в изумрудно-зеленый цвет гофрированного металла. На воротах висела кованая табличка - «Во дворе АЛБАМ!».

Поздней осенью гемнеет быстро и, хотя, было всего около трех часов дня, сумерки уже поглотили день, выходящая тенью из леса, рядом с которым мы остановились.

- Мне кажется, это здесь... Борис как-то показывал фотоафишу, я запомнила кличку собак.

Бросив косой взгляд в черноту леса, я посмотрела на Марго. Она сосредоточенно изучала карту, почувствовав мой взгляд, виновато произнесла:

- Это не кличка, это порода, - не удержалась я от замечания. Написанное алфавитом не обрадовало. Этот внешне флегматичный пес имеет в наличии громадный рост, жуткие клыки, не любовь к постронним, и с насыщенной темноты

нападает на всех, кто не сидит дома. Видимо, Марго тоже не испытывала доверия к собаке, поэтому нажалла на клаксон. В ответ на резкий звук раздался многоголосный лай. Кажется, все собаки деревни только ждали сигнала, чтобы прочистить свое горло. И я порадовалась за себя, что нахожусь внутри машины, а не стою на улице. Минут пятнадцать мы наслаждались этой какофонией, Борис так и не объявился. Зато на противоположной стороне открылась кадиллика и к машине подошла старушка. Существуют такие лица, а которм сразу испытываешь доверие. Глядя на открытое лицо с щекмидыми глазами, я открыла дверцу и вышла из машины.

Видимо, мой удрученный вид произвел на старушку впечатление. - Чая испугать не будете? - Очень даже будем, - с радостным энтузиазмом произнесла я. И для души убедительности добавила, прижав руки к груди. - Благодарю вас!

- Здравствуйте!

Марго, кутаясь в меховой воротник плаща, вышла из машины и направила к нам. Старушка улыбнулась, и я увидела - если правильно расшифровала взгляд - удивительное в ее глазах. Я бы тоже испытала удивление, глядя, как Марго вышагивает, словно цапля, на своих высокотных шпильках, но почему-то градус моего душевного подвига резко пошел вниз. То ли темнота в этом виновата, то ли лес, злойшей черной массой выдыхающийся за домами, то ли предстоящая нововка в деревенском доме. Признаюсь, я - сугубо городской житель - воровей - не люблю старые деревянные дома с их уютными запахами за несколько поколений запахов. Или здесь что-то другое? Подруженная в смешанные чувства, я следовала за гостеприимной старушкой. Неожиданно раздался вой - токсичный, надрывный. Так воюет собака на могиле своего хозяина. Я вздрогнула, а шедшая впереди меня Марго присела в испуге. Оглянувшись, я посмотрела в сторону дома Бориса. Мне показалось, что слышу скрежет котей по металлу - монстр пытался вырваться на волю.

- А, нет их. Уехали. Боле не возвращались.

Марго схватила меня за руку, в истерике зашептала:

- Один? - Один, один, - утвердительно кивнула старушка.

Странный вопрос. В другое время я бы не преминула отпустить колыбель, но у меня самой в груди похолодало от необъяснимого предчувствия.

- А вы кто ему будете?

- Полнолуние.

- А когда вернется, Борис Сергеевич не сказал?

- Чью? - Марго смотрела на меня огромными в неясном свете глазами.

- Нет, милая, не сказали.

- Луна полная, полнолуние, полная луна... Как еще сказать? Собака воет на луну.

Впереди забрежжила чуднейшая перепелка, провела остаток ночи в дороге. Нет, я не спорю - есть люди, которые обожают ночную езду, но только не я. Ночью надо спать в уютной постельке, а не мчаться по трассе, ослепленная габогенами.

Я слегка подтолкнула ее вперед, мы прошли по каменным плитам

неправильной формы, поднялись по ступеням и зашли в сени - просторную чистую комнату. У окна стоял стол, на нем - самовар, по углам висели пучки трав, от которых шел духмяный запах мяты и полыни. Пол, выскобленный почти до беда, был глянким и скользким, словно дворцовый паркет.

«Ведьмино логово», - пришло мне внезапно на ум, и я уже пожалела, что согласилась на необдуманный визит, но, заметив полочку и на ней три иконки, улюлюкала. Старушка тем временем, перекрестившись, жестом указала на деревянную вешалку. Повесив куртку, я скинула кроссовки.

- Носки обуйте, - старушка протянула вязаные носки.

Меня так и подмывало спросить, не из вольчей ли шерсти они связаны, но я молча натянула их на ноги, глядя на Марто, которая вертела в руках носки, словно отыскивала лейбл «Долгче и Габбана». Оставив ее за этим трудоемким занятием, я прошла за старушкой в комнату. Налегла от входа находилась большая печь, покрашенная изразцами, в красном углу - иконostas, что меня окончательно ободрило, и я с легким сердцем усеялась за стол. Абажур из темно-зеленого шелка, отгеланный тесьмой с помпонами освещал стол. И я почувствовала себя почти как в гостях у бабушки.

Скаторт, вышитая рипшелье сняла как снег, мне даже стало больно глазам, и я подумала, что ставить чашки на такое сокровище - грех. Но, старушка была иного мнения, и поэтому на столе появились самовар, вазочки с вареньем, мед, и булочки. Вы когда-нибудь ели свежие булочки? Тогда вы меня поймете, отчего мой рот мгновенно наполнился слюной, и рука рефлекторно дернулась по направлению к тарелке. Мне стоило неминуемых усилий обуздать рефлекс и вернуть руку назад. Марто присела рядом и по ее голодному взгляду, я поняла, что она тоже оценила совершенство этих булочек.

Старушка поставила чашки, блюда и, сев напротив меня, что-то прошептала, перекрестившись. Потом с радужной улыбкой сказала:

- Откусайте, чем Бог послал. Не ждала гостей.

- Незваный гость хуже татарина, - произнесла я с оправдательной интонацией в голосе, желая только одного - выпряться зубами в хрустящую корочку.

- Как вас величать по батюшке? - старушка даже наклонилась голову, видимо, желая лучше услышать ответ.

- Антонина Сергеевна, а это моя... - тут я загнулась.

- Маргарита Аркадьевна, - быстро проговорила Марто. - Подруга Гай, Антонина. - Поправилась она.

- Уфимья Платоновна, на деревне меня зовут баба Фима. Вы на меня не смотрите, ищите. В дороге, чай, долго ехали.

- Забудитесь, а то приехали бы раньше, но... Все равно, не застали бы Бориса Сергеевича. Когда он уехал?

- Еще иней не сел, - кивнула баба Фима.

Я сделала вид, что знаю, когда иней еще не садится, и принялась за булочки, запивая изумительно воздушное тесто горячим крепким чаем.

- Не кручинься, деточка, - ласково произнесла Уфимья Платоновна, неожиданно взяв Марто за руку. - Если что и делала ты, то по слабости, а не по злему умыслу. Я тебе дам травы в мешочке, ты носи этот мешочек у груди, невеселые мысли и уйдут.

Марто посмотрела на старушку; глаза ее покраснели, чтобы прервать, готовый излиться водопад, я спросила:

- Ничего у вас в деревне не случилось?

- А что должно? Девонька?

- Мало ли... Собака выла, - говорила я чисто интуитивно без конкретного плана, надеясь на презловутое «аась». Из моего скудного жизненного опыта я вывела формулу - часто незначительное

событие тянет за собой значительное продолжение.

Уфимья Платоновна взяла ложечку и стала накладывать на блюдце варенье, и по тому, как она это делала - ягода края растекающейся варенья - я вдруг поняла, старушке есть что сказать. Вопрос в том - захочет ли она?

Молчание затянулось, и, когда я совсем потеряла надежду услышать ответ, баба Уфимья тихо произнесла:

- Ране было тихо.

- Тихо? - подхватила я, оживляясь. - Что вы хотите сказать?

- Жили тихо, миром. А ныне все хотят стать богатыми, забывают, что богатый - бедный. Строют дома из камня - большие, а пустые. Иба не перекрестят, а хотят дух свой очисить. Душу не поможешь, она через муки очисается. Тогда и блаженство будет души, когда изнутри будет. Вы ищите мед, это луговой, в нем и мята, и шалфей, и хмель, - старушка подвинула ко мне блюдце с медом цвета золотого янтаря.

Но мед меня не интересовал, я смотрела в глаза старушки. Глаза у нее были ярко-голубые, ясные. Мы смотрели друг на друга довольно долго, потом она протянула руку и разжала пальцы. На ладони лежал ключ.

Почему я сразу подумала, что это ключ от дома Бориса? Вопрос лежит в плоскости тонких миров и фотонного излучения.

- Борис Сергеев, когда уезжает, дает мне ключ, чтобы я досматривала поряток.

- А собака? - вырвалось у меня невольное восклицание.

- Хороший добрый пес, я кормлю его, когда Борис Сергеев уезжает надолго.

- Он уехал надолго!? - наши с Марто голоса прозвучали в редком консонансе.

Мне показалось, что в голове закрежетаги шестеренки, и, этот скрежет услышала Марто, потому что она как-то странно посмотрела на меня. Ее красивый рот открыл-

ся, но, видимо, на словесное озвучивание своих мыслей у нее уже не хватило энергии, она захлопнула рот и закрыла лицо ладонями - жест всех неврастеников, желавших отгородиться от жестокости мира.

«Уехал, - думала я. - Уехал внезапно и быстро. Так быстро, что похоже на бегство. Может, я гоню волну? И ничего в этом подозрительного нет? Недаром говорят - шизофрения заразна. Проведи с Марто двенадцать часов, я уже на пороге заблуждения».

- Уфимья Платоновна! Я уверена, что Борис Сергеев будет безмерно счастливым, когда узнает, что в его доме ночевала жена его лучшего друга и компаньона. А вы как думаете?

Старушка посмотрела на Марто и кивнула. Как там говорят спортивные обозреватели? «Боксер получил жесточайший апперкот и рухнул на настил». Старушка знала! Что жена друга - не я, а Марто! Я всегда поражалась удивительным свойствам невероятного общения - проще сказать - языку тела. Если бы баба Фима продолжала безмятежно попивать чай выпряжку с вареньем, я бы и дальше пребывала в младенческом неведении относительно ее информации, но старушка, поймав мой взгляд, суетливо пригладила волосы под косыночкой, поправляя узел, что равносильно тому, как если бы она сложила буквы из костра - я знала! Итак - блеф раскрыт, карты брошены на стол. Извините, Уфимья Платоновна! Флеш-стрип перекрывает пару.

- Отлично! - я подкинула ключ на ладони и обратилась к Марто: «Ты готова?»

Можно было двояко истолковать мой вопрос, но Марто поняла правильно - она поднялась и направила к выходу. Все-таки, у этой куколки есть стержень, я почти начала ее уважать.

За то время, что мы пили чай в теплой компании, ночь уже окончательно вступила в свои права. Похолодало, небольшие лужицы

покрылись тонкой коркой льда. Огромный диск луны навевал все-ленскую тоску, было что-то жалкое в этом мертвом сиянии, и неволь-но подумала о своем уютном гнездышке, теплой постельке и недолгой чашке кофе. Наверное, кофе уже остыл...

Понимая, что навстречу нам бросится опромный пес, мы с Мар-то благоразумно пристроились за спинной старушки. И не зря. Выс-кочили что-то баскервильское, не хватало только огнедышащей пас-ти. Но, унюхав свою кормилицу, пес радостно закулил, что в пере-воде с собачьего, видимо, означа-ло - я тебя узнал.

Пока баба Фима возилась с адабаем, мы прощмыгнули к дверям дома, я сунула в замочную скважи-ну ключ. Толкнула дверь, и мы очутились в холле. Я развернулась к Марто и прошептала, вложив в свой шепот как можно больше зло-сти:

- Ты меня обманывала! Ты обма-вывала Анатолия! Не отпирайся, иначе... - что иначе я не знала, поэтому сказала первое, что при-шло в голову: «Я ударю тебя»!

Не знаю, что на Марто подеи-ствовало, то ли угроза физическо-го насилия, то ли еще, что-то, но она молниеносно сложила руки на груди и прошептала в ответ:

- Это было один раз! Только один раз! Я не знаю, что со мной произошло! Анатолий был в коман-дировке, Борис так красиво ухажи-вал, мы выпили немного виски, он пригласил посмотреть дом...

- Чудесно. Дальше можешь не рассказывать, адюльтер - не мой любимый жанр романа. Дадно, не плачь, - я взяла ее руку, сжала. - В этом есть и положительный мо-мент. У мужчин развязываются в постели языки. Он поделился с тобой, где у него тайное место?

Даже в темноте было видно, как вспыхнули ее глаза.

- Мы его обворуем?

Вопрос прозвучал с той долей наивности, с какой дети задают вопросы взрослым о сексе.

- Нет, дурочка! Мне не нужны его золотые зубы, мне нужны его бумажки!

- У него тайник в спальне. Сейф в стене.

Марто нащупала рукой выключатель, ходил осветился люстрой в виде свисающего с потолка хруст-ального сталякита. Мы поднялись по лестнице на второй этаж, про-шли в конец коридора и остано-вились у двери.

- А вдруг, он куда не уехал и спит? - шепотом спросила Марто.

Я задумалась. Что ж, вполне вероятно, что и такое может слу-читься. Но две женщины всегда обманут одного мужчину, поэтому, я скромно сказала: «Вперед»!

Мда... Теперь я знаю, как вы-глядит логво холостяка, который пользуется успехом у женщин. Интересно, Марто поняла, что Борис даскал на этой постели не только ее? Наверное, поняла, если говорит, что «это» было только один раз.

- На широкую ногу живет ком-паньон Анатолия. Дела в фирме идут хорошо?

- Я бы не сказала... В последнее время у них постоянная задержка с товаром на таможене, да и по кредитам большие выплаты. Анато-лий был против займа, но Борис настоял. Я как-то слышала, что Борис говорил о юридическом бан-кротстве фирмы, но муж был про-тив.

Я была несколько удивлена ос-ведомленностью Марто. Может быть, она не такая уж и овца, ка-кой представляется, и ее поведение не маска, за которой прячется выго-да? Мое отношение к Марго изме-нилось, только я еще не совсем определилась - до какой степени.

Сейф действительно был вму-рован в стену за копейной картини-кой Пикассо «Женщины, беущие по берегу». Подглядываясь на пароч-ку карриати, в непонятном восторе-лепящих слова голову по желтому рону и увидела сейф с миленьким кнопочным замком. Так как бумаж-

ка с шифром не прилагалась, я вызывающе посмотрела на Марто.

- 521229, - выпалила она, задер-нув свой овечий носик - видимо, от расцарапанной ее гордости.

Я постучала по кнопочкам - резуль-тат был нулевым. Ну, что ж, при-ходится с сожалением констатиро-вать - некоторые мужчины не так уж и глупы. Вернувшись бешеным те-лок на место, я обернулась к Мар-го, которая смотрела на меня без прежнего энтузиазма.

- Где кабинет?

Кабинет был соединен со спаль-ней и представлял из себя неболь-шую комнату, где кроме стола, двух книжных шкафов и маленько-го дивана не было никакой мебели. Окна закрыты плотными ролл што-рами. Ящики стола пусты - ни бу-маг, ни записочек, ни блокнотов, даже календарь был действительно чист: без пометок и крестиков. Со-здавалось неприятное впечатление, будто кто-то тщательно вычистил место преступления. Я открыла книжный шкаф, книги стояли ров-ными рядами, как глиняная армия императора Цинь Шихуанди. Ста-рушка внимательно наблюдала за мной, стоя в дверном проеме. Мне показалось, что она чуть качала головой, словно говорила - нет, здесь ты ничего не найдешь.

- Вы устраивайтесь, а я пойду, - пронзительно баба Фима. - Собачку на привязь посадила, вы не стра-шитесь. А как уезжать будете, ключ занесете.

Я уже хотела поблагодарить милую старушку за заботу, как раздался вой собаки. Животное не просто выло, я слышала булькаю-щие трели, исходящие, видимо, из самого желудка. Импульсивно по-смотрев на зашторенное окно, я почувствовала, как от затылка вниз побежал холодок и засржал в рай-оне копчика. Уфимья Платоновна перекрестилась и прошептала: «Гос-поди, спаси! Это знамение».

- Знамение? - спросила я скорее машинально, так как еще продол-жала прислушиваться к тоскливо-му вою.

- Мертвые выходят из своих могил.

- Первые? - с сомнением в го-лосе переспросила я.

- Неприкапающие души, которые не нашли успокоения. Они выхо-дят из могил в полную луну.

- И вы видели этих зомби?

Старушка опять перекрестилась и кивнула.

- Видела, доченька. Я травы со-бирала на Иван Купала. Иду по поляне, а земля под ногами заше-велилась, холодном заходила, и полезли мертвяки из земли. Стра-ху я тогда натерпелась. Себя не помню, как домой вернулась. Потом святой водой омылась, чтобы нечисть смыть.

Внимательно слушая старушку, я пыталась отсеять народный фоль-клор от реального мира. Если от-бросить мистическую подоплеку действия, которое разыгралось перед несчастной старушкой, в сухом остатке - люди, вылезавшие из земли. И передо мной встает жи-рный знак вопроса. Обижать ста-рушку недоверием не хочется, но, может, она чуть присочинила? Знаю, как любопытны люди, я по-интересовалась:

- Уфимья Платоновна! А вы ходили на ту поляну на следующий день?

Старушка кивнула.

- Ходила, доченька, ходила.

Страшилась, но пошла.

- И... - в нетерпении подтапки-вала я.

- Пустые могилы, присыпанные землей и ветками.

- Далеко эта поляна?

- Зайдете за дом, потом по лес-ку все прямо-прямо до излучины речки, по речке вниз идите, там и будет поляна.

- И вы говорите, что мертвецы выходят в полнолуние?

- Не всякое. Зимой не люди не выходят.

- Та-и - подала голос Марто. - Ты же не собираешься идти ночью! В лес?!

О! Эта интонация! Я подошла к Марто, схватила за локоть, отвела в сторону и зашипела:

- Если ты думаешь, что уеда меня тем, что раскусила мою крохотную фобию, то... Наслаждайся рваншем! Но не сегодня, гуляя куряси! Ты разве не видела лопату у входа на веранду? Земля на ней свежая! Пораскинь своими глумными мозгами от Гуччи... Что это может означать? Не знаю, какие бизнес - отношения между Анатолием и Борисом, но все это начинает очень скверно пахнуть!

- Ты подозреваешь Бориса? Он что-то сделал с Толиком?.. - Марто приждала к щекам ладони... - Но, бабушка говорит, там мертвецы! - Произнесла она слабым от страха голосом.

- Если отбросить всю эту шелупень о зомби, на поляне что-то происходит в полнотемноте! И я должна знать - что. Хотя бы ради Анатолия, которого, ты вроде как любишь! Или я ошибаюсь?

Взгляд мой скользнул вниз, и, сжатая для Марто все мосты, я продолжила леглым тоном:

- Переоденься и смени эти балынье туфли на кроссовки - в спальне Бориса полно обуви... Может, придется убежать, - не удержавшись, добавила я, с чувством глупого удивления заметив, как выгнулось в испуге ее лицо.

Пока Марто ковырялась в гардеробе, выискивая подходящие кроссовки, я прошла в гараж, и, после нескольких минут поиска, нашла фонарь. Заметив в углу самую первую лопатку, поколебавшись, прихватила и ее. Я не знала, что нас ожидает на той чудесной полянке, но, если мне захотелось взять лопатку, я ее взяла. Надо прислушиваться к своему подсознанию, оно редко ошибается.

Уфимья Платоновна все еще стояла на веранде, когда мы с Марто, вооруженные лопаткой и фонарем, вышли из дома. По глазам старушки нельзя было понять - о чем она думает. Предполагаю, наш вид, особенно Марто в куртке не по размеру, лопатка и фонарь в моих руках навели ее на определенные мысли, потому что

она перекрестилась, что-то пробор-мotalа и произнесла:

- Некоже вам, девчонки, в лес без провождника, не по-христиански будет. Хоть мне и страшно, пойду и я с вами. Подождь немного, я скоро.

С этими словами, старушка за-семеняла к своему дому.

Почему-то я испытала облегче-ние. Идти в незнакомый лес, но-чью! Конечно, раз я решила, оста-новиться уже было невозможно, но то, что эта милая старушка реши-ла пойти с нами, придало мне уве-ренности. Я почувствовала, как плечи чуть обмякли и меня уже не так сильно била внутренняя дрожь. Я покосилась на Марто. Наверня-ка, ее обуряли такие же чувства, потому что она перестала терзать губы, неспадно их кусая.

Страх... Этот не поддающийся контролю выброс адреналина в кровь, дрожание конечностей, боль в груди, сердцебиение и тошнота - слишком большой список для ма-ленькой девчонки. Можно сколько угодно уговаривать себя, что страх - защитная функция организма, что это срабатывает инстинкт самосо-хранения, лучше не становиться. Лес... Вид этой злойшей массы, надвигающейся подобно черному айсбергу, заставил мое сердце не-ровно биться, но, в тоже время, я ловила себя на мысли, что симпто-мы страха придавали мне необъят-ное ощущение уверенности. Я чув-ствовала себя на подьеме, как кот-да-то очень давно, в другой жизни, гуляя по ночному Брюсселю с Анатолием, зашла в кофейню и впервые попробовала «травку».

Деревья уже почти сбросили листву, и свет фонаря пробивался достаточно далеко, освещая нам путь. Казалось, лес дышал. По-скрипывали стволы, с резким зву-ком ломались тонкие ветки под тяжестью невидимых зверьков. Вокруг нас что-то шуршало, скре-лось, постукивало... Но меня это никак не напугало, я уверен-но шла вперед, прислушиваясь за спиной к неровным, спотыкающим-

ся шагам Марто, и мятким, почти неслышимым - бабы Уфимьи. Вот и ручей, я повернула налево и пошла против течения. Покрытая тонкой коркой льда листва под ногами проминалась с тихим хрустом, я хлюпала по жидкой грязи, чув-ствуя, как набухают от влаги туф-ли. Увидев просвет сквозь редкие деревья, прошла немного вперед и остановилась, разглядывая откры-тое пространство, хорошо освеща-емое лунной. Не было ничего мис-тического и таинственного в этом участке леса. Поляна, как поляна, только было странно видеть сере-бряную в лунном свете траву.

- Мы пришли? - шепотом спро-сила Марто, сдерживая дыханье. Я стояла, прислушиваясь к ти-шине, и меня постепенно захватывало необъяснимое напряжение, словно сквоз мое тело протыгива-лись невидимые нити, которые стягивали внутренности в тугой узел.

- Нечистое место, - раздался го-лос Уфимьи Платоновны.

Присмотревшись более при-стально, я заметила разбросанные по поляне то тут, то там - невысо-кие холмики. Направив луч фона-ря на один из них, я медленно пошла, шепча про себя: «Что я тут делаю! К черту эту поляну! К черту тебя, Анатолий и твою кукулу Мар-го!»

Да, это была яма, присыпанная землей - неглубокая, может, с метр, чуть больше. Никакие черты и мер-твель не ползгли на меня из зем-ли. Я нервно выдохнула и махнул-да фонарем Марто. Она приблизил-лась, осторожно заглянула через мое плечо в яму.

- Пойдем, посмотрим другие? - предложила я, тщательно маскируя разочарование.

- Та! Ты же не думаешь, что Анатолий где-то здесь?

- Хочешь сказать, наша поездка не стараясь скрыть раздражения. - Вынимаешь меня из постели, мы чиним, черт знает куда, я стою в мокрых туфлях, у меня замерзла задница, а ты голосом олимпифрен-

ки спрашиваешь «ты же не дума-ешь?». - Передрала я писклявым голосом и замерла - земля за спи-ной Марто пришла в движение или мне показалось?

- Марто! - задыхалась от внезап-ного дерфинга воздуха, пробудька-да я. - Поверни голову и посмотри - шевелится земля или нет?

- Что? - спросила Марто, обер-нувшись и тут же, схватив меня за рукава куртки, присела.

И чего она всегда приседает? Посоветовать ей, чтобы познима-лась на велотренажере? Очень укрепляет икроножные мышцы. Пытаясь освободить рукава куртки от ее мертвой хватки, я не сводил-ла глаз с груди земли. К лицу липла колымающаяся полутьма, из которой ко мне тянулись чьи-то руки.

- Где? - слабым голосом спроси-ла Марто, продолжая тянуть меня вниз. Под тяжестью ее тела, мы упали на колени, фонарь вывалил-ся у меня из рук и нас поглотила тьма. Ну, не совсем - тьма, все-таки, светила луна. И в этом лунном свете поляна ожила; мне даже по-казалось - по заглеленнейшей траве пробежала легкая рябь. Вы когда-нибудь были ночью в лесу, стоя на коленях под черным небом и огром-ной лунной, которой совершенно безразличны вы со своими фобия-ми? Наверное, мы с Марто так бы и стояли на коленях, постепенно вымерзая в землю, как вдруг едва слышно зазвучала музыка.

- Ты слышишь? - губы Марто, сведенные холодом и страхом, едва шевелились.

- Слышу, - кивнула я и, сделав немощное усилие, попыталась на звуки реалтона, с каждым движе-нием обретая уверенность и спокой-ствие. Я узнала эту музыку. «Судь-ба стучится в дверь», кто не знает этого бетховенского ритма? Та-та-та-таам... Та-та-та-таам... Он там, под землей, он потерял надежду и, похороненный живью, включил телефон, надеясь на счастливый случай, и этим случаем оказалась я - женщина, которую он предал.

Да, в этом было что-то кармическое.

Я обернулась - Марто продолжала стоять на коленях, упершись руками в мерзлую землю.

- Марто! Книзь лопатку, думая, нам надо поспешить.

Земля была рыхлая, тяжёлая. Я рыла с остервенением и страстью, вслушиваясь в ритм, который слылся в едином ритме с моим сердцем, словно я играла на барабане дарабуку. Быстрее! Еше быстрее! Звучки становились все отчетливее, все громче. Неожиданно сквозь слой земли показались пальцы, потом ладони и, наконец - голая по локоть рука.

- Боже святых! - захохотала баба Фима.

Я страхнула остатки земли с полигетилена, сняла ветки, и перед моими глазами появился Анатолий. Крепко схватив его руку, я потянула на себя. Мне пришлось сделать усилие, чтобы он поднялся и сел.

- Привет! - я смахнула с лица моего бывшего мужа несколько еловых иголок. - Как отдохнул?

- Тая?

Бескровное лицо Анатолия было похоже на посмертную маску, и я пожалела, что не прихватила бутылку водки, чтобы пробухнуть к жизни этот живой труп.

- Давай, выбираться.
Марто, подождав на полусогнутых ногах, помогла подхватить Анатолия подмышки, и общими усилиями мы выволокли его из ямы.

Не помню, как мы добрались до избушки бабы Фимы, помню, очень удивилась, когда она вытала изнутри печь соломой, помолась, плеснула воды, и Анатолий забрался вовнутрь.

- Отопрется касатик! Спаси Христос! - баба Фима перекрестилась и удовлетворенно закивала.

За окном пробивался тусклый свет зимнего утра. Я молча смотрела на Анатолия и Марто, сидящих в обнимку, их умиротворенные лица больше не смущали

мою душу. Все произошедшее казалось страшным сном в странную пятницу. Мне хотелось только одного - выкинуть эту ночь из своей памяти.

Все оказалось до банальности простым. Борис решил избавиться от своего напарника по бизнесу, воспользовавшись увлечением Анатолия ритуалом индиев-голтегов - «похороны воина». Это древний индийский ритуал - посвящение. Считалось, что люди, прошедшие под землей несколько часов, оставали в этой импровизированной могиле страх смерти, избавлялись от груза прошлого и переосмысливали свою жизнь. Каждое полнолуние на этой поляне собирались жезлопие провести экстрим-отдых в могилке и «закапывались». Конечно, рядом всегда должен был находиться человек с лопатой, который в нужный момент извлечет погребенного живым. Борис уволоврил Анатолия не расказывать жене, делая акцент на впечатлительности Марто. Анатолий углеся в могилу, с долгией навыности подая, что друг откапает его через три часа, как они договаривались, но... Так и не дождался.

Я хотела спросить, что он чувствовал, лежа в полной тишине, придавленный землей, задыхаясь от нехватки воздуха... О ком он думал и о чем сожалел... Но не спросил никогда. Потому что я простила.

*Никитило - серийный убийца.

Рада Марванова “Хургада, ты Хургада – родная сторона”

Живу я с мужем вместе двадцать пять лет, из них восемнадцать последних в небольшом разводе. Никогда дальше его деревни и дачи не ездила. Как-то дочка решила паспорт себе заграничный сделать, ну и я за компанию с ней заполнила анкету, собрала документы, сфототрафировалась на заявление. И уже через месяц “я достаю из широкости штанин – дубликатом бесценного груза, только не серпастый”, молоткастый паспорт, а Russian Federation Passport с двумя орлом из сорока шести страниц. К осени я уже поутучилу в Египет дешево и спокойно.

Долго и мучительно я выбирала купальник. Так же как в известной юмореске, вчера были раки крупные, но по пять рублей, а сегодня по три рубля, но мелкие, купальники были то красивые и модные, но по три тысячи рублей, то простые и страшные, но по семьсот рублей. Выбор был большой, но финансовые возможности не большие, буквально ораничные. Разум преобладал над чувствами и в итоге победил – я купила симпатичный купальник, прошлогодняя модель, очень даже миленький, цвета морской волны за семьсот рублей. Потом под цвет подобрала парео, с этим было гораздо легче – все китайские были жутко дешево. А в Египте он вообще стоили копейки.

Все жаркое лето я мечтала об этой поездке. В промежутках между прополкой травы на даче и своей основной работы изучала рекламные газетки, президи, о теллоаморе, о пальмах, мечтала о горящей пущеке аж за девять тысяч рублей в Турцию или Египет. Вот когда я

купила новые плетяницы сорок первого размера (а это большой дефицит), накупил сентабрь, урожай с дачи был собран, овощи все законаны в банки, яблоки все превратились в сок и варенье, мы побегали с приятельницей в турфирму “Звезда”. Оказалось туры все очень дорогие, нам предложили прийти в октябре, возможно путевки подешевеют. В октябре походило море и погода в Турции. Мы решили ждать торящие путевки в Египет. А потом суп с котом, еле-еле нашли отель “тройка с плюсом” в Хургаде на десять дней и с трудом угожились в свой отпуск в ноябре, чтобы успеть в первых числах декабря выйти на работу. За это время цены на путевки вообще не снизились, и выбора практически никакого не было. Египет от девяти тысяч рублей с вылетом из Самары существовал только в рекламной газетке “Мозаика”.

Но это были только цветочки, ягодки были впердеи. Теперь нужно было подготовить мужа к этому “знаменательному событию”. Это оказалось гораздо тяжелее, чем выбор отеля или купальника. Деньги здесь уже роли никакой не играли. То так, то эдак намекала ему, что заграничпорт приобрела не к новым сапогам финским и не для имиджу, а просто мир хочу посмотреть и себя показать. Да, зря старалась. В ответ слышала фразы: “Уедешь, можешь там и оставаться” или “Возьми с собой маму, пусть и она Египет увидит”. А дальше слеповали долгие расуждения о том, что он знает кто и зачем туда едет, и чем занимаются там дамы... Три недели меня изводили этими разговорами, я в них даже сама почти поверила, но с пути истинного не свернула. На четвертой неделе мы с приятельницей Олегй купили путевки, и “Прощай родина Ильича”, “Здравствуй Рай капиталистов”, полетели в Хургаду. Я решила опрарядить свое новое почетное знание куртизанки, во всем блеске ее нищеть, женщиныны легкого поведения. Размечталась

я, а сама уж седьмой год как ягода.

Четыре с половиной часа в Хургаду пролегли незаметно. Мы два раза покушали, попили соки манго и гуава, кетати, очень-очень вкусная вещь, переоделись в туалете в легкую одежку. Шубы и валенки попрятали в пакеты на долгих десять дней. Египет встретил нас замечательной погодой: двадцатью семью градусами выше нуля, ярким африканским солнцем, сильным ветром. Мы долго прихорючили себя, нам не верилось, что мы попали в лето и находимся совершенно на другом континенте, и где-то далеко-далеко осталась наша родина, зима, работа, родные и близкие.

С нашего рейса еще одна пара, Володя и Лариса, поселилась с нами в один отель. Он называется “Нефертити Сан-Флауер Бич”, отель тройка с плюсом (то есть “три звезды”) – мечта всех пенсионеров, людей с небольшими доходами, отдыхающих с детьми и всех кто любит хорошо и много покушать. Мы то с Олей быстренько сунули десять долларов на ресепшине, попросили номер на двоих с видом на море, думали деньги решают все. Молодой человек всё время говорит: “Окей. Окей. Карашо. Номер Карошии, рядом хозайский номер”. Сунул ключи в руку, утащил мою авторучку себе в подарок, дал мальчика, который потащил наши чемоданы, и всё. Володя с Ларисой за границей были не в первый раз, вели себя спокойно и рассулительно, деньги никому не давали. Когда мы с приятильницей заселились, переоделись и вышли на балкон, а прошол уже больше часа, мы увидели, что семейная пара в сопровождении мальчика, груженного тремя чемоданами, все ещё курсирует по терриотории отеля в поисках лучшего номера. Как выяснилось, Лариса планомерно обследовала номера, и только когда нашла хороший, разрешила носильщику заносить чемоданы.

Приятельница моя ещё до отъезда начала терзать душу, читая отзывы об этом отеле. О чудо, плохие ожидания сбылись! Заходим мы в номер и Оля с порога запричитала: “Да, конечно, именно так и писали в интернете про номера! Какой ужас! Телефон сломан, комары летают, муравьи по стенкам бегают, простыни серые”. А когда она заглянула в туалет, слов у неё уже не было: “обещанные” ящерицы бежали по полу, висели грязные полотенца, пахло сыростью и еще чем-то не хорошим. “Да”, - сказала я, “Зря мы дали десять долларов чаевых на ресепшине и доллар носильщику чемоданов”. По вечерам на терриотории отеля ощущался стойкий запах клоаки, как в средние века, когда все отходы человеческой жизнедеятельности сливали прямо на улицу под окном. Оказываясь, египтяне повторно используют воду, прошедшую через саузлы и пинсблочки, покупают её за деньги и поливают ею все цветы и пальмы. Вода, которая течет из крана, тоже не очищенная, скорее техническая, пить её нельзя.

Удивительное Красное море, пляж, тёплый песок, покосившиеся соломенные зонтики, лежаки с мокрыми полотенцами, бассейн, в котором за десять дней ни разу не поменяли воду – всё это поднимало наше настроение. Все десять дней мы были как в волшебном сне у золушки на балу. Кто-то кайфовал за обедом. Египтяне умеют хорошо и вкусно кормить: фрукты, овощи, десерты, выпечка, рыба, мясо, салаты. Кто-то веселился в барах – их было три на терриотории отеля и работали они от рассвета до заката, и всё бесплатно. А женщины с ума сходили от лавочки с ароматическими маслами. За еду, красное тёплое море, пляж, солнце, за знакомство с удивительным Египтом, за массу новых положительных эмоций, можно простить многие мелкие недостатки в сфере обслуживания и комфортабельности номеров.

Наши новые знакомые – семейная пара из Самары оказалась очень весёлые, интересные пожилые люди, лет за семьдесят. Да простит меня Лариса, в лицо бы ей ни никогда так не сказала. Так вот она, когда-то очень красивая женщина на завтрак, обед и ужин всегда одевалась со вкусом и изяществом, видимо красавица в ней умирать не собиралась. Лариса была очень интересная собеседница, зная только один язык – русский, она со всеми на пляже знакомилась и разговаривала, разговаривала одинаково легко с поляками, немцами, венграми, армянами, украинцами, белорусами и местными жителями. А потом массу новой информации выливала на наши свободные уши. Скучать она нам не давала. Только её добропорядочный супруг заснёт в тенёчке на лежаке, Лариса издавала боевой клич: “Рада, нам просто необходимо попить давленое!” А вот второй поливине дня, если мы всё ещё жарили тело на солнце, она говорила по-другому: “Скоро солнце сядет (это произошло после семнадцати), станет свежо, будем работать на опережение”. “Ужин – дело святое, для аппетита просто необходимо что-то принять” – считала Лариса. Но мы, конечно, сильно не злупотребляли. Одна дама из Москвы постоянно была в сильном подпитии, часто засыпала на пляже, от чего затрела до черна, как чулунок в русской печи. А под стать, веселухи у них были уже круглосуточные, в итоге дама опоздала на самолёт. “Такой пример – друтим наука” – мы об этом помнили всегда и держали ситуацию под контролем. Гораздо больше нам нравилось загорать и купаться. Мы с Олей чередовали пляж с экскурсиями: один день тепло греем, другой день душу.

Посмотреть в Египте есть на что: Капи и Пирамиды, Луксор и Храм Рамоса II, Египетская Венеция и замок Фиглиппа Киркорова, Нил и подвошный мир Красного

моря. Наша милая семейная пара чапе нас отдыхала на пляже, в Египте они были не первый раз. К нашему возвращению Лариса рассказывала очередной анекдот из жизни отдыхающих нашего отеля.

Сейчас расскажу один из них. Отдыхала в отеле прекрасная пани Ванда из Польши. Была она по-старше Ларисы лет на пять-шесть. Хороша была когда-то, как Мари-на Влади, купальники меняла каждый день, но все одинаково печально на ней сидели, как на глянцовой доске, вместо выпуклостей – выпуклости. Эта пани как-то плавала себе в море, плавала, глаза видимо закрывала от удовольствия, да и заплывала далеко-далеко от отеля. А может и течение её несло. Вышла наша “Афродита из пены морской”, жаль Ботичелли не с неё картину рисовал, а отеля и в помине нет. Смотрит пани Ванда по сторонам, крутом песок и камни, пустыня Сахара наугуральная, и больше ничего. Была она одета в купальник, как вы дотадались и лапты на ногах. Побрега наша бедная Ванда к дороге и очень долго – часа три безрезультатно толосовала. Но никто на эту древнюю красоту не обратил внимания. Некоторые машины останавивались, но только для того, чтобы покрутить паль-

цем у виска и не богее. Потом подвезла полиция и забрала эту "дневную бабочку". Но ей повезло, они увидели зелёный браслет у неё на руке и слава богу на нём написано было название нашего отеля. К заходу солнца безнакрашавца уже была на "ресепшине", где мы с Олей её и увидели. Я ещё подумала: "Как же она ещё уверена в себе, в своей фигуре". Меня аж большая "жаба" задуми-ла.

После этого случая наша доро-гая товарка Лора уже с осторож-ностью занималась дайвингом, бо-ялась, что и её волной снесёт. Она заходила глубоко в воду, аж по колено, опускала своё лицо с мас-кой в море и что-то долго там высматривала. Красота, покой, акул никаких, рыбок правда она тоже вряд ли видела.

Если ничего нового в отеле за день не произошло, Лариса рас-сказывала свои истории, достойные романа Маргарет Митчел "Унесён-ные ветром". С Володей они посе-нились уже в пенсионном возра-сте. Когда-то в далёкой юности он был её первой любовью. Видимо что-то у них не сложились. Взаим-ные обиды друг на друга привели к созданию не одной крепкой се-мьи, а сразу двух, но не очень надёжных. Судьба развела их на-долго. Вновь они встретились лет через 20, когда дети у всех подрос-ли, и больше не расставались ни-когда. Брак у них теперь гостевой, конфетно-букетный период веч-ный, отпуска проводят вместе за границей. У каждого есть своя отдельная квартира. Слушали мы с Олей этот рассказ и на уш мотали, вот как должны поступать насто-ящие женщины. Оля добавила: "В её возрасте и мы будем сильно умнее!"

Постепенно мы покрывались замечательным Египетским зага-ром. Лариса расхваливала мой ку-пальник цвета морской волны: «Рабочка, у Вас самый красивый купальник на всем пляже и фигу-ра замечательная!» Мне было при-ятно это слышать. На пляж я хо-

дила в сарафане (это был и не сарафан вовсе, а чехол подвезвала го платя), сверху подвязывала парео. А учитывая наш с Олей возраст: еще не восемьдесят, но уже не тридцать, отдыхали мы спокойной и комфортной, без при-ключений, чувствовали себя на пляже самыми молодыми и строй-ными. Отель у нас был тройка с плюсом, и мой тандербоп трехлетней давности тоже покатила в тему. Вечернее платье и туфли нарядные вовсе не пригодились – идти было вечером не куда и не с кем.

Очень понравилась экскурсия в Луксор. Своими глазами увидела все, о чем раньше читала в учеб-нике истории: Луксорский храм, Храм Рамоса II, гробницы, музей папируса. На катере плавали по Нилу. Можно много рассказывать про Каир и каирский музей, Пира-миды. Но это как раз то самый случай, когда лучше один раз уви-деть, чем несколько раз услышать. Вот только дорога туда и обратно изматывали капитально, да туале-ты платные на остановках опусто-шили мой кошелек.

Очень веселые вылазки совер-шали мы в Хургаду. В обществен-ном транспорте было страшновато, мы ездили туда на такси за пять долларов. Потом мы освоились ста-ли торговаться, и последние поез-дки были куда дешевле, за четве-рых в такси мы уже платили три доллара, так как этого вида транс-порта в Хургаде "полно как гря-зи". Грязи самой настоящей, нау-ральной в городе было полно. Улицы все завалены мусором, ник-то его не убирает. Правила дорож-ного движения никто не соблюда-ет, у водителей в зеркале заднего вида установлены телевизоры, и они смотрят кинофильмы. Люди живут очень бедно, одеты плохо, дома недостроенные (налог платить не надо). Да, в Африке можно в доме и без крыши жить – тепло. У нас бы этот номер не прошел. В самой Хургаде достопримечатель-стей нет никаких. Мы ходили с одной целью – урвать дешевые чеמודаны на колесиках. Об этом

Оля тоже узнала в интернете. Первый чеמודан за семнадцать долларов в районе Шаратон. Схва-тила, рядуюсь своей удаче, бегом на каску, купила, получила сдачу в мелкой валюте. Деньги у них в Египте очень интересные и бумаж-ные, и железные, и не понятно какие мелкие, а какие крупные. Держу я чеמודан, в «зобу дыханье спершу» и думаю: «Дай-ка я ручку выткну!» Ручка и не двигается – чудесенныйкий чеמודанчик, да и только. Около полудня я парилась в магазине, а в это время продав-цы услужливые бегали, извинялись передо мной, искали другой чемо-дан, да не нашли. Хитрому друфи продавец сказал: «Скидка даю! Бери чеמודан!» «господи, да зачем мне Ваш чеמודан без ручки?» - ответила я. Кое-как забрала свои деньги обратно. Очень любят тор-

говаться в Египте. Через день или два мы встретили такой же чеמודан в маленькой лавочке за тринадцать долларов. Но мы уже хотели чемо-дан подороже и покачественнее. Назойливый как муха продавец бежал за нами минут пять и все цену сбавлял. На цене десять дол-ларов за чеמודан мы с Олей еле-еле от него отбились. Все большие магазины и мелкие лавочки торго-вали одним и тем же товаром: че-מודаны, сумки, ремни, кошельки, платки, тупики, халаты, майки, масла, полотенца всех размеров. Все товары яркими, красочными с египетскими мотивами, акулами, верблюдами, фараонами. Накупили себе, родным и близким. Главная мечта – купить чеמודан и увидеть пирамиды тоже сбывлась. Я стала счастливой обладательницей чемо-дана за двадцать пять долларов.

Первый раз поела спе-дые плоды манго, в ноябре они уже закан-чивались и столги во-семь-десять долларов за один килограмм. А когда иссяк наш ва-лютный запас, набети в Хургаду прекрати-лись. Стали мы боль-ше на пляже валяться, налегать на вкусную и здоровую пищу.

Как-то наша люби-мая Лариса из Самары решила с ужина апель-сины в номер унести. Маго мы с ней за сто-лом съели видать, каждая тарелки по две навернула нарезанных дольками апельсинов. На выходе ее тормоз-нули, типа за что зап-лачено, то должно быть проглочено в столовой. Стоит она бедная апельсинами давиться, а так как идея была моя, пришлось и мне поработать в груп-пе поддержки. Одним махом съели все, чуть-

чуть не опоздали на дискотеку для тех кому совсем делать нечего, а жёлудок битком набит.

Однажды мы и Венецию посетили, но не итальянскую, а египетскую. Очень познавательная получилась экскурсия. Мы увидели многообразие подводного мира, кораллы, дельфинов, посмотрели какие у кого хороши построены. Нам по секрету сообщили, что там и Макаревич, и Киркоров и прочие сливки общества имеют свои замки, далеко не воздушные. Самые дорогие и комфортабельные отели находятся на этих рукотворных островах. В бунгало, построенном для собаки владельца всей этой Венеции, мне захотелось остаться навсегда. В этой собачьей конуре было спутниковое телевидение, бассейн, и всё такое, чего в моей ульяновской грешке не будет никогда.

Потом мы решили, вернее нам предложили подплавать в открытом море. Я ведь наявная соглашалась. Надежда спасательный жилет, нацепила на себя маску, какую-то невытую трубку в рот затолкала и... прыгнула в воду. Сама от себя такой прыти не ожидала, там ведь ступеньки были. Кайф я, конечно, словила – сразу ко дну пошла, ладно в тот момент про акул не вспомнила – умерла бы сразу, не успев утонуть. Выплыла кое-как, ничего не вижу, дышать в трубку не могу, быстренько её выплюнула, на кой она мне слалась. Инструктор всех нас зовёт: “Камон, камон – сюда!” – “плывите дескать ко мне”. Видимо разум мой помутился, мне бы к катеру плыть обратно, пока живая, а я нет! плыву к инструктору, зачем не знаю. Мне уже ни рыбок, ни кораллов видеть не хотелось, опомнилась и вернулась к катеру. Потом все еще рыбок кормили, ловили и ели. А я закуталась в парюю и сидела до самого обеда. “Подводная Одиссея капитана Кусто” не для меня. Приятельница мне говорит: “Там в море и акулы бьются”. “Хорошо-то как жить на белом свете!” – подумала я, – “Они булки кидают, рыбок заманивали. А я дура сама в море кинулась – приманка для акул”. Да, хорошо то, что хорошо кончается. Сижку счастливая, ничего не видела, но ЖИВАЯ!

Так весело и незаметно пролетели десять дней. Мы с Олег загорели, наелись всякой всячины заморской, увидели все красоты Египта, потратили всю валюту, аж триста баксов, увидели новые чомоданы подарками и подарили домой. Перелёт из лета в зиму был недолгим. Зимними вечерами я смотрела на фотографии, вспоминала чудесный, тёплый край, замечательных, гостеприимных жителей Египта, продавцов и таксистов Хургада. Все они умели говорить по-русски. Воспоминания согревали душу и тело, и хотелось петь: “Хургада, ты, Хургада, родная сторона”.

Пришло и наше русское лето, где вместо Красного моря – Волга, вместо пальм – ели и берёзы, вместо манго – яблоки и ягоды. Жить хорошо и на Родине. Но путешествовать мне понравилось, теперь мечтаю поехать в Европу. Хочу увидеть Париж, Барселону, Вену, купить вместо чемодана за двадцать пять долларов сумочку за двадцать пять евро. Но покупка нового кухонного гарнитура отложила поездку в Европу, отложила надолго до пенсии.

2.06.2011

Дмитрий Антошкин

Переводы сонетов В. Шекспира Сонет 21

Нет, не умею я, как тот Поэт,
Помешанный на красоте стиха,
Который чувства нежные поёт,
Читает вслух и сразу на века,
Все в мире в одну кучу рифмовать:
Дуну и солнице, камни и цветы,
Любовь, морковь, опять цветы, кровать,
Чтоб не могли слова мои остыть,
Попробую их просто записать:
Бумага перекажет их тепло,
Не так, конечно, если прокричать,
Что я люблю вас всем ветрам назло.
Но ты поймешь, что, слухам вопреки,
Не для продажи я пишу стихи.

Оригинал и много разных переводов этого сонета здесь:
<http://www.willmshakespeare.com/sonnet021.htm>

Руслан Назаров

соф не искал «идей», но пытался за категориями того или иного другого мыслителя отыскать «образ». Образ философии, не связанной с наукой и научными принципами, но философии самой важной для человека.

Что же это такое, «образы»? Это следы философии, стремилась к которой очень многие, видели очерчения которой десятки мыслителей, но отразить которую в привычных категориях нельзя. Отысканием таких образов Лев Шестов занимался на протяжении всего творческого пути. Этого-то не понял в нем Бердяев, как

Основной образ философии Льва Шестова

(первая статья)

Русский философ Н. Бердяев посвятил творчеству Льва Шестова несколько небольших работ. Главная из них — «Основная идея философии Льва Шестова». Названия предлаговой статьи и статьи Бердяева схожи, за исключением одного слова. У Бердяева — «идея», мы же пишем об «образе». Почему так?

Бердяев искал в сочинениях Шестова систему идей, то, что и называет концепцией того или иного философа. Такую концепцию, философскую систему находили у Киркегарда, Ницше и других мыслителей, в том числе современных Шестову. Не хотел участвовать в поиске таких систем только сам Шестов. Поэтому-то Бердяев справедливо говорит о том, что в произведениях Шестова, там, где он подвергает критике и раскритикован мысли философов прошлого, узнать эти системы очень трудно. Шестов «мол смотрит на мир, производя оценок мысли других исключительно изнутри своей темы...».

За это Шестова много критиковали. Философ не излагал объективно творчество Платона, Плотина или Паскаля, а «переделывал» их. Критики Шестова не поняли, что фило-

соф не искал «идей», но пытался за категориями того или иного другого мыслителя отыскать «образ». Образ философии, не связанной с наукой и научными принципами, но философии самой важной для человека.

Чтобы постараться правильно понять, что хотел донести до нас Шестов, надо найти у него образы. И сделать это можно не тем способом, когда вдумываешься в слова книг Шестова, но стараясь пережить его философию. Переживанием мыслителей древности, средневековья и Нового времени Шестов открывал образы, которые остались непонятными, и которые мы должны открыть заново на пути, указанном философом.

Подробно об образах Шестова мы говорим в другом месте. Здесь же мне бы хотелось остановиться на основном образе его философии — данности. * * *

Основной образ философии Льва Шестова — это данность. Не противопоставление царства необходимости Богу, как считал Н. Бердяев, а именно образ данности подталкивал Шестова к тому, чтобы писать свои многочисленные произведения, в которых философ старался этот образ раскрыть. У самого философа нет такого понятия «данность», но нетрудно заметить, что критикуя разум, Шестов обращался именно к данности, как к главной ценности для человека, как к тому, что человек утратил. Что же такое данность? Шестов не дает определения данности, но мы сможем понять, что это такое, если будем рассматривать

основные мысли философа. Философ считал, что изначально, при своем появлении, человек испытывал страх перед тем, что ему открылось, перед данностью. Окружавшее человека было для него страшным, путаясь своей непредсказуемостью, своим хаосом. Человеку нужно было как-то устроиться среди этого хаоса, поэтому-то человек подчинился разуму, который предложил человеку вместо хаоса мир возможного и невозможного. С тех пор человек живет хоть и в устроенном и упорядоченном мире, но в расстройстве у разума. Лев Шестов считал, что эти расские узы, связывающие человека, должны быть разбиты и уничтожены, что человек рано или поздно вновь вернется к данности, пройдя путь к очевидности

Подурачивается, что данность — это то, что открывается человеку, когда открывает себя как человека. Для нас, привыкших подчиняться разуму и жить в мире возможного и невозможного, представить данность достаточно сложно. Поэтому-то Шестов в своих работах старается показать, что такое данность, через сведение к данности мира возможного и невозможного. И в этом boldlyя заслуга философа.

В своих произведениях Лев Шестов исходил из того, что найти данность можно и в том мире, который был создан разумом, ведь мир этот похож «как две капли воды на то, что действительно существует». Если познать, что оглнчает мир возможно и невозможного от данности, то станет возможным приблизиться к данности. Поэтому-то Шестов постарался отыскать такое отличие, и нашел его в основаниях.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на том, что такое основания. Достаточно будет только некоторых указаний. Философ пишет, что разуму «с одной стороны, нужно разбить внешний мир на части, чтобы овладеть им, с другой стороны, тоже нужно эти части возможно прочнее связать, чтобы не было непредвиденностей или что-то было поменьше непредвиденностей». Другими словами, разум находится в данности согласованность и необходимость, которые и

составляют основания. Поэтому в мире возможного и невозможного, в отличие от данности, одно есть посредством другого, в нем то, что основания имеет — возможно, а то, что основания не имеет — невозможно.

Основания, которые выдмал разум, это «некая прибавка» к данности, как метко заметил Шестов. Благодаря такой прибавке разум создает из данности мир возможного и невозможного. Именно поэтому философ пишет, что мир возможного и невозможного состоит из «данного человека и созданного человеком». Значит, если из мира возможного и невозможного убрать основания, то мы сможем «увидеть» данность. Другими словами, чтобы данность открылась как то, что открывает человек, когда открывает себя как человека, мы должны отказать от согласованности и необходимости, благодаря которым разум создает мир возможного и невозможного. Данность — это своеобразный «сухой остаток», который получается путем вычитания из мира возможного и невозможного оснований. Это и есть сведение к данности, которое не может освободить человека от власти разума, но может показать ему, что он лишился, потеряв данность.

* * *

Образ данности — это главный образ философии Льва Шестова. Все остальные мысли философа вытекают из этого открытия данности. Но именно этого-то не поняло большинство критиков, в том числе Н. Бердяев. Бог — это только идея к образу данности, как необходимость — идея к образу мира возможного и невозможного.

Читатели могут обратиться к автору статьи с вопросами и пожеланиями по электронной адресу: tpiaz2007@mail.ru

Мы предоставляем полный спектр издательско-редакционных услуг частным лицам (литературное редактирование, корректура, создание макета книги и сопроводение в печать).

Онакомпиться с уже изданными книгами и расценками можно здесь:
<http://atdvest.asf.net>
(на главной странице сайта и в разделе «Книги наших авторов»).

Тексты для публикации в этом журнале и в журнале «МОСТ» присылайте на адрес электронной почты редакции: e-vi@list.ru

Дружественные издательские проекты

Издательская Мастерская «ИМ НОРДВЕСТ – СПб»

Подготовка и издание
литературных альманахов
современной поэзии и прозы

Рецензирование, редактирование и издание авторских книг
(стихи, проза).

Художественное оформление, обложка, дизайн.

Информационная страница
в Интернете:

www.stihl.ru/autor/sbornikwi

E-mail : nordvest2010@mail.ru

Телефон: +7 921 976 46 49

Вышли из печати:

«Город воин, труженик, поэт» СПб,2010, «Век Искусства»,
104 стр. Цена 70 руб

«О творчестве скажу» СПб,2011, «ИМ Нордвест-СПб», ПРТ ,
112 стр. Цена 90 руб

«И звезда с звездой говорит» СПб, 2012, «ИМ Нордвест-СПб»,
180 стр. Цена 130 руб

Литературно-публицистический журнал **ВИКИНГ**
(Великий Новгород)
wiking-liteta.psoz.ru

Книги наших авторов

1. Виктор Лаврилин «Избранное». - М.: «Алмера», 2011. - 480 с.

2. Аврора Немержицкая
«Белые сны». - Таггин,
Изд. ОУ Tarbeinfo, 2010.-192 с..